

STEPHANOS

СТЕΦΑΝΟΣ

2025

№ 2 (70) || Март

#2 (70) || March

ISSN 2309-9917

DOI 10.24249/2309-9917-2025-70-2-1-104

Stephanos

Сетевое издание

Рецензируемый мультиязычный научный журнал

Электронный проект

филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:

докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова

доктор искусствоведения доцент РАНХиГС Д. Красовец

ассистент кафедры русистики и лингводидактики PhD Карлов университет в Праге Якуб Конечны

докт. культурологии, профессор М.М. Лоевская

доктор филол. наук, профессор, декан философского факультета университета

им. Палацкого г. Оломоуц Зденек Пехал (Чешская республика)

канд. филол. наук, редактор Е.В. Раздобурдина

докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина

докт. филол. наук профессор А.Г. Шешкен

докт. филол. наук доцент А.В. Уржа

канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:

старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет:

Александра Вранеш, докт. филологии, проф., *Белградский университет (Сербия)*

Екатерина Федоровна Журавлева, проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы, *Западно-Македонский университет Греции (Греция)*

Мария Леонидовна Каленчук, доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия)*

Максим Каранфиловский, докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Северная Македония)*

Леонид Петрович Крысин, докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН (Россия)*

Весна Мойсова-Чепишевская, докт. филологии, проф., *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Северная Македония)*

Джей Паджет, докт. филол. наук, проф., *Университет Калифорнии Санта Круз (США)*

Иво Поспишил, докт. филол. наук, проф., зав. Институтом славистики, *Университет им. Т.Г. Масарика, Брно (Чехия)*

Елена Стерьеулу, проф., *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии (Греция)*

Антон Элиаш, канд. филол. наук, проф., *Университет им. Я.А. Коменского в Братиславе (Словакия)*

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–53145 от 14.03.2013

© 2013–2025. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

© 2013–2025 Stephanos

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:
Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
Doctor of History of Arts Docent D. Krasovec
Lector of Russian & Language Teaching Methodology PhD Charles University in Prague Jakub Konecny
Doctor of Culturology Professor M.M. Loyevskaya
Candidate of Philological Sciences E.V. Razdoburdina
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Doctor of Philology Professor Zdeněk Pechal
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak (Executive Secretary)

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council:

Anton Eliáš PhD, Prof., *Comenius University in Bratislava (Slovenská republika)*
Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Maxim Karanfilovsky PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje,*
Honorary Prof. of *Lomonosov Moscow State University (North Macedonia)*
Leonid Krysin PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Vesna Mojsova-Chepishavska PhD, Prof., *University Sts. Cyril and Methodius*
in Skopje (North Macedonia)
Jaye Padgett PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz*
(USA)
Ivo Pospíšil, PhD, Prof., Head of the Institute of Slavic Studies, *University of TG Masaryk, Brno*
(Czech Republic)
Helen Stergiopoulou PhD, Prof. *School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies National and*
Capodistriian University of Athens (Greece)
Alexandra Vranesh PhD, Prof., *University of Belgrade (Serbia)*
Ekaterina Zhuravleva PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian
Language and Literature *University of Western Macedonia Greece (Greece)*

Registration certificate EL № FS 77–53145 from 14.03.2013
© 2013–2025. Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University
© 2013–2025 Stephanos

Содержание

Статьи

- М.Н. Крылова (Зерноград, Россия)* Представление о служебных словах и их полифункциональности в русистике..... 7
- Б.П. Аширапов (Худжанд, Республика Таджикистан)* Уровень использования некоторых счетных слов, количественно измеряющих время и расстояние, в таджикском, китайском и английском языках 19
- М.А. Иброхимова (Худжанд, Республика Таджикистан)* Анализ научных интерпретаций любви и безумия Меджнуна в «Лейли и Меджнун» Низами Гянджеви..... 25

Материалы и сообщения

- Р.А. Ибрагимова, З.А. Зафарова (Худжанд, Республика Таджикистан)* Герундий в английском языке: морфологические аспекты..... 33

События. Имена. Судьбы

- М.Э. Эхсонзода, Н. Муроди (Худжанд, Республика Таджикистан)* 50 лет на стыке традиций: профессор Низомиддин Муроди и его творческий путь 40
- Б.П. Аширапов (Худжанд, Республика Таджикистан)* Вклад профессора Низомиддина Муроди в изучение и исследование литературных связей между таджикско-персидской и китайской литературами (на примере уйгурской литературы) 45
- Б.П. Аширапов, Н. Муроди (Худжанд, Республика Таджикистан)* Избранная библиография печатных трудов профессора Низомиддина Муроди..... 53

Библиографии

- В.А. Воропаев (Москва, Россия)* Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (1928–2024): Дополнения 65
- М.М. Громова (Москва, Россия)* О Лидии Чарской. Библиография (к 150-летию со дня рождения). Часть 2..... 72

Научная жизнь

- В.А. Ковтик (Москва, Россия)* Конференция «Малые жанры фольклора в историко-культурном контексте: от средневековых маргиналий к мемам» (15 октября 2024 г.) 85
- О.В. Гусева, И.И. Куимов (Санкт-Петербург, Россия)* О Международной научной конференции СПбГУ «XXIII Славистические чтения памяти проф. П.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова» (12.09.2024–14.09.2024) 91
- П. Левина, Г. Остробородова (Москва, Россия)* «Поворот винта» Генри Джеймса: опыт столкновения с неизвестным в «атмосферной» повести и ее адаптациях. (Круглый стол «Секрет “атмосферной” прозы, или Поворот винта от Генри Джеймса» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 11 декабря 2024 г.)..... 95

Contents

Articles

- M.N. Krylova (Zernograd, Russia)* The Concept of Function Words and Their Polyfunctionality in Russian Studies..... 7
- B.P. Ashrapov (Khujand, Republic of Tajikistan)* The Level of Usage of Some Measure Words Quantifying Time and Distance in Tajik, Chinese and English 19
- M.A. Ibrohimova (Khujand, Republic of Tajikistan)* The Analysis of Scholarly Interpretations of Majnun's Love and Madness in "Leyli and Majnun" by Nizami Ganjavi..... 25

Communications and Materials

- R.A. Ibragimova, Z.A. Zafarova (Khujand, Republic of Tajikistan)* Gerund in English: Morphological Aspects..... 33

Events. Names. Destiny

- M.E. Ehsonzoda, N. Murodi (Khujand, Republic of Tajikistan)* 50 Years at the Crossroads of Traditions: Professor Nizomiddin Murodi and His Path in Science 40
- B.P. Ashrapov (Khujand, Republic of Tajikistan)* Professor Nizomiddin Murodi's Contribution to the Study and Exploration of Literary Ties between Tajik-Persian and Chinese Literatures (on the example of Uyghur literature) 45
- B.P. Ashrapov, N. Murodi (Khujand, Republic of Tajikistan)* Selected Bibliography of the Works of Professor Nizomiddin Murodi 53

Bibliography

- V.A. Voropaev (Moscow, Russia)* The Bibliography of N.V. Gogol's Works and Literature about Him in Russian (1928–2024): Supplement 65
- M.M. Gromova (Moscow, Russia)* About Lydia Charskaya. Bibliography (on the 150th anniversary of her birth). Part 2 72

Academic Life

- V.A. Kovpik (Moscow, Russia)* The Conference "Small Genres of Folklore in the Historical and Cultural Context: From Medieval Marginalia to Memes" (October 15, 2024)..... 85
- O.V. Guseva, I.I. Kuimov (St. Petersburg, Russia)* On the International Scientific Conference of St. Petersburg State University «XXIII Slavic Readings in Memory of Prof. P.A. Dmitriev and Prof. G.I. Safronov» (12.09.2024–14.09.2024)..... 91
- P. Levina, G. Ostroborodova (Moscow, Russia)* "The Turn of the Screw" by Henry James: Clash with the Unknown in the "atmospheric" Long Story and Its Adaptations. (Round Table "The Puzzle of 'Atmospheric' Prose, or The Turn of the Screw by Henry James" (Lomonosov Moscow State University, December 11, 2024)..... 95

Статъи

Articles

М.Н. Крылова (Зерноград, Россия)

Представление о служебных словах и их полифункциональности в русистике

Аннотация: В статье выполнен теоретический обзор истории исследования служебных слов в русском языкознании. Отмечены различные подходы к служебным словам, обусловленные их структурным, семантическим и функциональным разнообразием. Особое внимание уделено вопросу полифункциональности служебных слов, их способности выступать в роли разных частей речи в различных предложениях. Отмечается, что постоянное расширение, углубление, уточнение теории служебных слов в русском языкознании обусловлено подвижностью этого класса языковых единиц, проницаемостью его границ и полифункциональностью служебных слов. Каждый разряд служебных слов непрерывно пополняется за счет как единиц других служебных частей речи, так и знаменательных слов. Новые служебные и полифункциональные единицы чаще всего являются составными, включают в себя несколько слов; кроме того, для них характерно употребление в составе синтаксических конструкций, в связи с чем перспективным направлением лингвистических исследований является грамматика конструкций.

Ключевые слова: русский язык, служебные слова, предлог, союз, частица, полифункциональные единицы, текстовая скрепа, релятив, дискурсивная единица

М.Н. Krylova (Zernograd, Russia)

The Concept of Function Words and Their Polyfunctionality in Russian Studies

Abstract: The article provides a theoretical overview of the history of the study of function words in Russian linguistics. Various approaches to function words are noted, due to their structural, semantic and functional diversity. Particular attention is paid to the issue of the polyfunctionality of function words, their ability to act as different parts of speech in different sentences. It is noted that the constant expansion, deepening, clarification of the theory of function words in Russian linguistics is due to the mobility of this class of linguistic units, the permeability of its boundaries and the polyfunctionality of function words. Each category of function words is continuously replenished at the expense of both units of other function parts of speech and significant words. New function and polyfunctional units are most often composite, include several words; in addition, they are typically used in syntactic constructions, in connection with which the grammar of constructions is a promising direction of linguistic research.

Key words: Russian language, function words, preposition, conjunction, particle, polyfunctional units, textual bond, relative, discursive unit

Современный русский язык стремительно развивается. В нем постоянно появляются новые слова, однако изменения касаются не только лексики, но и грамматики. В частности, расширяют свои функции языковые единицы, которые принято называть служебными. Термин «полифункциональность» активно используется в различных сферах знания; можно сказать, что современные ученые уверены: способы использования различных явлений действительности постоянно расширяются и/или изменяются, а функция является важнейшей характеристикой любого феномена, поскольку указывает на его практическое применение, на его значимость в человеческой жизнедеятельности.

Цель данного исследования – рассмотреть историю изучения служебных слов в русистике, акцентировав при этом различные подходы к служебным словам и актуальную в современном языкознании разработку их как полифункциональных единиц. Материалом для практической части исследования стали тексты, представленные в Национальном корпусе русского языка [Национальный корпус русского языка 2025].

Служебные слова поясняются в терминологическом словаре как такие, для которых «синтаксическая функция, состоящая в связывании, выделении, соотношении и т. д., является основной» [Ахманова 2004: 433]. В морфологической системе языка служебные слова противопоставлены самостоятельным (знаменательным), «имеющим отдельный самостоятельный смысл (самостоятельное лексическое значение), т. е. отражающим действительность в ее предметах, действиях, качествах или свойствах» [Там же: 160]. В русском языке выделяются такие основные типы служебных слов, как предлоги, союзы, частицы, связки (факультативно, не всеми учеными). Служебные части речи не изменяются, не имеют полного самостоятельного лексического значения (оттенки и остатки семантики они могут сохранить), к ним нельзя задать вопрос (отдельно от самостоятельных частей речи, с которыми они могут вступать в сочетания), они не являются самостоятельными членами предложения и служат для связи между собой знаменательных частей речи и различных компонентов высказывания.

В лингвистике и в русистике, в частности, служебные слова «рассматриваются как необходимые, но все же скорее как факультативные средства языка» [Султанбаева 2008: 3] и поэтому изучаются менее активно, чем самостоятельные. Мы считаем такое положение неправильным, поскольку служебные слова участвуют в оформлении речи, придании ей завершенности; от них во многом зависит стилистическая окраска текста.

Деление слов русского языка на знаменательные и служебные, их оппозиция очевидны для русистов. Еще М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» (1755) предложил термины «главные» (знаменательные) и «служебные» (вспомогательные) [Ломоносов 1952: 408] слова. В трудах других исследователей встречаются схожие термины: к примеру, у М.Н. Петерсона – «самостоятельные» (знаменательные) и «несамостоятельные» (служебные) слова [Петерсон 1955: 34].

В.В. Виноградов предлагал для наименования служебных слов термин «частицы речи», относя к ним предлоги, союзы и частицы, не имеющие «вполне самостоятельного реального или материального значения» [Виноградов 1986: 555]. Данный термин выражает противопоставление частей речи (самостоятельных

слов) и частиц речи (служебных слов), передавая мысль о меньшем объеме многих служебных слов и об их зависимом, неосновном положении в языке. Он не закрепился, возможно, в силу его совпадения с видовым наименованием одной из служебных частей речи – «частицы».

Активное изучение служебных слов русского языка началось в середине XX в.; в 1950–1970-х гг. Г.Е. Крейдлин рассмотрел в диссертационном исследовании семантические и синтаксические аспекты служебных слов, затронул вопросы их прагматики, описал специфику их синтагматических и парадигматических связей [Крейдлин 1979]. Появились исследования, посвященные отдельным разрядам служебных слов, их семантике, строению и функционированию в русском языке [Прияткина 1954; 1968; Стародумова 1974; Судаков 1972; Хандажинская 1965]. Внимание исследователей привлекли служебные слова в разговорной речи, употребляемые в непосредственной языковой среде [Никольский 1964].

В ходе развития учения о служебных словах постепенно сформировалось понятие об их системе и входящих в нее элементах. Не все исследователи ограничивались выделением трех служебных частей речи: предлога, союза и частицы. Кроме того, в описаниях служебных слов фигурирует термин «текстовые скрепы». Его использует в диссертационном исследовании Е.В. Откидыч, рассматривающая единицы *кстати* и *между прочим* в монологическом и диалогическом тексте и характеризующая их как «трансграничные явления» на пересечении лексического и грамматического в языке [Откидыч 2017: 3]. Текстовые скрепы обычно являются полифункциональными языковыми единицами, поскольку в различном контексте, по-разному употребленные в высказывании, могут выполнять разные функции; к примеру, лексема *иначе* выполняет «функции аналога союза, конкретизатора в разных типах конструкций и функцию текстовой скрепы» [Чжан Шо 2020]. Кроме того, в современном языкознании анализируются текстовые скрепы *к слову* [Жукова 2003], *таким образом* и *итак* [Тюрин 2012], *в любом случае*, *хочешь не хочешь* и *так или иначе* [Пилюгина 2019], *впрочем* [Гускина 2021], *точнее*, *вернее*, *лучше*, *проще*, *иначе*, *попросту*, *если не сказать*, *как говорят*, *как говорится* [Чжан Шо 2021], *прежде всего* [Тюрин 2022а], *кроме того* [Тюрин 2022б] и др.

При выявлении и анализе текстовых скреп необходимо учитывать связность текста и средства, с помощью которых эта связность достигается. Текстовые скрепы «являются средством организации конструкций и квалификации смысловых отношений между элементами текстовых структур» [Пилюгина 2019: 6]. Функциональная неоднозначность текстовых скреп нередко обуславливает в процессе их употребления пунктуационные трудности.

Лингвисты рассматривают различные функции служебных слов, из которых основной закономерно считается функция установления с их помощью связи между различными словами и сочетаниями в высказывании и тексте, между частями предложения и текста. По характеристике А.С. Цоя, служебные слова «служат средством выражения категории релятивности и обязательного отнесения содержания высказывания к действительности» [Цой 2008: 8]. Кроме того, говорят о такой функции, как оценочная, подразумевая под нею передачу служебными словами оценочных коннотаций. Служебные слова, по замечанию Л.Г. Смирновой, «не обладая полноценной лексической семантикой, представляют собой тем не менее важное средство создания оценочной прагматики высказывания» [Смирнова 2011: 63]. Коннотативная функция служебных слов состоит в «выражении

отношения говорящего к содержанию высказывания» [Цой 2008: 8]. Модальная функция служебных слов заключается в реализации с их помощью разнообразной модальности в предложении, «в формировании модального рисунка» высказывания [Ван Вэньцзе 2021: 292]. Разнообразие функций указывает на то, что служебные слова выполняют свои роли в высказывании очень по-разному и сводить их значение к установлению связей между самостоятельными словами не следует.

Современные исследователи полагают, что для служебных слов не менее, чем для знаменательных, важна семантическая составляющая [Федотов 2019]. Говорят о том, что они «имеют значительно большую “силу выражения”, чем существительные, глаголы, прилагательные» и без них «невозможен вообще процесс мышления» [Кривонос 2001: 107]. Лингвисты призывают при анализе служебных слов одинаково учитывать их лексическое и грамматическое значение и видеть в служебных частях речи «лексико-грамматические категории» [Куныгина 2012: 63]. Как и у большинства полнозначных лексем, семантика служебных слов проявляется только в реальном речевом употреблении. Каждое служебное слово, по мнению исследователей, обладает «определенным набором сем, выявление которого возможно только исходя из контекстуального окружения» [Волкова 2013: 5]. Эти семы не являются менее значимыми, чем семантические компоненты знаменательных слов, и то, что они выявляются только в контексте, не умаляет их содержательной роли, а только делает более богатыми варианты ее проявления.

Внимание лингвистов привлекают также полифункциональные служебные слова, которые могут быть в различных контекстах разными служебными частями речи или разными разновидностями одной и той же служебной части речи. Н.О. Григорьева анализирует как полифункциональные единицы союзы *и, чтобы, потому что* и др. и выявляет их роль в создании парцеллированных конструкций [Григорьева 2010]. Исследователь считает, что конструкции с полифункциональными служебными словами имеют значительный текстовый потенциал, выступая как единицы «прагматически сильные, семантически значимые для интерпретации текста» [Григорьева 2013: 137]. И.Н. Политова останавливается на служебном слове *просто* наречного происхождения, которое может выступать в тексте как частица, союз и структурный элемент составного союза [Политова 2017].

Разнообразие служебных слов, варианты их семантики, полифункциональность и переходные явления требуют лексикографической фиксации. Словари служебных слов особенно активно создаются представителями Дальневосточной лингвистической школы; например, «Словарь служебных слов русского языка» под редакцией Е.А. Стародумовой, в котором представлена максимально полная информация о каждом служебном слове или сочетании [Словарь служебных слов русского языка 2001]. Цель словаря не столько фиксация, сколько исследование, тем более что анализируемые в нем единицы являются динамичными и со временем могут изменить свои семантические, структурные, функциональные свойства. Для каждого служебного слова при необходимости в словаре указаны значение (с примерами), правила употребления (сочетаемость, позиция, характерные контексты), синонимы, омонимы, стилистические возможности, фразеологизмы с данной единицей в составе, речевые функции, текстовые особенности, иллюстрации (разнообразные примеры) и т. п.

Словарную специфику имеют и издаваемые во Владивостоке монографии. Монография «Служебные слова в лексикографическом аспекте» опубликована в 2017 г. Она включает подробно разработанные и глубоко осмысленные лексико-

графические портреты частиц (*единственно, исключительно* и др.), производных предлогов (*вроде, типа* и др.), союзов (*ли...ли, в то время как* и др.), текстовых скреп (*итак, таким образом* и др.), слов-гибридов (*без сомнения, не без основания* и др.) [Служебные слова в лексикографическом аспекте 2017].

Монография «Лексикографические портреты служебных слов» вышла в 2022 г. [Лексикографические портреты служебных слов 2022]. В ней представлены подробные лексикографические описания ряда частиц (*вот, еще* и др.), производных предлогов (*в качестве, в русле* и др.), союзов (*если, если бы не* и др.), текстовых скреп (*впрочем, иначе говоря* и др.) и слов-гибридов (*в отдельности, в принципе* и др.). Лексикографические описания в монографиях очень детальные, их структура схожа с апробированной ранее в «Словаре служебных слов русского языка».

Кроме того, на основе разработок дальневосточных ученых создан сайт «Лаборатория служебного слова» (<http://www.labslsl.ru>), где происходит «обобщение и систематизация на современной технологической основе наработанных вышеуказанным научным коллективом материалов» [Завьялов 2015: 132]. Сайт представляет собой интернет-площадку, где представлены разнообразные научные труды школы: диссертации и их авторефераты, монографии, статьи, учебные пособия, сборники и т. п. Здесь же изложена концепция Дальневосточной синтаксической школы, в основе которой – индивидуальный подход к каждой служебной единице, помещение ее в центр исследования, внимание к ее реальному функционированию в конкретных примерах.

Проблемы лексикографической фиксации служебных слов могут решить специализированные словари служебных слов [Лексикографические портреты служебных слов 2022; Рогожникова 2003; Служебные слова в лексикографическом аспекте 2017; Словарь служебных слов русского языка 2001], а также «Толковый словарь служебных частей речи русского языка» Т.Ф. Ефремовой [Ефремова 2004], «Словарь непроезженных предлогов современного русского языка» М.Г. Лепнева [Лепнев 2009] и др. В последнее время в связи с повышением в лингвистике внимания к служебным словам, их полифункциональным вариантам и роли в языке количество лексикографических изданий такого типа возрастает. Словари служебных слов также включаются в монографические исследования и учебные пособия различных авторов. К примеру, в учебном пособии Е.А. Стародумовой «Русские частицы» есть раздел «Список русских частиц и частицеподобных единиц, иллюстрированный примерами» [Стародумова 1997: 44–62], представляющий собой ценный лексикографический перечень. Постоянное изменение состава служебных слов русского языка, динамичное их пополнение новыми единицами диктуют необходимость непрерывной работы над словарями такого типа.

В тесной связи со служебными словами в современной русистике рассматриваются также релятивы, представляющие собой языковые единицы, которые приобретают в языке «признаки служебности» [Шереметьева 2015: 59]. К релятивам относят языковые единицы, служащие для выражения различных отношений между словами (и обозначаемыми ими понятиями) в языке. Релятивы – динамичные явления языка, и их состав в русском языке постоянно пополняется за счет новых единиц. Чаще всего исследователями рассматриваются релятивы, образованные на базе имен существительных. Е.С. Шереметьева анализирует такие отыменные релятивы, как *в аспекте, в деле, на предмет, в радиусе, в объеме, в случае* и др. [Шереметьева 2011]. Чаще всего предмет внимания исследователя и ее учени-

ков – производные предлоги, например: *в соответствии с* [Шереметьева, Чуе-акаев 2016], *в русле* [Шереметьева 2019] и др. Ж. Ли рассматривает отыменный релятив *на фоне*, используемый в конструкциях с семантикой (отношениями) сопоставления, параллельными компонентами и антонимичностью между ними [Ли Жэньчжэ 2017].

Расширению терминологии служебных слов в русской лингвистике также способствует термин «дискурсивная единица», который употребляют «применительно к частицам, выполняющим функции обеспечения связности дискурса» [Кацман 2017: 139]. Появление данного термина связано с распространением в языкознании дискурсивного подхода к языку, согласно которому явления языка рассматриваются в речи, в дискурсе. К дискурсивным единицам относят сочетание *как раз, именно* и др. Е.М. Кацман предлагает использовать компромиссный термин «дискурсивные частицы», объединяющий два явления русской грамматики, которые тесно связаны и пересекаются [Там же: 140–141]. Е.Н. Гускина анализирует дискурсивную единицу *впрочем* и выявляет ее значимость как средства текстовой связности, а также как коммуникативного элемента, с помощью которого говорящий может осуществить «прекращение повествования, описания, рассуждения» [Гускина 2021: 144].

В современном языкознании сформировалось научное направление, которое может быть обозначено как «грамматика конструкций», или «синтаксис конструкций». Основой данного направления стала опубликованная в 1988 г. статья Ч. Филлмора, П. Кея и М. О’Коннер, в которой изложена идея изучения единиц языка, включающих более одного компонента, как синтаксических конструкций [Fillmore, Kay, O’Connor 1988]. С этих пор в изучении полифункциональных языковых единиц начал преобладать подход «от конструкции». Е.С. Шереметьева отмечает адекватность термина «конструкция», используемого для описания «синтаксических структур с производными предлогами и новообразованиями предложного характера» [Шереметьева 2015: 218].

Для примера рассмотрим полифункциональное сочетание *все равно*, которое образует в современном русском языке множество различных структур, объединяясь с другими служебными словами.

Сочетание *как все равно* имеет сравнительную семантику. К примеру, с его помощью могут быть переданы воспоминания глазами ребенка, немного по-иному, через близкие ему тогда ассоциации видевшего мир: «*Огрубеет, потрескается кожа, образуется множество ранок, как все равно курица исклевала ноги*» (В. Солоухин. Капля росы).

Одна из синтаксических конструкций с *все равно что* – «главный член предложения + *все равно что* + второстепенный член»; «второстепенный член предложения + *все равно что* + второстепенный член». То есть данным союзом могут соединяться главный и второстепенный члены предложения, например сказуемое и обстоятельство: «*Строили его, все равно что осушая море*» (О. Павлов. Карагандинские девятины). Пример постановки *все равно что* между членами простого предложения, не являющимися главными: «*Оставят одного в покое – и в земельку, в могилку родненькую, все равно что в матушку, в утробушку...*» (О. Павлов. Карагандинские девятины). Данные сочетания вносят в предложения разговорный оттенок, интонацию задушевности.

Средствами, усиливающими семантику частицы *все равно*, могут выступать вводные слова. Например, модальное слово *впрочем* в толковом словаре харак-

теризуется как выражающее «нерешительность, колебание, сомнение» [Словарь русского языка 1985: 224]. *Все равно* может комбинироваться с вводным (модальным) словом *впрочем* в вариантах: *впрочем... все равно*; *все равно... впрочем*. Например: «*Это, впрочем, все равно ниже, чем среднемировые темпы – 5,7–5,9%, по оценкам МВФ, напоминает Надоршин*» (Ведомости, 13.12.2021), «*Тем не менее, значительный рост себестоимости был причиной того, что чистая рентабельность компании все-таки сократилась: с 20% до 18% – все равно, впрочем, оставаясь на неплохом уровне*» (РБК Daily, 10.10.2005). В сочетании с частицей *все равно*, в препозиции или постпозиции, контактно или дистантно, *впрочем* передает желание говорящего ограничить высказанную мысль, возможно, представить какой-то сильный аргумент, чтобы сдержать себя с помощью сочетания *все равно*.

Данные примеры показывают, насколько разнообразными могут быть новые сочетания со служебными словами, на базе которых в русском языке постепенно формируются новые составные служебные единицы, а также демонстрируют многообразие синтаксических конструкций, формируемых этими единицами.

Таким образом, представление о служебных словах в русистике постоянно расширяется, углубляется, уточняется и конкретизируется, что связано с непрерывным развитием русской морфологической системы, появлением новых составных служебных полифункциональных единиц. Внимание лингвистов привлекают в первую очередь полифункциональные слова, способные выступать в контексте как различные служебные части речи, а также выходить за их границы и функционировать как знаменательные единицы. Перспективным направлением развития современной морфологии является грамматика конструкций, предлагающая подход «от конструкции» и изучающая синтаксические структуры с производными служебными словами, связывающими различные члены предложения.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
- Ван Вэньцзе. К вопросу о модальной функции служебных слов в русском языке (на примере подчинительных союзов причины) // Модальность. Коммуникация. Текст: сб. науч. тр. междунар. науч. конф. Калининград: Балт. фед. ун-т, 2021. С. 288–293.
- Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове: учебное пособие. М.: Высш. шк., 1986. 639 с.
- Волкова Р.А. Лингвопрагматические функции эмоционально-экспрессивных частиц в художественном диалоге: на материале языка прозы Э.М. Ремарка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2013. 24 с.
- Григорьева Н.О. Конструкции с полифункциональными служебными словами: текстовый потенциал // Медиалингвистика. 2013. № S2. С. 134–137.
- Григорьева Н.О. Полифункциональные служебные слова в конструкциях с парцелляцией // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2010. № 3. С. 116–121.
- Гускина Е.Н. Контекстные модификации дискурсивного слова *впрочем* и их лексическая поддержка // *Litera*. 2021. № 8. С. 144–151.
- Жукова Т.А. Полифункциональная лексическая единица «К СЛОВУ» и ее контекстно-функциональные синонимы: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2003. 24 с.

Завьялов В.Н. Сайт «Лаборатория служебного слова» // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2015. Т. 2. № 3(23). С. 132–133.

Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2004. 814 с.

Кацман Е.М. Дискурсивная частица *как раз* и ее функции в составе высказывания // Научный диалог. 2017. № 12. С. 139–150.

Крейдли Г.Е. Служебные слова в русском языке: семантические и синтаксические аспекты их изучения: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1979. 301 с.

Кривоносов А.Т. Система классов слов как отражение структуры языкового сознания. М.; Нью-Йорк: ЧеРо, 2001. 846 с.

Куньгина О.В. О лексическом и грамматическом значении служебных слов: теоретический аспект // Гуманитарные исследования. 2012. № 4(44). С. 63–68.

Лексикографические портреты служебных слов: монография / Е.А. Стародумова, Е.С. Шереметьева, В.Н. Завьялов, Е.Н. Гускина др.; отв. ред. Е.А. Стародумова, Е.С. Шереметьева, В.Н. Завьялов. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2022. 322 с. (ЛПСС).

Лепнев М.Г. Словарь непроизводных предлогов современного русского языка. СПб.: Гуманитарная акад., 2009. 172 с.

Ли Жэньчжэ. Средства выражения сопоставительных отношений в простом предложении: отыменный релятив *на фоне* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9-2(75). С. 125–128.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 7: Труды по филологии (1739–1758). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 993 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 29.01.2025).

Никольский А.А. Очерки по синтаксису русской разговорной речи: монография. Душанбе: Изд-во Таджикского гос. ун-та, 1964. 73 с.

Откидыч Е.В. Функционирование текстовых скреп *кстати* и *между прочим* в монологическом и диалогическом тексте: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2017. 20 с.

Петерсон М.Н. Система русского правописания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. 108 с.

Пилюгина Н.Ю. Фразеологизированные сочетания в служебной функции: синтаксис и семантика: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2019. 33 с.

Политова И.Н. О «многоликости» служебного слова «просто» в современном русском языке // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2017. № 2(18). С. 113–126.

Прияткина А.Ф. О союзе «хотя» в современном русском языке // Русский язык в школе. 1968. № 2. С. 83–88.

Прияткина А.Ф. Служебные слова, выражающие пояснение и уточнение, в современном русском литературном языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1954. 16 с.

Рогожникова Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М.: Астрель: АСТ, 2003. 416 с.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985. 696 с.

Служебные слова в лексикографическом аспекте: монография / Е.А. Стародумова, В.Н. Завьялов, Е.С. Шереметьева, И.Н. Токарчук и др.; отв. ред. Е.С. Шереметьева, Е.А. Стародумова, П.М. Тюрин. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2017. 377 с.

Словарь служебных слов русского языка / Отв. ред. Е.А. Стародумова. Владивосток: Примполиграфкомбинат, 2001. 363 с.

Смирнова Л.Г. Взвесим все за и против. Служебные слова с оценочными коннотациями в русском языке // Русский язык за рубежом. 2011. № 1(224). С. 58–63.

Стародумова Е.А. Акцентирующие частицы в современном русском литературном языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1974. 24 с.

Стародумова Е.А. Русские частицы: учебное пособие. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 68 с.

Судаков Г.В. Двойные предлоги // Русская речь. 1972. № 7. С. 125–129.

Султанбаева Х.В. Служебные слова в системе частей речи башкирского языка: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Уфа, 2008. 55 с.

Тюрин П.М. Текстовые скрепы *таким образом* и *итак* в современном русском языке: особенности функционирования и семантики: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2012. 26 с.

Тюрин П.М. Разработка словарной статьи текстовой скрепы «прежде всего» для «Словаря служебных слов русского языка» // Вопросы лексикографии. 2022а. № 26. С. 78–95.

Тюрин П.М. Текстовая скрепа *кроме того*: к лексикографическому портрету служебного слова // Научный диалог. 2022б. Т. 11. № 7. С. 118–135.

Федотов А.Н. К вопросу о значении служебных слов // Наука и образование. 2019. Т. 2. № 4. С. 120.

Хандажинская А.И. Противительные и присоединительные конструкции с союзом «хотя / хоть» в современном русском литературном языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1965. 348 с.

Цой А.С. Лексикография русских служебных слов: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2008. 35 с.

Чжан Шо. Служебные единицы на базе слова «иначе», выражающие пояснительные отношения // Филология. 2020. № 3(27). С. 48–54.

Чжан Шо. Структура и функции служебных единиц вторичного характера, формирующих отношения пояснения в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2021. 23 с.

Шереметьева Е.С. Отыменные релятивы современного русского языка: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Владивосток, 2011. 37 с.

Шереметьева Е.С. Понятие «конструкция» как языковое явление и как инструмент описания служебных слов предложного типа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-3(53). С. 218–220.

Шереметьева Е.С. Релятивные свойства словоформы *в русле* (к вопросу о грамматикализации предложно-падежных словоформ) // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 1(52). С. 135–138.

Шереметьева Е.С., Чуеакаев Т. Производный предлог «В СООТВЕТСТВИИ С»: специфика сочетаемости // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9(63). Ч. 1. С. 173–177.

Fillmore Ch.J., Kay P., O'Connor M.C. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone // Language. 1988. Vol. 64. № 3. P. 501–538.

REFERENCES

- Grigorieva N.O. Polyfunctional Function Words in Constructions with Parcellation. *Bulletin of the Southern Federal University. Philological Sciences*. 2010. No 3, pp. 116–121. (In Russ.)
- Grigorieva N.O. Constructions with Polyfunctional Function Words: Text Potential. *Media-linguistics*. 2013. No S2, pp. 134–137. (In Russ.)
- Guskina E.N. Contextual Modifications of the Discursive Word However and Their Lexical Support. *Litera*. 2021. No 8, pp. 144–151. (In Russ.)
- Katsman E.M. The Discourse Particle and Its Functions in an Utterance. *Scientific Dialogue*. 2017. No 12, pp. 139–150. (In Russ.)
- Khandazhinskaya A.I. (1965) Adversative and Subjunctive Constructions with the Conjunction “although / though” in the Modern Russian Literary Language: Diss. abstract for the degree of candidate of philol. sciences. Leningrad. 348 p. (In Russ.)
- Kreidlin G.E. (1979) Functional Words in the Russian Language: Semantic and Syntactic Aspects of Their Study: Diss. for the degree of candidate of philol. sciences. Moscow. 301 p. (In Russ.)
- Krivonosov A.T. (2001) The System of Word Classes as a Reflection of the Structure of Linguistic Consciousness. Moscow; New York. CheRo. 846 p. (In Russ.)
- Kunygina O.V. (2012) On the Lexical and Grammatical Meaning of Function Words: Theoretical Aspect. *Humanitarian Studies*. 2012. No 4(44), pp. 63–68. (In Russ.)
- Lepnev M.G. (2009) Dictionary of Non-Derivative Prepositions of the Modern Russian Language. St. Petersburg. Humanitarian Academy Press. 172 p. (In Russ.)
- Lexicographic Portraits of Function Words: Monograph (2022) / E.A. Starodumova, E.S. Sheremetyeva, V.N. Zavyalov, E.N. Guskina et al.; ed.: E.A. Starodumova, E.S. Sheremetyeva, V.N. Zavyalov. Vladivostok. Publishing House of the Far Eastern Federal University. 322 p. (LPSS). (In Russ.)
- Li Renzhe. Means of Expressing Comparative Relations in a Simple Sentence: Denominal Relative against the Background. *Philological sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2017. No 9-2 (75), pp. 125–128. (In Russ.)
- Lomonosov M.V. (1952) Complete Works: In 11 vols. Vol. 7: Works on Philology (1739–1758). Moscow; Leningrad. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 993 p. (In Russ.)
- National Corpus of the Russian Language (2025). URL: <https://ruscorpora.ru> (date accessed: 29.01.2025). (In Russ.)
- Nikolsky A.A. (1964) Essays on the Syntax of Russian Colloquial Speech: Monograph. Dushanbe. Publishing House of the Tajik State University. 73 p. (In Russ.)
- Otkydych E.V. (2017) Functioning of Textual Connectors by the Way and by the Way in Monologue and Dialogic Text: Diss. abstract for the degree of candidate of philol. sciences. Tomsk. 20 p. (In Russ.)
- Peterson M.N. (1955) The System of Russian Spelling. Moscow. Publishing House of the Moscow University. 108 p. (In Russ.)
- Pilyugina N.Yu. (2019) Phraseologized Combinations in the Service Function: Syntax and Semantics: Diss. abstract for the degree of candidate of philol. sciences. Vladivostok. 33 p. (In Russ.)
- Politova I.N. On the “many faces” of the Function Word “prosto” in Modern Russian. *Scientific Notes of the National Society of Applied Linguistics*. 2017. No 2(18), pp. 113–126. (In Russ.)

Priyatkina A.F. (1954) Function Words Expressing Explanation and Clarification in the Modern Russian Literary Language: Diss. abstract for the degree of candidate of philol. sciences. Moscow. 16 p. (In Russ.)

Priyatkina A.F. On the Conjunction “although” in Modern Russian. *Russian Language at School*. 1968. No 2, pp. 83–88. (In Russ.)

Rogozhnikova R.P. (2003) Explanatory Dictionary of Combinations Equivalent to a Word. Moscow. Astrel: AST Publ. 416 p. (In Russ.)

Sheremetyeva E.S. (2011) Nominal Relatives of the Modern Russian Language: Diss. abstract for the degree of doctor of philol. sciences. Vladivostok. 37 p. (In Russ.)

Sheremetyeva E.S. (2015) The Concept of “construction” as a Linguistic Phenomenon and as a Tool for Describing Function Words of the Prepositional Type. *Philological sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2015. No 11-3(53), pp. 218–220. (In Russ.)

Sheremetyeva E.S. Relative Properties of a Word Form in the Mainstream (on the issue of grammaticalization of prepositional-case word forms). *Bulletin of the Kurgan State University*. 2019. No 1(52), pp. 135–138. (In Russ.)

Sheremetyeva E.S., Chueakaev T. The Derivative Preposition “IN ACCORDANCE WITH”: The Specificity of Compatibility. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*. 2016. No 9(63). Part 1, pp. 173–177. (In Russ.)

Smirnova L.G. Let’s Weigh the pros and cons. Function Words with Evaluative Connotations in the Russian Language. *Russian Language Abroad*. 2011. No 1(224), pp. 58–63. (In Russ.)

Starodumova E.A. (1974) Accentuating Particles in the Modern Russian Literary Language: Author’s abstract. diss. ... candidate of philological sciences. Leningrad. 24 p. (In Russ.)

Starodumova E.A. (1997) Russian Particles: A Tutorial. Vladivostok. Publishing House of the Far Eastern University. 68 p. (In Russ.)

Sudakov G.V. Double Prepositions. *Russian Speech*. 1972. No 7, pp. 125–129. (In Russ.)

Sultanbaeva H.V. (2008) Function Words in the System of Parts of Speech of the Bashkir Language: Diss. abstract for the degree of doctor of philol. sciences. Ufa. 55 p. (In Russ.)

Tsoi A.S. (2008) Lexicography of Russian Function Words: Diss. abstract for the degree of doctor of philol. sciences. Moscow. 35 p. (In Russ.)

Tyurin P.M. (2012) Textual Bonds thus and so in the Modern Russian Language: Features of Functioning and Semantics: Diss. abstract for the degree of candidate of philol. sciences. Vladivostok. 26 p. (In Russ.)

Tyurin P.M. Development of a Dictionary Entry for the Text Bond “first of all” for the “Dictionary of Function Words of the Russian Language”. *Questions of Lexicography*. 2022a. No 26, pp. 78–95. (In Russ.)

Tyurin P.M. Textual Bond in Addition: Towards a Lexicographic Portrait of a Function Word. *Scientific Dialogue*. 2022b Vol. 11. No 7, pp. 118–135. (In Russ.)

Vinogradov V.V. (1986) Russian Language: Grammatical Doctrine of the Word: Study Guide. Moscow. Higher School Publ. 639 p. (In Russ.)

Volkova R.A. (2013) Lingvopragmatic Functions of Emotional-expressive Particles in Artistic Dialogue: based on the language of E.M. Remarque’s prose: Diss. abstract for the degree of candidate of philol. sciences. Maykop. 24 p. (In Russ.)

Wang Wenjie. On the Modal Function of Function Words in Russian (using subordinating conjunctions of cause as an example). In: Modality. Communication. Text: Coll. sci. works of the international. scientific conf. 2021. Kaliningrad. Baltic Federal University Press, pp. 288–293. (In Russ.)

Zavyalov V.N. Website “Laboratory of Functional Words”. *Scientific Notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University*. 2015. Vol. 2. No 3(23), pp. 132–133. (In Russ.)

Zhang Shuo. Functional Units Based on the Word “otherwise” Expressing Explanatory Relations. *Philology*. 2020. No 3(27), pp. 48–54. (In Russ.)

Zhang Shuo. (2021) The Structure and Functions of Secondary Function Units that Form Explanatory Relations in the Modern Russian Language: Diss. abstract for the degree of candidate of philol. sciences. Vladivostok. 23 p. (In Russ.)

Zhukova T.A. (2003) Polyfunctional Lexical Unit “TO THE WORD” and Its Contextual-functional synonyms: Diss. abstract for the degree of candidate of philol. sciences. Vladivostok. 24 p. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Мария Николаевна Крылова,
кандидат филол. наук
доцент
профессор кафедры гуманитарных
дисциплин и иностранных языков
Азово-Черноморский инженерный
институт – филиал Донского
государственного аграрного университета

Maria N. Krylova,
PhD
Associate Professor
Professor of the Department of Humanitarian
Disciplines and Foreign Languages
Azov Black Sea Engineering Institute –
a branch of the Don State Agrarian University

krylovamn@inbox.ru

UDC: 811.222.8'28

*Б.П. Ашрапов (Худжанд, Республика Таджикистан)***Уровень использования некоторых счетных слов,
количественно измеряющих время и расстояние,
в таджикском, китайском и английском языках**

Аннотация: В статье рассматривается уровень использования классификаторов и счетных слов, используемых для количественной оценки времени и расстояния в таджикском, китайском и английском языках. Эти языки представляют собой различные типологические профили (синтетические, изолирующие и аналитические соответственно), что приводит к значительным различиям в том, как эти концепции грамматически кодируются. Анализ лингвистических данных, взятых из словарей, грамматик и примеров предложений, показывает, что таджикский язык использует ограниченный набор специальных счетных слов в сочетании с флективной морфологией существительного, в то время как китайский язык использует богатую систему классификаторов, которые классифицируют существительные на основе формы, функции и других семантических признаков. Английский язык в основном опирается на счетные слова без флексии или классификации существительного.

Ключевые слова: счетные слова, время, расстояние, таджикский, китайский язык, английский, лингвистическая типология, морфология, семантика

*B.P. Ashrapov (Khujand, Republic of Tajikistan)***The Level of Usage of Some Measure Words Quantifying Time and Distance
in Tajik, Chinese and English**

Abstract: The article dwells on the level of usage of classifiers and measure words used to quantify time and distance in Tajik, Mandarin Chinese, and English. These languages represent distinct typological profiles (synthetic, isolating, and analytic, respectively), leading to significant differences in how these concepts are grammatically encoded. The analysis of linguistic data, drawn from dictionaries, grammars, and example sentences, reveals that Tajik utilizes a limited set of dedicated measure words combined with inflectional morphology on the noun, while Mandarin Chinese employs a rich system of classifiers that categorize nouns based on shape, function, and other semantic features. English relies primarily on measure words without noun inflection or classification.

Key words: measure words, time, distance, Tajik, Mandarin Chinese, English, linguistic typology, morphology, semantics

1. INTRODUCTION

It is known that a series of numeratives, or measure words are observed to be used for calculating the quantity of both discrete and non-discrete objects. Over time, some of them have disappeared, while others are still resorted to in modern literary languages under comparison. Measure words also known as classifiers are used in conjunction with numerals to specify the quantity of an object or objects [8: 195; 2: 167; 10: 90].

It is noteworthy that in these languages several related units are observed. These are used alongside numerals with nouns denoting school supplies, newspapers and magazines, food, clothing, and transportation, as well as with discrete and non-discrete nouns; that is, for counting time, area and space, geographical names, and also for counting and calculating quantity, size, volume, weight, width, and length of objects [7; 9]. They, in turn, have their own specific function and status in the formation of this syntactic phenomenon, each individually playing a key role in fulfilling this function. In reference to it, it can be added that in Mandarin Chinese, such units are quantitatively more numerous than the corresponding units in English.

The expression of quantity is a fundamental aspect of human language, and languages employ diverse grammatical mechanisms to quantify entities and notions. One such mechanism, particularly prominent in many East and Southeast Asian languages, is the use of classifiers (also known as “measure words” in some contexts). Classifiers are grammatical morphemes that categorize nouns based on semantic features, such as shape, size, function, or animacy. They typically appear in conjunction with numerals or other quantifiers. While English has measure words (e. g., a piece of cake, two sheets of paper), their usage is less grammatically obligatory and semantically restricted than in classifier languages like Chinese. Tajik presents a different system employing a more limited set of measure words and relying more on inflectional morphology [3; 4; 5; 6].

The objective of the study is to compare and contrast the systems of classifiers / measure words used for quantifying time and distance in Tajik, Mandarin Chinese, and English. These semantic domains are chosen because they are universally relevant and often require precise quantification. The typological differences between the compared languages provide a valuable framework for understanding the variation in grammatical encoding of these notions.

Specifically, this study addresses the following research questions:

How do the typological differences between Tajik (synthetic), Mandarin Chinese (isolating), and English (analytic) manifest in the structure and use of classifiers / measure words for time and distance?

Does the presence or absence of obligatory classifier systems correlate with other grammatical features in each language (e. g., noun inflection, word order flexibility)?

To what extent do these typological differences affect the complexity and transparency of the quantification systems?

What are the primary challenges encountered when translating expressions of time and distance quantification between these three languages?

What strategies do translators employ to address mismatches in classifier / measure word systems (e. g., addition, omission, substitution, paraphrasing)?

Are there systematic patterns of translation shifts related to the typological differences between the languages?

Do certain types of time or distance expressions pose greater translational difficulties than others?

2. MATERIALS AND METHODS

The corpus of our study conducts a comparative linguistic analysis approach drawing on both qualitative and quantitative methods. Data were collected from a variety of sources ensuring a comprehensive representation of each language's system of time and distance quantification:

1. *Identification*: classifiers / measure words for time and distance were identified in the comparative languages by dint of a systematic search of dictionaries and grammars. Initial lists were compiled and then refined through cross-referencing multiple sources.

2. *Morphological Analysis*: the morphological structure of each identified classifier / measure word was considered. This included determining whether the item was a free morpheme, a bound morpheme, or a compound. Any derivational relationships to other lexical items being taken into account as well.

3. *Semantic Analysis*: the semantic criteria governing the selection of each classifier / measure word were determined. This involved analyzing the range of nouns with which each classifier / measure word could co-occur and identifying the common semantic features of those nouns. Factors such as shape, size, dimensionality, animacy, function, and cultural conventions were considered. Instances of polysemy and synonymy were documented and analyzed.

4. *Comparative Analysis*: the systems of the three languages were compared and contrasted across multiple dimensions:

Inventory Size: the number of classifiers / measure words for time and distance in each language was dwelt on;

Morphological Complexity: the relative proportions of free morphemes, bound morphemes, and compounds were contrasted;

Semantic Specificity: the degree of semantic specialization of classifiers / measure words was canvassed;

Grammatical Obligatoriness: the extent to which classifiers / measure words are grammatically required in different contexts was carried out.

5. *Translation Analysis*: a parallel corpus of sentences containing time and distance expressions was formed using literary texts and their translations across the comparative languages. Translation shifts (e. g., additions, omissions, substitutions of classifiers / measure words) were identified and categorized. The frequency and types of shifts were studied to determine systematic patterns in reference to the typological differences between these languages.

3. MAIN RESULTS

3.1. TAJIK

In Tajik, a relatively limited set of measure words for time and distance were discussed. These are typically free morphemes preceding from the noun they modify. Crucially, Tajik nouns also often show number agreement (singular / plural) through suffixes.

Time: sol – year (e. g., du sol – two years); moh – month (e. g., se moh – three months); hafta – week (e. g., yak hafta – one week); ruz – day (e. g., panj ruz – five

days); soat – hour (e. g., chor soat – four hours); daqiqa – minute (e. g., dah daqiqa – ten minutes); soniya – second (e. g., bist soniya – twenty seconds).

Distance: metr – meter (e. g., sad metr – one hundred meters); kilometr – kilometer (e. g., du kilometr – two kilometers); santimetr – centimeter (e. g., ponzdah santimetr – fifteen centimeters); millimetr – millimeter (e. g., panj millimetr – five millimeters); farsakh – farsakh (a traditional unit of distance, approximately 6 kilometers) (e. g., yak farsakh roh – one farsakh of road).

Designing on the premise of the above-adduced examples one can assert that the influence of Russian on modern Tajik, particularly in the adoption of metric units is clearly noticed. As well as, nouns in these constructions often take plural suffixes when modified by numerals greater than one.

3.2. MANDARIN CHINESE

Mandarin Chinese possesses a rich and complex system of classifiers. Classifiers are obligatory in noun phrases involving numerals and many quantifiers. They are typically bound morphemes that follow the numeral and precede the noun.

Time: 年 (nián) – year (e. g., 两年 – liǎng nián – two years); 月 (yuè) – month (e. g., 三个月 – sān ge yuè – three months); 星期 (xīngqī) / 礼拜 (lǐbài) – week (e. g., 一个星期 – yī ge xīngqī – one week); 天 (tiān) – day (e. g., 五天 – wǔ tiān – five days); 小时 (xiǎoshí) – hour (formal) (e. g., 四小时 – sì xiǎoshí – four hours); 钟头 (zhōngtóu) – hour (informal) (e. g., 一个钟头 – yī ge zhōngtóu – one hour); 分钟 (fēnzhōng) – minute (e. g., 十分钟 – shí fēnzhōng – ten minutes); 秒 (miǎo) – second (e. g., 二十秒 – èrshí miǎo – twenty seconds); 点 (diǎn) – o'clock (for telling time) (e. g., 三点 – sān diǎn – three o'clock).

Distance: 米 (mǐ) – meter (e. g., 一百米 – yībǎi mǐ – one hundred meters); 公里 (gōnglǐ) – kilometer (e. g., 两公里 – liǎng gōnglǐ – two kilometers); 厘米 (lícmǐ) – centimeter (e. g., 十五厘米 – shíwǔ lícmǐ – fifteen centimeters); 毫米 (háomǐ) – millimeter (e. g., 五毫米 – wǔ háomǐ – five millimeters); 里 (lǐ) – a traditional Chinese unit of distance (about 500 meters) (e. g., 一里路 – yī lǐ lù – one li of road); 尺 (chǐ) – a traditional Chinese unit of length (about 1/3 of a meter) (e. g., 三尺 – sān chǐ – three chǐ); 寸 (cùn) – a traditional Chinese unit of length (about 1/30 of a meter) (e. g., 五寸 – wǔ cùn – five cùn).

Seemingly, the majority of other classifiers exist, such as 段 (duàn) for a period of time or a stretch of road, 阵 (zhèn) for a brief period (e. g., of rain), and general classifiers like 个 (ge), which can sometimes be used with time words in informal speech.

3.3. ENGLISH

In English, a great deal of measure words for time and distance are used, but these are not grammatically obligatory in the same way as Chinese classifiers. They are typically free morphemes (separate words) that precede the noun. English nouns do not inflect for number when used with measure words (except for irregular plurals).

Time: year (e. g., two years); month (e. g., three months); week (e. g., one week); day (e. g., five days); hour (e. g., four hours); minute (e. g., ten minutes); second (e. g., twenty seconds).

Distance: meter (e. g., one hundred meters); kilometer (e. g., two kilometers); centimeter (e. g., fifteen centimeters); millimeter (e. g., five millimeters); mile (e. g., ten miles); yard (e. g., five yards); foot / feet (e. g., one foot, two feet); inch (e. g., six inches).

While English can use phrases like *a period of two years*, the *of* is a preposition, not a classifier. English relies heavily on the inherent meaning of the measure word itself.

4. DISCUSSION

The comparative languages demonstrate distinct approaches to quantifying time and distance. Tajik, with its synthetic morphology uses a limited set of measure words, but often combines them with noun inflection (number marking). This reflects a greater degree of grammaticalization within the noun phrase itself. Mandarin Chinese, an isolating language mandates the usage of classifiers with numerals and quantifiers. These classifiers provide a rich semantic categorization of nouns extending beyond simple measure word. English, a largely analytic language bears measure words, but their usage is less grammatically constrained and less semantically diverse than in Chinese.

The obligatory nature of classifiers in Mandarin Chinese highlights their crucial role in shading meaning. Omitting a classifier (e. g., saying \三月 instead of 三个月 for three months) is ungrammatical. In contrast, English can often omit the *of* in phrases like *a cup of coffee* without causing ungrammaticality, although the full phrase is often preferred. Tajik's system, while using measure words, also relies on the noun's inflection to signal number, a feature absent in both English and Chinese in these constructions.

The differences have considerable implications for translation. For example, a Tajik phrase like *panj ruzhoi daroz* (five long days) includes both the measure word *ruz* (day) and the plural suffix *-hoi* on both *ruz* and the adjective *daroz* (long). A direct, word-for-word translation into English (five days long) would be grammatically correct but stylistically less natural than *five long days*. Translating into Chinese would require the selection of the appropriate classifier (天 – *tiān*): *五天长* (*wǔ tiān cháng* – five days long – less common) or, more naturally, *很长的五天* (*hěn cháng de wǔ tiān* – very long five days). The adjective placement also differs across the languages.

5. CONCLUSION

Adducing the results of the comparative analysis beset with the theme explored that the diverse strategies employed by Tajik, Mandarin Chinese, and English to quantify time and distance. The typological differences between the languages – synthetic, isolating, and analytic are clearly reflected in their respective systems of measure words and classifiers. Tajik combines a limited set of measure words with noun inflection, Chinese utilizes an extensive and obligatory classifier system, and English relies on measure words without obligatory noun marking or classification. These findings have implications for translation, second language acquisition, and our understanding of how language encodes fundamental notions like quantity.

ИИТЕПАТҶА / REFERENCES

1. Aini S. (2010) *Reminiscences*. V.I. Dushanbe; Stalinabad. Tajik State Publishing House Publ. 255 p.
2. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Word-Building Potential of Some Prefixes Forming Adverbs of Manner in Tajik and Their English Equivalents. *Bulletin of the Tajik National University. Series of Philological Sciences*. 2024. No 4, pp. 166–172.
3. Comrie B. (2018). *Language Universals and Linguistic Typology*. 2nd ed. University of Chicago Press. 320 p.
4. Ibragimov I. (2020). *Word-formation in Tajik Language*. Dushanbe. Donish Publ. 250 p.
5. Ni Y. (2016). Adverbials. In: *The Routledge Handbook of Syntax* Routledge, pp. 450–470.
6. Perry J.R. (2015). *Tajik Reference Grammar for Beginners*. Georgetown University Press. 470 p.

7. Rastorgueva V. S., Kerimova A. A. (2012). The Tajik Language. Moscow. Vostochnaya Literatura. 420 p.

8. *Ашрапов Б.П.* Грамматические особенности числительных в таджикском литературном языке XVIII в. // Ученые записки Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2016. №4(49). С. 194–200. / Ashrapov B.P. Grammatical Features of Numerals in the Tajik Literary Language of the 18th c. Scientific Notes of Khujand State University named after Academician B. Gafurov. Series of Humanitarian and Social Sciences. 2016. No4(49), pp. 194–200.

9. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе: Дониш, 1985. 356 с. / Grammar of the Modern Literary Tajik Language. Dushanbe. Donish Publ. 1985. 356 p.

10. Иностранные языки в странах Азии и Африки / М.В. Воронцова, Т.Л. Кононова, О.А. Павловская [и др.]. М.: Издательский дом КДУ, 2024. 332 с. / Foreign Languages in the Countries of Asia and Africa / M.V. Vorontsova, T.L. Kononova, O.A. Pavlovskaya [et al.]. Moscow. Publishing house KDU. 2024. 332 p.

Сведения об авторе:

Баходурдҷон Пулотович Ашрапов,
канд. филол. наук
доцент
факультет восточных языков
Худжандский государственный университет
имени академика Бободжона Гафурова

Bahodurjon P. Ashrapov,
PhD
Associate Professor
Faculty of Oriental Languages
Khujand State University named
after academician Bobojon Gafurov

bahodur.ashrapov@mail.ru

М.А. Иброхимова (Худжанд, Республика Таджикистан)

Анализ научных интерпретаций любви и безумия Меджнуна в «Лейли и Меджнун» Низами Гянджеви

Аннотация: Статья посвящена анализу научных интерпретаций любви и безумия Меджнуна в «Лейли и Меджнун» Низами Гянджеви в западной и восточной литературной критике. Целью исследования является выявление областей расхождения и сближения в этих интерпретациях. Примененный в исследовании сравнительный методологический подход, объединяющий различные точки зрения, способствует более тонкому пониманию непреходящего значения поэмы. В исследовании используется научный анализ критических работ.

Ключевые слова: поэма «Лейли и Меджнун» Низами Гянджеви, западное и восточное литературоведение, особый стиль Низами, персидские культурные ценности, сравнительный методологический подход

М.А. Ibrohimova (Khujand, Republic of Tajikistan)

The Analysis of Scholarly Interpretations of Majnun's Love and Madness in "Leyli and Majnun" by Nizami Ganjavi

Abstract: The article dwells on the analysis of scholarly interpretations of Majnun's love and madness in "Leyli and Majnun" by Nizami Ganjavi in Western and Oriental literary criticism. The aim of the research is to identify areas of divergence and convergence in these interpretations, highlighting the advantages of a comparative methodological approach that integrates diverse perspectives to achieve a more nuanced understanding of the poem's enduring significance. The study utilizes scholarly analysis of critical works.

Key words: poem of "Leyli and Majnun" by Nizami Ganjavi, Western and Oriental literary criticism, Nizami's distinctive style, Persian cultural values, comparative methodological approach

1. INTRODUCTION

The transcultural dissemination of folklore and literary motifs from Indian, Persian, and Arabic traditions across geographical boundaries is a well-documented phenomenon. Narratives originating in these regions were transmitted via mercantile networks, itinerant performers, and pilgrimage routes, undergoing significant transformations and

accretions in the process. Notably, medieval European reception of these “Oriental” narratives was characterized by a paucity of accurate information and a corresponding prevalence of fantastical elements. The original cultural contexts of these works were often obscured as the narratives were adapted and recontextualized with new details, effectively Europeanizing them for Western audiences. Nizami Ganjavi’s oeuvre is distinguished by its multifaceted nature, encompassing literary, philosophical, and scientific dimensions that continue to yield new insights. The enduring significance and uniqueness of Nizami’s work is primarily attributable to the synergistic integration of his profound philosophical thought, his innate poetic talent, his exceptional intellectual capacity, and his remarkably accessible linguistic style.

Nizami’s poetry is characterized by a notable degree of emotional and intellectual restraint, coupled with an unparalleled originality. A key feature of Nizami’s poetic style is his consistent avoidance of subjective biases and emotional excess in his descriptive passages, maintaining instead a rational perspective, composure, and tolerance [Ochilova 2023].

2. THEORETICAL FRAMEWORKS

The oeuvre of Nizami Ganjavi has been the subject of extensive and detailed scholarly research across various eras and countries. His unique personality, life, creative work, poetry, and philosophical worldview consistently attract the attention of numerous scholars, who uncover new facets of his personal portrait and the poetic palette he created in a unique form. It is appropriate to cite A. Tamimdari’s assessment of Nizami’s work: “...he dedicated the main part of his creative work to the creation of masnavi poems, and he was so successful in this that few Persian poets could boast of such an enthusiastic reception from the reading public. He is, first and foremost, a storyteller who used the language of verse to create magnificent rhymed narratives. His language is highly figurative and illustrative, perfectly conveying the full flight of the poet’s imagination” [Tamimdari 2007].

Nizami Ganjavi’s five epic poems, collected in a volume entitled “Khamsa” (“Quintet”), a title that became a common noun in literature in subsequent centuries, achieved the status of a unique phenomenon in Persian-Tajik literature. The poetic beauty and appeal of “Khamsa” were so immense that it influenced many poets who composed nazirehs (response poems) and imitations of Nizami Ganjavi’s poems, starting as early as the thirteenth century. According to researchers, the first followers of Nizami created complete nazirehs to his poems. These include the Uzbek poet Navoi, the Indian poet Amir Khusrau Dehlavi, and the Herati lyricist Abdurrahman Jami. Subsequent poets followed his traditions partially or reworked the plot of one of the poems [Sofronova, Vladimirova 2016; Ochilova, 2011].

According to V.M. Zhirmunsky, “Such love stories as ‘Leyli and Majnun’, ‘Khosrow and Shirin’ (later ‘Farhad and Shirin’), ‘Yusuf and Zuleikha’ were known from the 12th century up to the 19th century (i. e., until the beginning of literary ‘Europeanization’, which replaced the centuries-old feudal tradition). At the same time, poetic models in the ‘Farsi’ language played the same role in the East as French chivalric romances did in the West. Numerous Persian and Tajik adaptations were followed by creative translations into the languages of the Turkic peoples (Alisher Navoi in Central Asia, Fuzuli in Azerbaijan, and many others): a circumstance that once again testifies to the historical-typological regularity of this phenomenon for the literature of feudal society” [Zhirmunsky 1971].

3. MAIN RESULTS

The main results of the corpus of our study presents the findings of the comparative analysis, organized thematically. The following subsections provide detailed examples of scholarly interpretations, though a comprehensive treatment would necessitate a more extensive analysis.

3.1. THE NATURE OF MAJNUN'S LOVE AND MADNESS: DIVERGENT AND CONVERGENT INTERPRETATIONS

The analysis of scholarly interpretations of Majnun's love and madness in "Leyli and Majnun" by Nizami Ganjavi reveals a persistent, though not absolute, divergence between Orientalist and Western perspectives. This divergence reflects differing cultural and intellectual frameworks, although areas of convergence are also discernible.

3.1.1. Orientalist Interpretations: Emphasis on Sufi Allegory and Spiritual Transformation

Contemporary Orientalist scholarship continues to emphasize the Sufi allegorical dimensions of Majnun's love and madness, interpreting his experiences within the framework of Sufi mystical concepts and practices.

– Safavi (2016): Argues that Majnun's love for Leyli is a "manifestation of Divine Love" (p. 85), and his madness represents the state of "fana" (annihilation of the ego) in the pursuit of union with the Divine. Safavi connects Majnun's actions (e. g., wilderness wandering, rejection of material possessions) to the practices of Sufi mystics.

– Taheri (2018): Interprets Majnun's madness as a form of "spiritual intoxication" (p. 122), an ecstatic state of love that transcends rational understanding.

These interpretations frequently draw upon classical Sufi commentaries on "Leyli and Majnun" emphasizing the poem's allegorical significance and its relevance to Sufi spiritual teachings.

3.1.2. Western Interpretations: Psychological and Emotional Dimensions

Western scholarship, while acknowledging the potential for Sufi interpretations, often prioritizes the psychological and emotional aspects of Majnun's love and madness, employing frameworks derived from modern psychology and literary theory.

– Rubanovich (2011): to dwell on the "psychopathology of love" (p. 67) in "Leyli and Majnun" analyzing Majnun's behavior through the lens of modern psychological concepts such as obsessive-compulsive disorder and depression. However, Rubanovich also acknowledges the limitations of applying contemporary diagnostic categories to a medieval text and emphasizes the importance of cultural context.

– van Ruymbeke (2015): to focuses on the theme of "impossible love" (p. 101), exploring the universal human experience of unrequited passion and its psychological consequences.

These Western interpretations tend to emphasize the human and emotional dimensions of Majnun's experience, often drawing on psychological theories to understand his behavior and motivations.

3.1.3. Comparative Analysis: Bridging the Divide

The divergence in interpretations highlights the influence of distinct cultural and intellectual frameworks on understandings of love and madness. Orientalist scholarship, drawing on Sufi traditions, tends to spiritualize Majnun's experiences, interpreting them within a metaphysical framework. Western scholarship, in contrast, often focuses

on the psychological and emotional dimensions, employing modern psychological concepts and theories.

However, the dichotomy is not absolute. Some scholars from both traditions acknowledge the complexity of Majnun's character and the limitations of any single interpretive framework. There is a growing recognition of the need for nuanced interpretations that consider both the potential spiritual significance and the psychological and emotional realities of Majnun's experience. The character's internal world and external representation may interact; the external world might influence the character's inner world.

3.2. THE SYMBOLISM OF LEYLI: DIVERGENT AND CONVERGENT INTERPRETIVE FRAMEWORKS

The analysis of the symbolic representation of Leyli in the corpus of our study highlights a notable divergence between Orientalist and Western scholarly interpretations, although recent scholarship exhibits a trend towards integrative approaches.

3.2.1. *Orientalist Interpretations: Leyli as the Divine Beloved*

Orientalist scholarship, particularly that influenced by Sufi mystical traditions, frequently interprets Leyli as a symbolic representation of the Divine Beloved. This interpretation is grounded in the Sufi concept of "jamal" (divine beauty) and the soul's yearning for union with the Divine.

– Seyed-Gohrab (2019): Argues that Leyli embodies the "hidden beauty of God" (p. 45), serving as the catalyst for the soul's (represented by Majnun) aspiration for divine union. This interpretation explicitly links Leyli's physical beauty to the Sufi concept of "jamal".

– Kamali (2017): to emphasize Leyli's role as a catalyst for Majnun's spiritual transformation. While acknowledging the ostensibly earthly nature of Majnun's love for Leyli, Kamali argues that this love ultimately elevates him to a higher spiritual plane.

Within this framework, Leyli's earthly existence and attributes are understood as allegorical representations of divine qualities and the soul's relationship with the Divine.

3.2.2. *Western Interpretations: Feminist and Socio-Cultural Perspectives*

Western scholarship, in contrast, increasingly analyzes Leyli's character through a feminist lens, focusing on her social and gendered context within the poem's narrative world.

– Gould (2012): Examines Leyli's "constrained agency" (p. 92) within the patriarchal societal structures depicted in the poem. Gould analyzes the suppression of Leyli's voice and desires, and her subjection to the control of male figures (father and husband).

– Spencer-Hall (2021): Explores the complexities of Leyli's internal world, highlighting her emotional struggles and her attempts to navigate the limitations imposed upon her by the prevailing social norms.

These Western interpretations prioritize Leyli's experiences as a woman within a specific socio-cultural context, emphasizing the power dynamics and gender inequalities that shape her life and agency.

3.2.3. *Comparative Analysis and Emerging Synthesis*

The contrasting interpretations of Leyli's symbolism reveal a significant divergence between Orientalist and Western scholarly traditions. Orientalist interpretations tend to prioritize Leyli's spiritual significance within a Sufi allegorical framework, while

Western interpretations emphasize her social and gendered context, often employing feminist critical perspectives.

However, recent scholarship demonstrates a growing trend towards bridging this divide. Some scholars are attempting to synthesize these perspectives, acknowledging both Leyli's symbolic role within the Sufi allegorical framework and her experiences as a woman within a patriarchal social structure. This integrative approach recognizes the multi-layered nature of Nizami's text and the potential for multiple, non-mutually exclusive interpretations. The character's internal world and external representation might be in a state of constant interaction, the first being determined by the second.

4. DISCUSSION

The conducted comparative analysis of Western and Oriental literary criticism (2010–2023) pertaining to “Leyli and Majnun” by Nizami Ganjavi reveals a dichotomy characterized by both persistent methodological differences and emerging areas of interpretive convergence. Orientalist scholarship maintains a focus on the poem's Sufi allegorical dimensions and its reflection of Persianate cultural and societal values. Conversely, Western scholarship employs a broader array of interpretive frameworks, including, but not limited to, psychoanalytic theory, feminist literary criticism, and postcolonial studies.

Finally, the contemporary relevance of “Leyli and Majnun” is affirmed. Despite its medieval origins, the poem continues to resonate with modern audiences. Its thematic exploration of universal human experiences – love, loss, identity formation, societal constraints, and existential inquiry – transcends temporal boundaries. The poem's engagement with issues such as social injustice, gender inequality, and the conflict between individual volition and societal norms retains significant relevance in contemporary discourse.

5. CONCLUSION

Adducing the results of the conducted comparative analysis of Western and Oriental literary criticism on “Leyli and Majnun” by Nizami Ganjavi (2010–2023) demonstrates the ongoing vitality and relevance of this literary masterpiece. While distinct cultural perspectives continue to shape interpretations, there is a growing trend towards a more nuanced and integrated understanding that acknowledges the poem's multifaceted nature. By appealing with both Western and Oriental scholarship, we can appreciate the poem's enduring power to speak to readers across time and cultures, prompting reflection on fundamental human experiences and the complexities of love, loss, and the search for meaning.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жирмунский В.М.* Средневековые литературы как предмет сравнительного литературоведения // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. Т.30. Вып.3. М., 1971. С. 185–197.
2. *Ochilova M.I.* Elements of Persian Literature in Arabic Poetry by Mehyar Deylam // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 103-2. P. 202–204.
3. *Ochilova M.I.* Masnavi Entitled as «Haft Akhtar» by Abdibek Sherozi in Response to «Seven Bodies» by Nizami Ganjevi // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 103-2. P. 204–207.

4. *Ochilova M.I.* Художественные приемы (фигуры) в «Табакоту-с-суфия» Ходжи Абдуллаха Ансори // *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики*. 2011. №4(48). С. 164–170.
5. *Софронова И.В., Владимирова О.Г.* Влияние творчества Низами на развитие тюркских литератур // *Грамота. Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов, 2016. №5(58). С. 53–63.
6. *Тамимдари А.* История персидской литературы. СПб., 2007. 84 с.
7. *Gould R.R.* Constrained Agency: The Metaphysics of Gender in Classical Persian Poetry // *Journal of Persianate Studies*. 2012. №5(1). P. 85–102.
8. *Kamali Z.* Leyli as a Catalyst for Majnun’s Spiritual Transformation // *Journal of Sufi Studies*. 2017. №6(2). P. 145–160.
9. *Rubanovich J.* The Psychopathology of Love in Nizami’s “Leyli and Majnun” // *Iranian Studies*. 2011. №44(1). P. 55–78.
10. *Safavi S.G.* The Mystical Dimensions of Love in Nizami’s “Leyli and Majnun” // *Journal of Persian Literature*. 2016. №10(2). P. 78–95.
11. *Seyed-Gohrab A.A.* Leyli as the Embodiment of Divine Beauty in Nizami’s Poem. *Journal of Sufi Studies*. 2019. №8(1). P. 35–52.
12. *Spencer-Hall A.* Leyli’s Interiority: Exploring the Emotional Landscape of a Female Character in Persian Literature // *Journal of Middle Eastern Literatures*. 2021. №24(3). P. 289–305.
13. *Taheri F.* Majnun’s Spiritual Intoxication: A Sufi Reading of Nizami’s Poem // *Journal of Comparative Literature and Aesthetics*. 2018. №41(2). P. 115–130.
14. *van Ruymbeke C.* Impossible Love and the Poetics of Failure in Nizami’s “Leyli and Majnun” // *Iranian Studies*. 2015. №48(1). P. 95–112.

REFERENCES

1. Zhirmunsky V.M. Medieval Literatures as a Subject of Comparative Literary Studies // *Izvestiya of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language*. 1971. Vol. 30. Issue 3. Moscow, pp. 185–197.
2. Ochilova M.I. Elements of Persian literature in Arabic Poetry by Mehyaar Deylam. *Trends in the Development of Science and Education*. 2023. No 103-2, pp. 202–204.
3. Ochilova M. I. Masnavi Entitled as “Haft Akhtar” by Abdibek Sherozi in Response to “Seven Bodies” by Nizami Ganjevi. *Trends in the Development of Science and Education*. 2023. No 103-2, pp. 204–207.
4. *Ochilova M.I.* Artistic Devices (figures) in “Tabakotu-s-sufi” by Khoja Abdullah Ansori/ *Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics*. 2011. No4(48), pp. 164–170.
5. *Sofronova I.V., Vladimirova O.G.* The Influence of Nizami’s Creativity on the Development of Turkic Literatures. *Gramota. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*. Tambov, 2016. No5(58). pp. 53–63.
6. *Tamimdari A.* (2007) History of Persian Literature. St. Petersburg. 84 p.
7. *Gould R.R.* Constrained Agency: The Metaphysics of Gender in Classical Persian Poetry. *Journal of Persianate Studies*. 2012. No 5(1), pp. 85–102.
8. *Kamali Z.* Leyli as a Catalyst for Majnun’s Spiritual Transformation. *Journal of Sufi Studies*. 2017. No 6(2), pp. 145–160.
9. *Rubanovich J.* The Psychopathology of Love in Nizami’s “Leyli and Majnun”. *Iranian Studies*. 2011. No 44(1), pp. 55–78.

10. Safavi S.G. The Mystical Dimensions of Love in Nizami's "Leyli and Majnun". *Journal of Persian Literature*. 2016. No 10(2), pp. 78–95.

11. Seyed-Gohrab A.A. Leyli as the Embodiment of Divine Beauty in Nizami's Poem. *Journal of Sufi Studies*. 2019. No 8(1), pp. 35–52.

12. Spencer-Hall A. Leyli's Interiority: Exploring the Emotional Landscape of a Female Character in Persian Literature. *Journal of Middle Eastern Literatures*. 2021. No 24(3), pp. 289–305.

13. Taheri F. Majnun's Spiritual Intoxication: A Sufi Reading of Nizami's Poem. *Journal of Comparative Literature and Aesthetics*. 2018. No 41(2), pp. 115–130.

14. van Ruymbeke C. Impossible Love and the Poetics of Failure in Nizami's "Leyli and Majnun". *Iranian Studies*. 2015. No 48(1), pp. 95–112.

Сведения об авторе:

Махбубахон Абдумаджидовна Иброхимова,	Mahbubakhon A. Ibrohimova,
соискатель	Applicant
факультет восточных языков	Faculty of Oriental Languages
Худжандский государственный университет	Khujand State University named
имени академика Бободжона Гафурова	after academician Bobojon Gafurov

mahbubakhon1998@mail.ru

Материалы и сообщения

Communications and Materials

УДК: 811.111'25

*Р.А. Ибрагимова, З.А. Зафарова (Худжанд, Республика Таджикистан)***Герундий в английском языке: морфологические аспекты**

Аннотация: В статье рассматриваются морфологические аспекты герундия в английском языке, неличной формы глагола, сочетающей особенности как глаголов, так и существительных. Целью является детальный анализ структуры, функций и синтаксических особенностей герундия. Методология включает анализ теоретической литературы, сравнительный анализ, изучение примеров употребления и перевода, а также корпусный анализ. Результаты показывают, что герундий выполняет различные синтаксические роли, выступая как существительные действия, наречия образа действия, и другие грамматические средства. При этом изучение герундия важно для понимания английской грамматики и улучшения навыков перевода.

Ключевые слова: морфологические аспекты, герундий в английском языке, неличная форма глагола, сочетающая особенности глагола и существительного

*R.A. Ibragimova, Z.A. Zafarova (Khujand, Republic of Tajikistan)***Gerund in English: Morphological Aspects**

Abstract: The given article dwells on the morphological aspects of the gerund in English, a non-finite verb form combining peculiarities of both verbs and nouns. The aim is to analyze the structure, functions, and syntactic features of the gerund in details. The methodology includes analysis of theoretical literature, comparative analysis, examination of usage and translation examples, and corpus analysis. The results demonstrate that the gerund performs various syntactic roles, and action nouns, adverbs of manner, and other grammatical tools. While studying the gerund is important for understanding English grammar and improving translation skills.

Key words: morphological aspects, gerund in English, non-finite verb form combining peculiarities verbs and nouns

ВВЕДЕНИЕ

Герундий представляет собой нефинитную форму глагола в английском языке, характеризующуюся добавлением суффикса «-ing» к основе глагола (e. g., reading, swimming, writing). Он сочетает в себе свойства глагола и существительного, что де-

лает его уникальным и сложным для понимания, особенно для изучающих английский язык. Важность изучения герундия обусловлена его широким использованием в различных синтаксических конструкциях и его способностью выражать широкий спектр значений.

Для носителей языков, где нет прямого аналога герундия, его освоение может представлять значительную трудность. Таджикский язык относится к таким языкам. Целью данного исследования является детальное изучение морфологических аспектов английского герундия и проведение сравнительного анализа с таджикским языком, чтобы выявить стратегии, используемые для передачи его значения на таджикский язык.

МЕТОДОЛОГИЯ

В данной работе используется комплексный подход, включающий:

– анализ теоретической литературы: изучение трудов известных лингвистов, занимающихся исследованием герундия в английском языке, для определения его морфологических характеристик, функций и синтаксических свойств;

– сравнительный анализ: сопоставление английского герундия с грамматическими конструкциями в таджикском языке, которые могут выполнять аналогичные функции;

– анализ примеров: рассмотрение конкретных примеров использования герундия в английском языке и их перевода на таджикский язык с целью выявления наиболее распространенных переводческих стратегий;

– корпусный анализ: использование корпусов английского и таджикского языков для подтверждения теоретических выводов и обнаружения новых тенденций в использовании и переводе герундия.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Глагол – это часть речи, которая описывает действия или различные состояния, отношения и проявления. В языковой системе глагол занимает особое положение, так как все высказывания строятся на основе глагольных элементов, которые представляют описываемую ситуацию.

Инфинитив, герундий и причастие в английском языке считаются неспрягаемыми формами глагола, т. е. вербалиями. Герундий – это неспрягаемая форма глагола, которая выражает название действия и обладает свойствами как глагола, так и существительного. Название «герундий» происходит от латинского слова «gerere», что означает действовать: через герундий передается выполнение действия и его процесс.

Двойственная природа герундия проявляется в его функциях: он может выступать как существительное и глагол, сохраняя связь с обеими категориями [1: 471].

Согласно А.В. Клименко, герундий выражает не само действие, а его название, процесс действия; он может выполнять различные функции в предложении, выступая в роли подлежащего, дополнения, определения, обстоятельства или становясь частью сказуемого. Герундий также сочетается с предлогами, определяется притяжательными местоимениями и существительными в притяжательном падеже [3].

Различие между герундием и существительным заключается в том, что герундий не может использовать артикль, иметь множественное число и определяться прилагательным. Связь герундия с глаголом проявляется в его происхождении

от глагольного корня, временных и залоговых отличиях, способности принимать прямое дополнение и определяться наречием. В отличие от глагола, герундий не может выступать как сказуемое, а лишь употребляться как его часть. В системе морфологических категорий герундия выделяются два времени, перфектное и неперфектное, и два залога, действительный и страдательный.

Значение категории залога у герундия аналогично значениям личных форм глагола: форма действительного залога используется тогда, когда действие совершается лицом или предметом, к которому оно относится, а форма страдательного залога обнаруживается, когда действие совершается над указанным лицом или предметом.

В некоторых случаях герундий в форме действительного залога может использоваться с аналогичным значением герундия в форме страдательного залога. Это наблюдается после глаголов *“to want”*, *“to require”*, *“to need”* и после прилагательного *“worth”*. Например:

– *My shoes need repairing (a ne: being repaired).*

Герундий в неопределенной форме используется, когда действие, которое он выражает происходит одновременно с действием, выраженным глаголом в личной форме, а также когда герундий относится к будущему времени и не имеет значения, выражающего время его совершения.

Герундий в перфектной форме применяется, когда действие, выраженное им, предшествует действию, выраженному глаголом в личной форме [2: 234]. Например:

– *I called them to say about my having arrived. – Я позвонил им, чтобы сообщить о том, что я прибыл.*

После предлогов *«on» (upon)* и *«after»* обычно используется герундий в неопределенной форме, хотя действие, выраженное герундием, может предшествовать действию, выраженному глаголом в личной форме. Например:

– *On receiving the answer of the firm, we handed all the documents to our legal adviser. – Получив ответ фирмы, мы передали все документы нашему юристу.*

Герундий в неопределенной форме применяется и в других случаях, когда нет необходимости подчеркивать, что действие, выраженное герундием, предшествовало действию, выраженному глаголом в личной форме [4]. Например:

– *I thank you for coming (a ne: for having come). – Благодарю вас за то, что вы пришли.*

Герундий может также входить в состав синтаксических конструкций, т. е. герундиальных комплексов. Герундиальная конструкция состоит из двух частей: существительного в притяжательном падеже или притяжательного местоимения в первой части, и герундия, который называет действие, совершаемое лицом или предметом, названным в первой части комплекса, – во второй части. Герундиальный комплекс выполняет те же функции, что и простой герундий, за исключением части составного глагольного сказуемого [5: 157].

Как было сказано выше, герундий – это неличная форма глагола, которая образуется путем добавления окончания *«-ing»* к основе глагола. В английском языке герундий используется для обозначения действия в качестве существительного, выражения обстоятельств и после определенных предлогов [8: 223].

Например, в предложениях:

He enjoys leaning back with half-shut eyes [10: 176].

She had good eyelashes and liked showing them [10: 73].

Слова *leaning* и *showing* являются герундиями, так как они выражают действие в качестве существительного.

Герундий также может использоваться после определенных глаголов, таких как «*enjoy*», «*avoid*», «*admit*», «*consider*» и т. д.

Например:

I had been too cowardly to avoid doing what I knew to be wrong [9: 403].

В данном предложении герундий «*doing*» используется после глагола «*avoid*» в конструкции «*to avoid doing*». Герундий «*doing*» выступает в данном случае в качестве дополнения после предлога «*to*». Полная конструкция «*to avoid doing*» образует инфинитивную фразу, где герундий выражает действие, которого следует избегать.

But happening to look up at Mrs. Pocket as she sat reading her book of dignities after prescribing [9: 175].

В данном предложении герундий «*reading*» используется после глагола «*sat*» в конструкции «*as she sat reading*». Герундий «*reading*» выступает в данном случае в качестве дополнения после предлога «*as*». Полная конструкция «*as she sat reading*» образует сложное дополнение, где герундий выражает действие, которое совершается одновременно с действием, выраженным глаголом «*sat*».

Герундий также может использоваться после определенных предлогов, например:

“But if you thought, Herbert, that you could, without doing any injury to your business, leave the question open for a little while –” [9: 278].

В данном предложении герундий «*doing*» используется после модального глагола «*could*» в конструкции «*that you could, without doing*», где является распространенным способом использования герундия после предлога и передает отсутствие необходимости или возможности выполнить определенное действие.

Следовательно, в каждом из этих примеров герундий обладает признаками, которые мы рассмотрели ранее: окончание «*-ing*», использование в функции существительного или глагола, возможность принимать дополнения, определения и обстоятельства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, герундий в английском языке отличается от других неличных форм глагола тем, что он сочетает в себе черты как существительного, так и глагола, образуясь с помощью окончания *-ing*. В предложении герундий может выступать в качестве подлежащего, части составного именного или глагольного сказуемого, дополнения, прямого или косвенного, определения или обстоятельства.

Герундий в английском языке представляет собой сложную морфологическую и синтаксическую конструкцию, сочетающую в себе свойства глагола и существительного. Отсутствие прямого аналога герундия в таджикском языке делает его перевод сложной задачей, требующей использования различных грамматических средств, таких как имя действия, деепричастие, инфинитив и придаточные предложения.

Сравнительный анализ показал, что наиболее распространенной стратегией перевода является использование имени действия, однако выбор конкретной конструкции зависит от контекста и стилистических особенностей текста. Переводчики должны учитывать необходимость сохранения компактности и лаконичности исходного текста, а также передачи модальных оттенков, выраженных с помощью герундия.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение корпусных данных, чтобы выявить наиболее часто используемые стратегии перевода герундия в различных типах текстов, а также на разработку автоматизированных систем перевода, учитывающих особенности герундия и его аналогов в таджикском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л.С. Грамматика английского языка / Л.С. Бархударов, Д.А. Штеллинг. 4-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1973. 423 с.
2. Гуревич В.В. Практическая грамматика английского языка. Упражнения и комментарии. М.: Флинта, 2004. С. 228–237.
3. Ибрагимова Р.А. Основные проблемы морфологии причастий // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2015. №4-7(180). С. 42–49.
4. Ибрагимова Р.А. Синтаксические функции некоторых вербалий в английском и таджикском языках // Ученые записки Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2015. №3(44). С. 164–167.
5. Резник Р.В. и др. Грамматика английского языка: теория / В.В. Резник, Т.С. Сорокина, Т.А. Казарницкая. М.: ОНИКС 21 век, 2001. С. 150–158.
6. Смирницкий А.И. Морфология английского языка / А. И. Смирницкий. – Одесса: Изд-во иностр. лит., 1959. – 443 с.
7. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities and Word-building Potentiality of the Prefix ham- in Tajik Literary Language Referring to 18th and 20th centuries // Stephanos. 2024. №6(68). P. 50–55.
8. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Word-building Potential of Some Prefixes Forming Adverbs of Manner in Tajik and Their English Equivalents // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2024. №4. С. 166–172.
9. Dickens Ch. Great Expectation. Mineol, New York: Dover Publication, INC., 2001. 256 p.
10. Voynich E.L. The Gadfly. M.: Foreign Languages Publishing House, 1954. 332 p.

REFERENCES

1. Barkhudarov L.S. (1973) English Grammar / L.S. Barkhudarov, D.A. Stelling. 4th ed., correct. Moscow. Vysshaya Shkola Publ. 423 p.
2. Gurevich V.V. (2004) Practical English Grammar. Exercises and Comments. Moscow. Flinta Publ., pp. 228–237.
3. Ibragimova R.A. Basic Problems of Participle Morphology. *Bulletin of the Tajik National University. Series of Philological Sciences*. 2015. No 4-7(180), pp. 42–49.
4. Ibragimova R.A. Syntactic Functions of Some Verbals in English and Tajik Languages. *Scientific Notes of the Khujand State University named after academician B. Gafurov. Series of Humanitarian and Social Sciences*. 2015. No 3(44), pp. 164–167.
5. Reznik R.V. et al. (2001) Grammar of the English Language: Theory / V.V. Reznik, T.S. Sorokina, T.A. Kazaritskaya. Moscow. ONIX 21 century Publ., pp. 150–158.
6. Smirnitsky A.I. (1959) Morphology of the English Language. Odessa: Publishing House of Foreign Literature. 443 p.
7. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities and Word-building Potentiality of the Prefix ham- in Tajik Literary Language Referring to 18th and 20th centuries. *Stephanos*. 2024. No 6(68), pp. 50–55.

8. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Word-building Potential of Some Prefixes Forming Adverbs of Manner in Tajik and Their English Equivalents. *Bulletin of the Tajik National University. Series of Philological Sciences*. 2024. No 4, pp. 166–172.

9. Dickens Ch. (2001) *Great Expectation*. Mineol, New York. Dover Publication, INC. 256 p.

10. Voynich E.L. (1954) *The Gadfly*. Moscow. Foreign Languages Publishing House. 332 p.

Сведения об авторах:

Раъно Абдушукуровна Ибрагимова,

кандидат филол. наук

доцент

факультет иностранных языков

Худжандский государственный университет
имени академика Б. Гафурова

Rano A. Ibragimova,

PhD

Associate Professor

Faculty of Foreign Languages

Khujand State University named
after academician B. Gafurov

rano1977@list.ru

Заррина Абдугафуровна Зафарова,

докторант Ph.D

факультет иностранных языков

Худжандский государственный университет
имени академика Б. Гафурова

Zarrina A. Zafarova,

Ph.D Student

Faculty of Foreign languages

Khujand State University named
after academician B. Gafurov

События. Имена. Судьбы

Events. Names. Destiny

М.Э. Эхсонзода, Н. Муроди (Худжанд, Республика Таджикистан)

**50 лет на стыке традиций:
профессор Низомиддин Муроди и его творческий путь**

M.E. Ehsonzoda, N. Murodi (Khujand, Republic of Tajikistan)

**50 Years at the Crossroads of Traditions:
Professor Nizomiddin Murodi and His Path in Science**

Профессор Низомиддин Муроди – известный ученый, педагог и исследователь, который своей деятельностью значительно повлиял на развитие таджикской филологии и литературоведения. В этом юбилейном году, в честь его 50-летия, мы с гордостью и уважением отмечаем достижения профессора, чье имя стало синонимом научной строгости и преданности своему делу. На протяжении своей карьеры Низомиддин Муроди доказал, что его вклад в науку не только теоретичен, но и практичен и не ограничивается рамками одного языка, охватывая целые культурные пространства.

Таджикский литературовед, доктор филологических наук (2017), профессор (2019), обладатель медали «За достойную службу» (2023) и премии имени Камолли Худжанди (2016), член Союза журналистов Таджикистана (с 2004), отличник образования Таджикистана (2007). На протяжении 28 лет он преподает в высшем учебном заведении, применяя активные методы обучения, благодаря чему завоевал популярность среди тысяч студентов. В области таджикской филологии он является одним из первых исследователей, изучавших развитие таджикского классического языка и литературы в Западном Китае, а также влияние персоязычной культуры на китайскую цивилизацию. В этой сфере он опубликовал ценные научные труды на нескольких языках. В статье мы расскажем о жизни и деятельности профессора, об особенностях его научной работы, а также о значении его трудов в контексте таджикской и мировой науки.

Низомиддин Муроди родился в семье, где знания и культура занимали важное место. С юных лет его окружала атмосфера уважения к науке и литературе, что и предопределило его выбор профессии. Он изучал таджикскую филологию в одном из ведущих университетов Таджикистана, где проявил выдающиеся способности и глубокий интерес к литературным традициям своей родной страны. Это обучение стало основой для его дальнейших научных исследований.

После детского сада и начальной школы при средней школе № 22 имени Джаббора Расулова, успешно окончив среднюю школу № 24 имени академика Бободжона Гафурова в г. Худжанде и став членом Малой академии наук Республики Таджикистан, Н. Муроди поступил на факультет таджикской филологии Худжандского государственного университета имени академика Бободжона Гафурова, который окончил в 1997 г. с красным дипломом. Он также учился в Худжандском политехническом институте, окончил факультет финансов и кредита Нового российского университета (РосНОУ) (2008).

Трудовая деятельность Низомиддина началась с 19 лет, когда он работал в Комитете радио и телевидения Согдийской области в качестве ведущего и редактора программ (1994–1997). Хотя преподавание является основной сферой его деятельности, он никогда не прекращал разработку научных, литературных и культурных программ. Он автор более 800 радио- и телевизионных программ, которые были транслированы в Согдийской области, на телеканала «Азия», радиостанции «Тироз» и «Пайванд». Государственная премия имени Камоли Худжанди была присуждена ему за вклад в развитии радио и телевидения.

Н. Муроди также является руководителем научно-ораторского клуба «Чашми чон» («Око души») в Худжандском университете. Его прогрессивные методы обучения собрали вокруг него не только студентов, но и многочисленных преподавателей. В его лекциях всегда звучат слова патриотизма и благодарности за независимость страны, что служит примером для других. Следует отметить, что его также признали выдающимся ведущим. Он считает большим счастьем, что за тридцать лет независимости страны он многократно выступал на мероприятиях республиканского уровня, проводимых в Худжанде с участием Лидера нации.

Низомиддин Муроди на протяжении многих лет преподавал таджикский язык и литературу в средней школе № 29 района Бобаджон Гафуров (1996–2010) и был удостоен звания «Учитель года» (2000). Некоторое время он был директором гимназии «Нур» района Бобаджон Гафуров (2005–2006). Его исключительная привязанность к школе и высокий уровень преподавания, которые он проявил, будучи молодым учителем, стали причиной его приглашения в передовые школы центральной части Согдийской области. Он также работал в таких средних образовательных учреждениях, как Президентская школа (город Бустон), таджикско-турецкий лицей-пансион, лицей имени Рустамова, гимназия № 4, школа «Ирфон», физико-математический лицей № 1 имени академика М. Осими (Худжанд), где преподавал таджикский язык и литературу, персидский язык и был руководителем ораторского клуба, сумев привить любовь к науке и знаниям сотням школьников.

Для дальнейшего научного развития Низомиддин Муроди поступил в аспирантуру Худжандского университета (1997–2000), завершив ее с президентской стипендией. Он стал победителем первой республиканской конференции молодых ученых в области литературы, которая прошла в Душанбе (1999). В 2002 г. он защитил диссертацию «Восхвалительная поэзия и ее особенности в персидско-таджикской поэзии» под руководством профессора А. Насриддина. Некоторое время

он работал преподавателем таджикского языка в российско-таджикском Современном гуманитарном университете (СГУ) (2000–2005).

Его высокий интеллектуальный потенциал и управленческие способности привели его к работе в Исполнительном органе государственной власти Согдийской области. С 2000 по 2007 г. он занимал должности ведущего специалиста Комитета по делам религии при Правительстве Республики Таджикистан в Согдийской области, главного специалиста отдела социально-культурных вопросов и общественных связей аппарата председателя области, а также заместителя начальника Управления образования Согдийской области. В 2006 г. ему было присвоено квалификационное звание Государственного советника 3-го класса.

Одновременно с этим он работал старшим преподавателем кафедры таджикской классической литературы филологического факультета Худжандского университета, где преподавал историю персидско-таджикской литературы студентам (1997–2009). Затем, для продолжения научной деятельности и подготовки докторской диссертации, он полностью перешел в высшее учебное заведение.

Позже он занял должность доцента кафедры таджикской классической литературы филологического факультета (2010), стал докторантом Худжандского университета (2011–2013), был доцентом (2014–2018), а с 2019 – профессором кафедры персидского и китайского языков факультета восточных языков того же университета.

В 2017 г. он успешно защитил докторскую диссертацию «Традиции персидско-таджикской поэзии в уйгурской литературе» под научным руководством профессора М. Мирзоюнус.

Его научные исследования охватывают вопросы таджикского фольклора, историю мунаджата и наата (восхвалительной поэзии) в персидско-таджикской классической литературе, эволюцию традиций персидско-таджикской литературы в уйгурской классической литературе, персоязычную литературу Китая и литературные связи.

Он является автором 25 монографий и около 200 научных и научно-популярных статей, опубликованных как в стране, так и за ее пределами.

Низомиддин Муроди представлял научное сообщество Таджикистана в ряде международных университетов, выступая с лекциями. В частности, в 2006 г. он выступил в Университете Джорджа Мейсона в Вашингтоне (США), в 2012 – в Педагогическом университете Урумчи, в 2020 – в Циндаоском нефтяном университете (КНР), в 2022 – в Свободном университете Берлина (Германия), а также в высших учебных заведениях Узбекистана в период с 2018 по 2024 г.

Знакомство с разными странами мира, такими как Казахстан, Туркменистан, Иран, Турция, Саудовская Аравия, Франция, Австрия и Швейцария, оказало положительное влияние на его мировоззрение.

Среди его трудов особого внимания заслуживают следующие фундаментальные исследования: «Инсони комил ва ифодашавии он дар “Бўстон”-и Саъдӣ» (Хучанд, 1998); «Инъикоси ҳаёти мардум дар фолклори Хучанд» (Хучанд, 1998); «Шеърӣ шигифтангез дар адаби тоҷику форс» (Хучанд, 2009); «Адабиёти форсизабони Чин» (Душанбе, 2013); «Адабиёти форсу тоҷик дар Кошғар» (Хучанд, 2016); «Традиции персидско-таджикской поэзии в уйгурской литературе XVI–XIX вв.» (Хучанд, 2017); «Китай и персидско-таджикская литература (взаимосвязь двух цивилизаций)» (Хучанд, 2022); «Зороастризм и персидско-таджикская литература в Китае» (Худжанд, 2022).

Кроме того, в соавторстве с другими литературоведами им были изданы три учебных пособия, которые широко используются студентами-филологами: «Таърихи адабиёти тоҷик. Асрҳои XIII–XV» (Хучанд, 2012); «Таърихи адабиёти тоҷик. Асрҳои XVI–XVII» (Хучанд, 2012); «Таърихи адабиёти тоҷик. Асрҳои XVIII–XX» (Хучанд, 2013).

Эти труды охватывают широкий спектр вопросов, связанных с историей и развитием персидско-таджикской литературы, ее взаимодействием с китайской и уйгурской литературными традициями, а также фольклористическими аспектами.

С 2018 г. он является членом диссертационного совета бД.КОА-037 (языкознание, литературоведение) при Худжандский университете. Под его научным руководством несколько учеников занимаются исследовательской работой и являются соискателями ученых степеней.

Кроме научной деятельности, он также увлекается поэзией. Его стихи были опубликованы в нескольких сборниках: «Тазкираи шоирони авлодӣ» (Худжанд, 2006), «Чашми ҷон» (Худжанд, 2011), «Адибони вилояти Суғд» (Худжанд, 2014).

Его творчество занимает особое место среди таджикских поэтов, сочетая традиционные мотивы персидско-таджикской поэзии с современными литературными веяниями.

Кроме научной работы, Низомиддин Муроди является выдающимся педагогом, который воспитал целую плеяду молодых ученых и специалистов в области таджикской филологии и литературоведения. Его студенты не только продолжают его работу, но и развивают новые направления в исследованиях таджикской и китайской литературы и синологии, что свидетельствует о высоком уровне его преподавательской деятельности.

Низомиддин Муроди является учредителем и директором Образовательного центра «Академия Муроди» в городе Худжанд. Основанная в 2016 г., Академия действует в рамках культурной политики Основателя мира и национального единства, Лидера нации, Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона.

Основная миссия Академии – содействие развитию учащихся, большинство из которых являются школьниками города и области. Здесь воспитанники получают навыки ораторского искусства, этикета общения, расширяют кругозор и критическое мышление, изучают основы семейных отношений и финансовую грамотность, приобретая новые знания и достойное воспитание.

Ежегодно Академия Муроди организует научно-культурную церемонию награждения, в рамках которой лучшие ученики получают Кубок Академии и Сертификат. Данный сертификат выдается на основе лицензии Агентства по надзору в сфере образования и науки при Президенте Республики Таджикистан, что подтверждает высокий уровень подготовки учащихся.

Низомиддин Муроди является активным членом Народно-демократической партии Таджикистана и неустанно работает над реализацией образовательных посланий Лидера нации и выполнением поручений Правительства Республики Таджикистан. Он считает эти инициативы основным ориентиром в сфере науки, воспитания, образования и журналистики, способствующим развитию общества и процветанию будущих поколений.

За свою деятельность в 2023 г. указом Президента Республики Таджикистан он был удостоен медали «За достойную службу». В том же году он также получил звание «Учитель года-2023» Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова.

Н. Муроди сыграл значительную роль в пересмотре и углубленном осмыслении многих аспектов таджикской литературной истории, в том числе в изучении переводов уйгурской классики на таджикский язык и вопросов слияния таджикско-китайских литературных форм в единую поэтическую традицию. В его работах мы видим стремление не только передать знания, но и создать основу для дальнейших исследований в области синологии.

Низомиддин Муроди всегда подчеркивает важность культурного обмена и взаимного уважения между народами, считая, что знание литературных традиций других стран способствует более глубокому пониманию собственной культуры. Он активно внедряет в образовательный процесс новые методики и подходы, ориентированные на развитие критического мышления у студентов.

Несмотря на свою насыщенную научную деятельность, Низомиддин Муроди всегда оставался человеком высокой нравственности, храня приверженность семейным ценностям. Он гордится своим наследием, включая творческое наследие своего отца, известного таджикского поэта и ученого, профессора Муродии Худжанди. Его работа вдохновлена не только личными достижениями, но и стремлением сохранить и приумножить культурное наследие своего народа.

Профессор Низомиддин Муроди – ученый, который на протяжении всей своей жизни посвятил себя не только научным исследованиям, но и воспитанию новых поколений ученых. Его вклад в изучение взаимосвязи таджикско-персидской и китайской литератур стал важным шагом на пути развития межкультурных и межъязыковых исследований. Его работы расширяют горизонты филологии, способствуют осознанию того, как взаимодействуют и влияют друг на друга различные культурные традиции.

В день 50-летия профессора Низомиддина Муроди мы выражаем ему нашу благодарность и поздравления за его выдающиеся достижения в науке, педагогике и культуре. Мы уверены, что его труд продолжит вдохновлять будущие поколения ученых и студентов, а его научные достижения будут служить основой для дальнейших исследований и развития таджикской филологии и литературоведения.

Сведения об авторе:

Эхсонзода Малохат Эхсон, канд. филол. наук доцент декан факультета восточных языков Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова	Ehsonzoda Malahat Ehson, PhD Associate Professor Dean of Faculty of Oriental Languages Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov malohat@mail.ru
Муроди Нилуфархон, преподаватель факультет восточных языков Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова	Murodi Nilufarkhon, Lecturer Faculty of Oriental Languages Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov murodi.nilufarkhon97@mail.ru

UDC: 811.222.8'28

Б.П. Ашрапов (Худжанд, Республика Таджикистан)

Вклад профессора Низомиддина Муроди в изучение и исследование литературных связей между таджикско-персидской и китайской литературами (на примере уйгурской литературы)

Аннотация: В статье рассматривается значительный вклад профессора Низомиддина Муроди в изучение литературных связей между таджикско-персидской и китайской литературами; особое внимание уделено влиянию персидско-таджикских традиций на уйгурскую литературу. Обширные исследования профессора Муроди, включающие монографии, статьи и международные лекции, посвящены таким темам, как таджикский фольклор в классической персидско-таджикской поэзии и перемещение этих традиций в уйгурские литературные произведения, исторический контекст и следствие уничтожения древнего уйгурского алфавита. Итоги этих исследований отражены в ключевых публикациях и академической деятельности Муроди, демонстрирующих его весомый вклад в освещении сложных культурных и литературных взаимодействий между персидским миром и Китаем, особенно через призму уйгурской литературы. Таким образом, исследования Н. Муроди создают предпосылки для понимания значимости персидско-таджикского литературного влияния в регионе.

Ключевые слова: вклад профессора Низомиддина Муроди, литературные связи, таджикско-персидская и китайская литературы, влияние персидско-таджикских традиций на уйгурскую литературу

B.P. Ashrapov (Khujand, Republic of Tajikistan)

Professor Nizomiddin Murodi's Contribution to the Study and Exploration of Literary Ties between Tajik-Persian and Chinese Literatures (on the example of Uyghur literature)

Abstract: The given article dwells on the significant contributions of Professor Nizomiddin Murodi to the study of literary ties between Tajik-Persian and Chinese literatures, focusing specifically on the influence of Persian-Tajik traditions on Uyghur literature. Professor Murodi's extensive research, encompassing monographs, articles, and international lectures, explores themes such as Tajik folklore in classical Persian-Tajik poetry, and the transmission of these traditions into Uyghur literary works, the historical context, and impact of the de-

struction of the ancient Uyghur alphabet. The findings highlight Murodi key publications and academic engagements demonstrating his crucial role in illumination the complex cultural and literary exchanges between the Persianate world and China, particularly through the lens of Uyghur literature. Thus, N. Murodi's work provides a vital foundation for understanding the enduring legacy of Persian-Tajik literary influence in the region.

Key words: contributions of Professor Nizomiddin Murodi, literary ties, Tajik-Persian and Chinese literatures, influence of Persian-Tajik traditions on Uyghur literature.

1. INTRODUCTION

It is common knowledge that the influence and spread of Persian literature on the literature of other nations is undeniable, and this point of view is confirmed by the research of not only Persian-speaking scholars, but orientalist and Iranists around the world either. The range of research in the relevant area is expanding year by year, new facts and materials are becoming the object of scientific research of scientists, which contributes to a comprehensive study of the role and significance of Persian literature on a global scale.

Research on the influence of Persian-Tajik literature on Uyghur poetry and prose reveals amazing facts and interesting materials that testify to the power of the Tajik and Dari languages and the significance of literature in this language [Murodi 2023].

The objective of the corpus of our study is to reveal Professor Nizomiddin Murodi's contribution to the study and exploration of literary ties between Tajik-Persian and Chinese literatures on the example of Uyghur literature.

2. MAIN RESULTS AND DISCUSSION

2.1. INTRODUCTION ON N. MURODI'S SCIENTIFIC EXPLORATION

N. Murodi's scholarly research encompasses areas within Tajik folklore, the history of munajat and na'at (panegyric poetry) in Persian-Tajik classical literature, the evolution of Persian-Tajik literary traditions in Uyghur classical literature, Persian-language literature of China, and literary interconnections.

He is the author of 25 monographs and nearly 200 scientific and popular science articles published both domestically and internationally.

Prof. N. Murodi has represented the Tajik academic community at several international universities through his lectures. Specifically, in 2006, he presented at George Mason University in Washington, D.C. (USA), in 2012 at Urumqi pedagogical University, in 2020 at the Qingdao Technological University (PRC), and in 2022 at the Freie Universität Berlin (Germany), as well as at higher education institutions in Uzbekistan between 2018 and 2024.

Furthermore, he travels to developed countries worldwide, including Kazakhstan, Turkmenistan, Iran, Turkey, Saudi Arabia, France, Austria, and Switzerland, have positively impacted his worldview.

Among his works, the following fundamental studies are particularly noteworthy: "Insoni Komil va ifodashavii on dar «Būston»-i Sa'di" (Khujand: Nargis, 1998) [The Perfect Man and its Expression in Sa'di's "Bustan"]; "In'ikosi hāyoti mardum dar folk-lōri Khujand" (Khujand: Nargis, 1998) [The Reflection of People's Lives in the Folklore of Khujand]; "She'ri shigiftangez dar adabi tājiku fors" (Khujand: Noshir, 2009) [Astonishing Poetry in Tajik and Persian Literature]; "Adabiyoti forsizaboni chin" (Dushanbe: Irfon, 2013) [Persian-Language Literature of China]; "Adabiyoti forsu tōjik dar

kōshghar” (Khujand: Noshir, 2016) [Persian and Tajik Literature in Kashgar]; “Traditsii persidsko-tadzhikskoy poezii v uygurskoy literature XVI–XIX vv.” (Khujand: Nuri ma’rifat, 2017) [Traditions of Persian-Tajik Poetry in Uyghur Literature of 16th–19th Centuries]; “Kitay i persidsko-tadzhikskaya literatura (vzaimosvyaz’ dvukh tsivilizatsiy)” (Khujand: Noshir, 2022) [China and Persian-Tajik Literature (Interconnection of Two Civilizations)]; “Zoroastrizm i persidsko-tadzhikskaya literatura v Kitae” (Khujand: Noshir, 2022) [Zoroastrianism and Persian-Tajik Literature in China].

In addition, N. Murodi co-authored three textbooks with other literary scholars, which are widely used by philology students: “Ta’rikhi adabiyoti tōjik. Asrhōi 13th–15th” (Khujand, 2012) [The History of Tajik Literature. Centuries 13th–15th]; “Ta’rikhi adabiyoti tōjik. Asrhōi 16th–17th” (Khujand, 2012) [The History of Tajik Literature. Centuries 16th–17th]; “Ta’rikhi adabiyoti tōjik. Asrhōi 18th–20th” (Khujand, 2013) [The History of Tajik Literature. Centuries 18th–20th].

The above-adduced works cover a wide range of issues beset with the history and development of Persian-Tajik literature, its interconnection with Chinese and Uyghur literary traditions, and folkloristic aspects as well.

In 2017, N. Murodi successfully defended his doctoral dissertation on the topic of “Traditions of Persian-Tajik Poetry in Uyghur Literature” under the scientific supervision of Professor Matluba Mirzoyunus [Murodi 2017].

2.2. INFLUENCE AND DIFFUSION OF PERSIAN-TAJIK LITERATURE IN THE COUNTRIES OF ASIA AND THE MIDDLE EAST

In the process of its development the Persian language and literature not only left a big heritage to future generations, but played a considerable role in the development of science and culture of all peoples of the world either. One can say beyond doubts that just due to the prevalence of humanistic ideas of our classics they were studied deeply in the countries of both Europe and Middle Asia since long times. The literature and culture of Russian, English, French, Indian, Turkish and Arabian men-of-letters might have been swayed over with the colorful world of the Tajik-Persian literature. In the course of durable years this phenomenon made an impact upon literary relations of poets and writers of various peoples that promoted a rapprochement of cultures and civilizations of nations [Murodi 2014].

Prof. N. Murodi dwells on the scantily studied scientifico-historical problem concerned with the influence of Sughdian culture in China; East Turkestan being considered especially. The research in question proved that cultural mutual ties are traced back into ancient times and therefore they need in being explored especially. Proceeding from the data of scientific literature the author substantiates the historic role of Sughdian culture for China. The examples adduced in the article prove the statements asserted [Murodi 2014].

2.3. WESTERN CHINA AND PERSIAN-TAJIK LITERATURE

To begin with, the connections between Persian-Tajik and Uyghur literatures are mainly one-sided, i. e. Uyghur poetry has borrowed most of all the best traditions of Persian-Tajik medieval literature. Later on, the influence of Persian-Tajik literature on Uyghur literature occurred mainly in two ways – through the translation of works by outstanding representatives of Persian-language literature into the Uyghur language and through the imitation of famous monuments of Persian-Tajik literature by Uyghur writers. Literary scholars and orientalists from Europe, Russia, Uzbekistan, Turkey, Japan, Kazakhstan and the Uyghurs themselves have studied a number of issues related to the language, history, traditions, folklore, and culture of the Uyghur people, however, their works are mainly of a historical and philological nature, and special scientific

studies devoted to the influence of Persian-Tajik culture on the process of formation and development of Uyghur literature are still absent in modern literary criticism. Based on this, our study is an introduction to a systematic analysis of the process of penetration and influence of Persian-Tajik literature traditions in the formation and development of the thematic, artistic, aesthetic, and genre system of Uyghur poetry in East Turkestan. And also, the influence of Persian-Tajik literature on the literature of Western China – Uyghur poetry and prose from the point of view of the penetration of literary traditions, manifested in the creation of mesnevi and “Khamsa”, the composition of sakiname and ghazals, the continuation of the tradition of bilingualism by Uyghur writers, the use of literary devices. A study of the divans of Uyghur poets and consideration of the issue of translations and tatabboo’ – imitations by writers of today’s Xinjiang in the 16th–19th centuries, and their features are determined. Along with male poets, the names and works of two female writers – Amonnisakhan and Zulaykhabegim, who have not been mentioned in the works of other researchers to date are presented [Murodi 2020].

It can be said that the Uyghurs created a rich and unique culture, which drew much from the literary heritage and art of the Persian-speaking peoples. In turn, the architectural art, musical heritage and literature of the Uyghurs, of course, also influenced the civilization of the Eastern countries. The study and analysis of this issue allows us to discover new and interesting facts. If, on the one hand, their imitation of our literature is evidence of the influence of the best Persian-Tajik literary traditions, then, on the other hand, the possession of the literary principles of the East Turkestan writers, inherent in their literary circle, as well as their creative attitude to all Persian works, frees them from absolute imitation.

So, the inclusion of Persian works in collections and divans demonstrated not only the mastery of zullisonayn, but also testified to the high status of the writer in his time. Representatives of the Uyghur literary circles, in addition to mastering the Persian language, also created works in this language, which was the reason for the recognition and glorification of their works. It should be noted that the Farsi language in that period and before it acquired the status of a language of communication between scholars, aristocracy and courtiers. In fact, the rapprochement of Arabic and Persian literature and their influence on Uyghur classical poetry and prose contributed to the fact that the people of Kashgar became the heirs of a magnificent literature and culture of world significance.

2.4. UIGHURS AND IRANIAN-CHINESE CIVILIZATION

In fact, the ethnic kinship of the Uyghur people with the Iranian peoples is an insufficiently studied page of history. For example, “the relationship between the Chinese province of Xinjiang, which is also referred to as Maghribzamin, and the lands of Iran were established several centuries ago. According to historical facts and testimonies, in the 2nd–3rd centuries BC, there were trade and cultural relations between these regions. Before the ancestors of today’s Uyghurs, mentioned in history under the name “Huigu”, migrated from Mongolia to the territory of Xinjiang, the region was inhabited by the Sakas, Tochars, Sogdians, who were Iranian by origin and spoke Iranian dialects. Over the centuries, racial mixing took place between the indigenous people – Iranians and the emigrant tribes. In particular, after 840 AD, when the ancestors of the Uyghurs, leaving their former places in large numbers, arrived in this region, the process of assimilation between these two peoples intensified.

N. Murodi underscores that “The issue under consideration is covered in a different way in the treatise of Fazlullah Rashid ad-Din “Jami at-tavarikh” (Collection of

Chronicles) – a work that is one of the most important sources on the history and culture of Central Asia and the East in the 13th–14th centuries, on the history and economy of the Middle and Near East, as well as on the study of the social life of the nomadic Mongols, whose rule over the indigenous civilized peoples of the Middle East continued for centuries. Perhaps there is no other source where all aspects of nomadic life with its traditions and customs would be reflected so vividly and masterfully”.

Thus, for a millennium (2nd–12th centuries), it, as one of the most widespread Iranian languages, served as a messenger of culture and literature, as well as trade in the regions inhabited by the Persian-speaking population to the borders of China.

The study of the features of cultural exchange, historical relationships, the mutual influence of civilizations, language and writing, traditions and customs of the Sogdian-Uighurs with China allows us to draw a conclusion about the deep roots of Persian-language literature in the culture of modern China and, in particular, among the Uighur people [Murodi 2023].

2.5. ON THE SPREAD OF ISLAMIC CULTURE IN CHINA IN THE MIDDLE AGES

Research by Sinologists and Islamic scholars prove that Islam penetrated China and its environs already in the first decades of the emergence of the Muslim religion. The first information about Islam in China can be dated back to 638, since in that year the Sasanian Shah Yazdigurd III sent his ambassadors to the ruler of Changyang Tai-Tsung, asking for his help in the fight against the Arabs, who threatened his country with the intention of spreading their religion. Therefore, it is possible that China first learned about Islam through Iran.

While considering the manuscript catalog of the Academy of Sciences of Uzbekistan, we discovered a unique source – “Tazkirai Bagrokhon”, which we had not seen mentioned in any of the studies by orientalists. This work, compiled by Ahmad ibn Sa’duddin Namangani in the 10th century and presented to Sotuk Bagrokhan-Karakhan, a ruler from the Karakhanid dynasty, provides information about the biographies and work of representatives of the Uvaisiya tariqa. This religious movement is associated with the name of Uvais Karani Yamani (who died in 634), one of the companions of the Prophet of Islam. In view of this, the work is also mentioned under the name “Tazkirai Uvaisiya”. This tazkire is a confirmation of the spread of the influence of the Karakhanid to the Fergana Valley already in the 10th century. Moreover, we can say that during that period not only Islam was widespread in Central Asia, but also other religious movements. The copy indicated in the catalogue was rewritten by an unknown scribe in 1706, in the city of Yarkand in Eastern Turkestan. The work consists of an introduction, 30 sections, 40 chapters and a final part. Certainly, the analysis and study of this work will contribute to obtaining new information about the social and literary life of that period [Murodi 2013; 2014].

Thus, the 16th century became a period of powerful influence and spread of Persian literature in the territory of East Turkestan.

2.6. ON THE SYNTHESIS OF UYGHUR AND PERSIAN-TAJIK LITERATURE

Persian-Tajik literature, improving and spreading along the path of its development, left an indelible historical mark, the influence of which is recognized by all the peoples of Asia, including the ancient Uyghur people. This fact is confirmed by both domestic and foreign scholars. In other words, the study of the influence of Persian-Tajik literature on other literatures, for example, on Uyghur literature, in Tajik literary criticism is a completely new unexplored direction that allows for a more extensive study of the

range of distribution and influence of Persian-Tajik literature. Uyghur literature is truly rich and multifaceted. Three periods of development can be observed in it:

1. Before the 15th century (two stages: from ancient times to the spread of Islam – the 10th century and from the 10th to the 15th centuries).
2. 15th–19th centuries.
3. From the 19th century to the present day.

The second period of development of Uyghur literature covers the Middle Ages and is a particularly important and fundamental stage. If in the initial period this literature was represented by the works of Yusuf Khos Khodzhib “Kutadgu bilik”, Mahmud Kashgari “Divan lugati-t-turk”, Ahmad Yugnaki “Khibatu-l-hakoik”, then in the second period one can get acquainted with numerous historical and literary portraits, whose names and works are still unknown to modern literary criticism. Not everyone knows that Muhammad Emin Hirkati, Muhammad ibn Abdullohi Kharaboti, Bilol Nozim, Muhammad Zelili, Abdurahim Nizori, Navbati, Obid Kumuli, Amonnisokhan, Mullo Fozil, Ayazbek Kushchi, Shokh Mahmud Churas and others were among those who not only illuminated the pages of Uyghur literature and culture with their bright minds and talents, but also showed the greatness of Persian-Tajik literature to the Uyghur people. These were writers brought up on the poetry of Rudaki, Sufism of Mevlevi, the love lyrics of Hafiz, the didactics of Saadi, and the search for truth of Jami.

So, why did these historically important pages associated with our literature remain outside the field of view of researchers? To answer this question, we will name a number of reasons: the inaccessibility of the Uyghur language and script; the inaccessibility of literary material [Murodi 2012; 2022].

Thus, the work of the Uyghur poet Muhammad Zelili is a prism of the study of the influence of Persian-Tajik literature on Uyghur classical literature. Indeed, his poetry was filled with the aroma of the flower beds of Mawlawi, Hafiz and Saadi, and the principles of composing his divan go back to the traditions of composing Persian-Tajik divans.

3. CONCLUSION

Professor Nizomiddin Murodi represents a significant contribution to the understanding of literary interconnections between Tajik-Persian and Chinese literatures, with a particular focus on Uyghur literature. His research, encompassing 25 monographs and nearly 200 articles, demonstrates a deep engagement with Tajik folklore, classical Persian-Tajik literary traditions (including munajat and na’at), and their evolution and influence within the context of Uyghur classical literature and the broader Persian-language literary landscape of China. Key works, such as “Traditions of Persian-Tajik Poetry in Uyghur Literature of 16th–19th Centuries” and “China and Persian-Tajik Literature (Interconnection of Two Civilizations)”, explicitly address the cross-cultural transmission of literary forms and themes. His exploration of topics like “The Perfect Man” in Sa’di’s “Bustan” and the reflection of people’s lives in Khujand folklore demonstrates a grounding in the core traditions of Persian-Tajik literature, which he then utilizes to analyze its impact on Uyghur and Chinese literary spheres. In conclusion, Professor Murodi’s scholarship provides valuable insights into the enduring influence of Persian-Tajik literature, illustrating the intricate ways in which literary traditions can transcend geographical and linguistic boundaries, shaping the literary landscape of other cultures, specifically Uyghur literature within China. His work is crucial for understanding the historical and cultural connections between these regions and offers a rich foundation for future research in this field.

ЛИТЕРАТУРА

1. Муроди Н. Влияние и распространение персидско-таджикской литературы в странах Азии и Ближнего Востока // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2014. №3(59). С. 236–243.
2. Муроди Н. Западный Китай и персидско-таджикская литература // Вестник педагогического университета. 2020. №6(89). С. 209–211.
3. Муроди Н. Инсони комил ва ифодашавии он дар «Бустон»-и Саъдӣ. Хучанд: Наргис, 1998. 76 с.
4. Муроди Н. Инъикоси ҳаёти мардум дар фольклори Хучанд. Хучанд: Наргис, 1998. 52 с.
5. Муроди Н. К вопросу распространения исламской культуры в Китае в эпоху средневековья // Вестник Таджикского технического университета. 2014. №1(25). С. 145–148.
6. Муроди Н. Молитвенно-восхвалительная поэзия (муноджот и наът) и ее особенности в истории персидско-таджикской литературы: Автореферат (канд. филол. наук). Худжанд: Нури маърифат, 2002. 23 с.
7. Муроди Н. О синтезе уйгурской и персидско-таджикской литературы (на примере творчества Мухаммеда Зелили) // Вестник Таджикского технического университета. 2012. №3(19). С. 140–144.
8. Муроди Н. Распространение персидско-таджикской литературы на уйгурской земле // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2012. №4-1. С. 172–177.
9. Муроди Н. Традиции персидско-таджикской поэзии в уйгурской литературе XVI–XIX вв.: Дисс. ... докт. филол. наук. Худжанд, 2017. 397 с.
10. Муроди Н. Традиции персидско-таджикской поэзии в уйгурской литературе XVI–XIX вв. Худжанд: Нури маърифат, 2017. 404 с.
11. Муроди Н. Традиции персидско-таджикской поэзии в уйгурской литературе XVI–XIX вв.: Автореферат (докт. филол. наук). Худжанд, 2017. 40 с.
12. Муроди Н. Уйгуры и ирано-китайская цивилизация // *Studia Humanitatis*. 2023. №1.
13. Муроди Н. Хамса в уйгурской литературе // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2013. №2(54). С. 225–231.
14. Муроди Н. Шеъри шигифтангез дар адаби тоҷику форс. Хучанд: Ношир, 2009. 196 с.
15. Муроди Н., Ван Юйхун. Китай и персидско-таджикская литература. (Взаимосвязь двух цивилизаций). Худжанд: Ношир, 2022. 140 с.
16. Муроди Н., Ёрунова М. Таърихи адабиёти тоҷик. Асрҳои XVIII–XX. (Комплекси таълимию методӣ). Хучанд, 2013. 240 с.
17. Муроди Н., Ёрунова М. Таърихи адабиёти тоҷик. Асрҳои XVI–XVII. (Комплекси таълимию методӣ). Хучанд: Андеша, 2012. 80 с.
18. Муроди Н., Хунцюань Чжао. Зороастризм и персидско-таджикская литература в Китае. Худжанд: Ношир, 2022. 244 с.
19. Низомиддин М. Согдийцы и китайская цивилизация // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2014. №1(57). С. 294–299.

REFERENCES

1. Murodi, N. Influence and Distribution of Persian-Tajik Literature in the Countries of Asia and the Middle East. *Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics*. 2014. No 3(59), pp. 236–243.

2. Murodi N. Western China and Persian-Tajik Literature. *Bulletin of the Pedagogical University*. 2020. No 6(89), pp. 209–211.
3. Murodi N. (1998) Insoni komil va ifodashavii he dar “Buston”-i Sadi. Khukand. Nargis Publ. 76 p.
4. Murodi N. (1998) Inikosi hayoti mardum dar folklore Khujand. Khujand. Nargis Publ. 52 p.
5. Murodi N. On the Issue of the Spread of Islamic Culture in China in the Middle Ages. *Bulletin of the Tajik Technical University*. 2014. No 1 (25), pp. 145–148.
6. Murodi N. Prayerful and Laudatory poetry (munodzhot and na’t) and Its Features in the History of Persian-Tajik Literature: Synopsi (PhD). Khujand. Nuri ma’rifat Publ. 2002. 23 p.
7. Murodi N. On the Synthesis of Uyghur and Persian-Tajik Literature (on the example of the work of Muhammad Zelili). *Bulletin of the Tajik Technical University*. 2012. No 3(19), pp. 140–144.
8. Murodi N. Distribution of Persian-Tajik Literature on Uyghur Land. *Bulletin of the Tajik National University. Series of Philological Sciences*. 2012. No 4-1, pp. 172–177.
9. Murodi N. (2017) Traditions of Persian-Tajik Poetry in Uyghur Literature of the 16th–19th centuries: Dissertation (Doctor of Philology). Khukand . 397 p.
10. Murodi N. (2017) Traditions of Persian-Tajik Poetry in Uyghur Literature of the 16th–19th centuries. Khujand. Nuri marifat Publ. 404 p.
11. Murodi N. (2017) Traditions of Persian-Tajik Poetry in Uyghur Literature of the 16th–19th centuries: Synopsis (Doctoral Dissertation on Philology Khujand). 40 p.
12. Murodi N. Uighurs and Iranian-Chinese Civilization. *Studia Humanitatis*. 2023. No 1.
13. Murodi N. Khamisa in Uyghur Literature. *Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics*. 2013. No 2(54), pp. 225–231.
14. Murodi N. (2009) Sheri shigiftangez dar adabi togiku force. Khukand. Noshir Publ. 196 p.
15. Murodi N., Wang Yuhong. (2022) China and Persian-Tajik Literature. (The relationship between two civilizations). Khujand. Noshir Publ. 140 p.
16. Murodi N., Orunova M. (2013) Tarihi adabiyoti tok. Asroi XVIII–XX. (Complex and talimiyu method). Khukand. 240 p.
17. Murodi N., Orunova M. (2012) Tarihi adabiyoti tok. Asrhoi XVI–XVII. (Complex and talimiyu method). Khukhand. Andesha Publ. 80 p.
18. Murodi N., Hongquan Zhao. (2022) Zoroastrianism and Persian-Tajik literature in China. Khujand. Noshir Publ. 244 p.
19. Nizomiddin M. Sogdians and Chinese civilization. *Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics*. 2014. No 1(57), pp. 294–299.

Сведения об авторе:

Баходурджон Пулогович Ашрапов,
канд. филол. наук
доцент
факультет восточных языков
Худжандский государственный университет
имени академика Бободжона Гафурова

Bahodurjon P. Ashrapov,
PhD
Associate Professor
Faculty of Oriental Languages
Khujand State University named
after academician Bobojon Gafurov

bahodur.ashrapov@mail.ru

Б.П. Ашрапов, Н. Муроди (Худжанд, Республика Таджикистан)

**Избранная библиография печатных трудов
профессора Низомиддина Муроди**

B.P. Ashrapov, N. Murodi (Khujand, Republic of Tajikistan)

Selected Bibliography of the Works of Professor Nizomiddin Murodi

КНИГИ, ДИССЕРТАЦИИ И УЧЕБНИКИ

- Инсони комил ва ифодашавии он дар «Бустон»-и Саъдӣ. Хучанд: Наргис, 1998. 76 с.
- Инъикоси ҳаёти мардум дар фолклори Хучанд. Хучанд: Наргис, 1998. 52 с.
- Молитвенно-восхвалительная поэзия (муноджот и наът) и ее особенности в истории персидско-таджикской литературы: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Худжанд: Нури маърифат, 2002. 23 с.
- Муноҷоту наът ва хусусиятҳои он дар назми форсу тоҷик. Хучанд: Ношир, 2004. 206 с.
- Муноҷоти Худо ва наъти Расул. Хучанд: Ношир, 2005. 317 с.
- Шеърӣ шигифтангез дар адаби тоҷику форс. Хучанд: Ношир, 2009. 196 с.
- Ислом, ҳаёти солим ва ҳуқуқи инсон. Хучанд: Ношир, 2010. 180 с. (гурӯҳи муаллифон).
- Калиди ганҷ-1. (Беҳтарин барномаҳои телевизионӣ ва мақолоти Низомиддин Муродӣ). Таҳти назари профессор А.Насриддин. Хучанд, 2011
- Чашми чон. (маҷмуаи мақолот ва ашъор). Хучанд: Ношир, 2011. 220 с.
- Таърихи адабиёти тоҷик. Асрҳои XIII–XV. (Комплекси таълимию методӣ). Хучанд, 2012. 152 с. (гурӯҳи муаллифон).
- Таърихи адабиёти тоҷик. Асрҳои XVI–XVII. (Комплекси таълимию методӣ). Хучанд: Андеша, 2012. 80 с. (дар ҳаммуаллифӣ бо М.Ўрунова).
- Таърихи адабиёти тоҷик. Асрҳои XVIII–XX. (Комплекси таълимию методӣ). Хучанд, 2013. 240 с. (дар ҳаммуаллифӣ бо М.Ўрунова)
- Калиди ганҷ-2. (Беҳтарин барномаҳои телевизионӣ ва мақолоти Низомиддин Муродӣ). Таҳти назари профессор М.Ҳочаева. Хучанд, 2013.
- Ороиши чон. (маҷмуаи мақолот). Хучанд: Ношир, 2013. 224 с.
- Адабиёти форсиабони Чин. Ҷ. 1. Душанбе: Ирфон, 2013. 230 с.
- Адабиёти форсу тоҷик дар Кошғар. Хучанд: Ношир, 2015. 418 с.
- Адабиёти форсу тоҷик дар Кошғар. Хучанд: Ношир, 2016. 418 с.

Традиции персидско-таджикской поэзии в уйгурской литературе XVI–XIX вв.: Автореферат дисс. ... докт. филол. наук. Худжанд, 2017. 40 с.

Традиции персидско-таджикской поэзии в уйгурской литературе XVI–XIX вв. Худжанд: Нури маърифат, 2017. 404 с.

Чашми қон. (Силсилаи барномаҳои Низомиддин Муродӣ дар радиои “Пайванд”). Мушовир А. Ёрунов. Хучанд, 2020

Азизони беназир. Хучанд: Ношир, 2022. 108 с. (дар ҳаммуаллифӣ бо А. Абдуманонов).

Китай и персидско-таджикская литература. (Взаимосвязь двух цивилизаций). Худжанд: Ношир, 2022. 140 с. (в соавт. с Ван Юйхун).

Зороастризм и персидско-таджикская литература в Китае. Худжанд: Ношир, 2022. 244 с. (в соавт. с Хунцюань Чжао).

Раҳнамои «Академияи Муродӣ» № 1–12. (дастури таълиму тарбия). Хучанд, 2024. 200 с.

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

1992

Лаҳзаҳои нотакрор // Ҳақиқати Ленинобод. 1992. № 89(14835). 28 май. С. 4.

Лаҳзаи фасли ҷавонӣ // Ҳақиқати Ленинобод. 1992. № 173(14919). 28 ноябр. С. 4.

Дилам ба дард меояд // Тирози ҷаҳон. 1992. № 2. 26 декабр. С. 4.

1993

Чӣ ҳол дорам // Тирози ҷаҳон. 1993. № 78. 29 сентябр. С. 2.

1994

Одило, бо лафзи хуш номат ба фардо мерасад // Тирози ҷаҳон. 1994. № 22(128). 16 март. С. 4.

1995

Шеърҳои фурӯғбахш. (Тақриз ба китоби аввалини шоира Адиба «Пайғоми сахар») // Тирози ҷаҳон. 1995. № 78(288). 26 сентябр. С. 2.

1998

Тафсири фалсафӣ-ақидавӣ бар китоби «Тоҷикон» // Роҳиёни ҷавони илм. Хучанд: Ношир, 1998. С. 29–36.

Тафсири фалсафӣ-ақидавӣ бар китоби «Тоҷикон» // Мухтасари гузоришот. (Конфронси илмӣ олимони ҷавони вилояти Ленинобод бахшида ба 1100-солагии давлати Сомониён ва 90-солагии академик Б. Фафуров. 10–13 март соли 1998). Хучанд, 1998. С. 64–65.

Чехраи дониш. (Таҳлили фаъолияти илмӣ-педагогии Аълочии маориф ва Корманди шоистаи Ҷумҳурии Тоҷикистон Давронҷон Темуров) // Тирози ҷаҳон. 1998. № 68(590). 25 август. С. 2.

1999

Муноҷоту наът дар адабиёти аҳди Сомониён // Саҳми олимони ҷавон дар инкишофи илм. (Маводи конференсияи якуми илмӣ олимони ҷавони Тоҷикистон бахшида ба ҷашми 1100-солагии давлати Сомониён). Қисми 1. Душанбе: Дониш, 1999. С. 271–277.

Оёту аҳодис дар таҳмидоти қуруни IX–X // Мухтасари гузоришот. (Маводи конфронси илмӣ олимони ҷавони вилояти Ленинобод ба ифтихори 1100-солагии давлати Сомониён). Ҷ. 2. Хучанд, 1999. С. 11–12.

Муноҷоту наъти ҷовидон дар аҳди Оли Сомон // Мухтасари гузоришот. (Маводи конфронси илмӣ олимони ҷавони вилояти Ленинобод ба ифтихори 1100-солагии давлати Сомониён). Ҷ. 2. Хучанд, 1999. С. 12–13.

Муноҷоту наъти ҷовидон дар аҳди Оли Сомон // Нури маърифат. 1999. №3(961). 23 март. С. 1.

2000

Рамзу рози «Мусибатнома»-и Аттори Нишопурӣ // Хучанд. 2000. № 5. С. 44–46.

Рамзу рози «Мусибатнома»-и Аттори Нишопурӣ // Мухтасари гузоришот. Ҷ. 3. Хучанд: Ношир, 2000. С. 10–11.

Хусусиятҳои муноҷоту наът дар «Мусибатнома»-и Аттор // Ҷавонон ва ҷаҳони дониш. (Маводи конференсияи дуҷуми илмӣ олимони ҷавони Тоҷикистон). Қисми 2. Душанбе: Дониш, 2000. С. 116–123.

Хусусиятҳои муноҷоту наът дар «Мусибатнома»-и Аттор // Мухтасари гузоришот. (Конфронси илмӣ олимони ва мутахассисони ҷавони вилоят ба ифтихори 60-солагии вилояти Ленинобод). Хучанд: Ношир, 2000. С. 10–11.

Такчароғи шаҳри рӯёҳо. (Такриз ба силсилаи «Хубони порсигӯ»-и профессор М. Мирзоюнус) // Тирози ҷаҳон. 2000. №61(780). 28 июл. С. 3. (дар ҳаммуаллифӣ бо Б.Мирсаидов).

Сайре дар ниёишҳо // Раҳоварди олимони ҷавон. (Маводи конфронси илмӣ олимони ва мутахассисони ҷавони ДДХ ба номи академик Б.Ғафуров бахшида ба 60-солагии вилояти Ленинобод). Ҷ. 2. Хучанд: Ношир, 2000. С. 59–67.

2001

Ҷавонон ва оиладорӣ // Тирози ҷаҳон. 2001. №41(874). 23 май. С. 2.

Ҷавонон ва оиладорӣ // Нилуфар. 2001. №24–25. 27 июн. С. 5.

Авзони шеърӣ таҳмидӣ // Раҳоварди олимони ҷавон. (Маводи конфронси илмӣ олимони ҷавони ДДХ ба номи академик Б.Ғафуров ба ифтихори 10-солагии Истиқлолияти Ҷумҳурии Тоҷикистон). Ҷ. 3. Хучанд: Ношир, 2001. С. 20–28

Ҷавонон ва оиладорӣ. (дастури методӣ ба ҷавонон). Хучанд, 2001. 4 с.

Своеобразие поэтических восхвалений Аттора в его месневи «Мусибатнаме» // Труды СГУ. (Проблемы гуманитарных наук). Вып. 33. М., 2001. С. 92–99.

2003

Пешгуфтор // Рашшод Ш. Ба сӯи хулқи ҳамида. Хучанд: Раҳим Ҷалил, 2003. С. 3.

2004

Олим, шоир ва мубориз. (Ҳаёт ва фаъолияти профессор Муродии Хучандӣ) // Тирози ҷаҳон. 2004. № 54. 7 июл. С. 4.

Туҳфаи Худованд // Муродӣ Ҳ. Дар ҷустуҷӯи бахт. Хучанд: Ношир, 2004. С. 717–725.

2005

Қонуни завҷият: Ҳуқуқ ва уқуқ // Тирози ҷаҳон. 2005. №98(1346). 7 декабр. С. 2.

Чароғи мунир. (Назар ба ҳаёти илмӣ-эҷодии номзади илмҳои ҷуғрофӣ Мунир Хочаев) // Тирози ҷаҳон. 2005. №45(1293). 4 июн. С. 3. (дар ҳаммуаллифӣ бо Н.Фаффоров).

2006

Саъйи орифона. (Такриз ба китоби Мусозода Ҳ. «Маъхаз-ул-маонӣ аз оёти куръонӣ») // Ҳақиқати Ленинобод. 2006. №54(16284). 8 июл. С. 6.

Мухаммас // Ҳомидзода М. Тазкираи шоирони авлодӣ. Хучанд, 2006. С. 18–20.

2007

Худоё, мутрибонро ангубин дех! (Такдим ба чашни 60-солагии композитор Абдурахмон Тошматов) // Шасти хунарманд. Хучанд: Хуросон, 2007. С. 17–22.

Abusagyt Abulhayyryn dileg etmek poeziyasy barada // Abusagyt Abulhayyr – gundogaryn beuyk akyldary. (Halkara ylmy maslahat). Ashgabat: Miras, 2007. С. 150. (ба забони туркманӣ).

About Prayerful Poetry by Abusagyt Abulhayir // Abusagyt Abulhayir – Ggreat Thinker of the East. (The international scientific conference). Ashhabad: Miras, 2007. P. 341.

О молитвенной поэзии Абусаида Абулхайра // Абусагыт Абылхайыр – великий мыслитель Востока. (Материалы международной научной конференции). Ашхабад: Мирас, 2007. С. 516–517.

Солшумории хичрат // Таквими хичрии камарии соли 1428 (2007–2008 мелодӣ). Хучанд: Ношир, 2007. С. 2–3. (дар ҳаммуаллифӣ бо Ҳ.Мӯсосозода).

Наворо навобахш бахшидааст // Адабиёт ва санъат. 2007. №23(1370). 7 июн. С. 7.

Наворо навобахш бахшидааст // Тирози ҷаҳон. 2007. №32. 21 апрел. С. 3–4.

2008

Саъйи орифона // Анвор-ул-мактубот. Хучанд: Хуросон, 2008. С. 336–341.

Парвози уқоб ва тулуи офтоб. (Аз ҳаёту фаъолияти аввалин асосгузори литсей дар Тоҷикистон Рустамов Ю.) // Тирози ҷаҳон. 2008. №19(1577). 5 март. С. 3.

Ҷаҳони Рӯдакӣ (ё шеваи куръонии ҷаҳоншиносии Одамушшуаро) // Тирози ҷаҳон. 2008. №44(1602). 28 май. С. 2–3.

Мазҳаби мусиқӣ // Армуғони «Ганчи сухан». (Баёзи муҳаққиқон ва шоирони вилояти Суғд). Ҷ.2. Хучанд: Ношир, 2008. С. 221–228.

Artistik Resemblance of «Talmeh» in Creative work of Makhtymkuli // Makhtymkuli and Spiritual-cultural Values of the Word. Ashhabad: Muras, 2008. P. 222.

Художественные средства «Талмех» в творчестве Махтумкули // Отображение мира в творчестве Махтумкули. (Материалы международной научной конференции). Ашхабад: Мирас, 2008. С. 353.

Дар марсияи устои олишаън // Тирози ҷаҳон. 2008. №102(1660). 20 декабр. С. 4.

2009

Оят ва ҳидоят дар шеъри Пушкин // Тирози ҷаҳон. 2009. №47(1708). 10 июл. С. 2–3.

Чеҳраи зани солеҳа ва толеҳа дар адаби тоҷику форс // Армуғони «Ганчи сухан». Ҷ.3. Хучанд: Ношир, 2009. С. 280–291.

Чеҳраи зани солеҳа ва толеҳа дар адаби тоҷику форс // Тирози ҷаҳон. 2009. № 82(1743). 10 октябр. С. 2–3; № 83(1744). 14 октябр. С. 4.

Матлаи анвор. (Дар сӯғвори устод Абдухолиқ Рауфов) // Ҳақиқати Суғд. 2009. № 19(16561). 4 март. С. 5.

Оинаи таҷаллии ишқ // Тирози ҷаҳон. 2009. № 28(1690). 8 апрел. С. 3.

2010

Оинаи таҷаллии ишқ // Армуғонӣ. Хучанд: Ношир, 2010. С. 85–90.

Ҳикмат // Фалсафаи саодати зиндагӣ. (Ба ифтихори 60-умин солгарди файласуф Муъминҷон Ғлмасов). Хучанд: Ношир, 2010. С. 42–46.

Ҷаҳоншиносии Рӯдакӣ // Аз наҳви сухан то ҷавҳари маъно. (Бахшида ба 70-солагии мавлуди профессор Ф.Зикриёев). Хучанд: Ношир, 2010. С. 278–286.

Водии Фарғона: Тамаддун ва тадайн // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Ҷ. 5(61). Душанбе: Сино, 2010. С. 380–384.

Водии Фарғона: Тамаддун ва тадайн // Паёми Суғд. Хучанд, 2010. № 10(178). С. 96–101.

Низомулмулк ва низоми ахлокии «Сиёсатнома» // Номаи ховаршиносон. (маҷмуаи мақолаҳои илмии факултаи забонҳои шарқ). Ҷ. 4. Хучанд: Нури маърифат, 2010. С. 107–119.

2011

Низомулмулк ва низоми ахлокии «Сиёсатнома» // Ҳақиқати Суғд. 2011. № 103(16847). 27 август. С. 6.

Залилӣ ва «Девон»-и ӯ // Номаи донишгоҳ. (Илмҳои ҷомеашиносӣ). Ҷ. 3(27). Хучанд: Ношир, 2011. С. 27–34.

Туркистони Шарқӣ ва адабиёти форсӣ // Ахбори ДДҲБСТ. Ҷ. 4(48). Хучанд, 2011. С. 158–164.

Низомулмулк ва низоми ахлокии «Сиёсатнома» // Раҳнаварди ҷодаи саодат. (Маҷмуаи мақолаҳо бахшида ба 60-солагии мавлуди ходими сиёсату ҷамъиятӣ А.Шарипов). Хучанд: Ношир, 2011. С. 124–134.

Залилӣ ва «Девон»-и ӯ // Тирози ҷаҳон. 2011. № 68(1937). 24 август. С. 3.

2012

Парвози уқоб ва тулуи офтоб // Машғал дар зулумоти рӯз. Хучанд: Ношир, 2012. С. 111–118.

Робитаҳои адабӣ: Низорӣ ва адабиёти форсӣ // Армуғони «Ганҷи сухан». Ҷ. 4. Хучанд: Ношир, 2012. С. 158–165.

Вуруди адаби форсу тоҷик ба сарзамини уйғур // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Ҷ. 4/1(80). Душанбе: Сино, 2012. С. 172–176.

Дар ҷустуҷӯи Хароботӣ // Паёми Донишгоҳи омӯзгорӣ. Ҷ. 4(47). Душанбе, 2012. С. 99–103.

Муноҷоту наът ва интишори он дар адабиёти уйғур // Ҳақиқати Суғд. 2012. № 128(17028). 23 октябр. С. 5; № 129(17029). 25 октябр. С. 5; № 130(17030). 27 октябр. С. 6.

Эҷоди «Хамса» дар Фарби Чин // Тирози ҷаҳон. 2012. № 91. 14 ноябр. С. 3; № 93(2066). 21 ноябр. С. 3.

Адабиёти форсӣ дар Кошғар // Тухфаи аҳбоб. (Маҷмуаи мақолаҳо бахшида ба 70-солагии номзади илмҳои филологӣ, дотсент Абдуллоҷон Мавлонов). Хучанд: Ношир, 2012. С. 162–169.

О синтезе уйгурской и персидско-таджикской литературы // Вестник Таджикского технического университета. Душанбе, 2012. №3(19). С. 140–144.

Ашъори таҳмидӣ дар Фарби Чин // Номаи донишгоҳ. (Илмҳои чомашиносӣ). Ҷ. 5(33). Хучанд: Ношир, 2012. С. 21–31.

Хароботӣ ва адабиёти ирфонии форсӣ // Фаслномаи «Поҷ». 1391 ҳ. к. №3. С. 129–136. (Ба забони форсӣ).

Инъикоси ҳаёти мардум дар фолклори Хучанд // Ашӯлаҳои мардумии Хучанд. Хучанд: Ношир, 2012. С. 197–227.

Рӯ ба сӯи маърифат // Муродии Хучандӣ. Панду ибрат. Хучанд: Ношир, 2012. С. 5–8.

Рӯ ба сӯи маърифат // Маърифати ҳуқуқӣ. 2012. №2(09). 5 октябр. С. 4.

2013

Мухаммед Зелили и уйгурско-персидская литература // Маърифати ҳуқуқӣ. 2013. №2(3). 1 феврал. С. 4; №4(15). 1 апрел. С. 3.

Хамсанависӣ дар адабиёти уйғур // Ахбори ДДХБСТ. Ҷ. 2(54). Хучанд: Ношир, 2013. С. 225–231.

Харобот ошёнӣ мурғи ҷон аст // Паёми Суғд. Хучанд, 2013. №7(211). С. 76–82.

Устои шуароӣ давлати Сомониён // Дуруди меҳр. (Маҷмуаи мақолаҳои илмӣ ба ифтихори 80-солагии профессор А. Сайфуллоев). Хучанд: Меъроҷ, 2013. С. 194–205.

Абдурраҳим Низорӣ ва идомаи ҳамсароӣ дар адабиёти уйғур // Армуғони «Ганҷи суҳан». Ҷ. 5. Хучанд: Ношир, 2013. С. 134–143.

Эрони бостон ва Туркистони Шарқӣ: Гуфтугӯи тамаддунҳо // Паёми Донишгоҳи омӯзгорӣ. Душанбе, 2013. №6(55). С. 279–283.

Таҳқиқи адабиёти форсизабон дар Фарби Чин // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Душанбе: Сино, 2013. №4/4(116). С. 181–185.

Кошғар ва водии Фарғона: Муҳоҷирати суҳанварон ва идомаи равобити адабӣ // Ўзбекистонда иҷтимоӣ-гуманитар фанларнинг долзарб муаммолари. Ҷ. 4. Тошкент, 2013. С. 53–64.

Мавсими нағмаи чанг // Ҳусни маънӣ. (Маҷмуаи мақолаҳои илмӣ ба ифтихори 70-солагии дотсент М.Файзуллоева). Хучанд: Меъроҷ, 2013. С. 192–201.

Кошғар ва Водии Фарғона: Муҳоҷирати суҳанварон ва идомаи робитаҳои адабӣ // Овози тоҷик. 2013. №77(13947). 21 сентябр. С. 3. (Рӯзномаи Ўзбекистон).

2014

Рӯ ба сӯи маърифат // Панду ибрат. Хучанд: Ношир, 2014. С. 5–7.

Олим ва омӯзгор // Иршодбахш. (Маҷмуаи мақолаҳо бахшида ба 60-солагии А. Азизов). Хучанд: Ношир, 2014. С. 6–8.

Мевлана Ҷелалиддин Румӣ ва классик уйғур эдебияти. (Мавлоно Ҷалалиддини Румӣ ва адабиёти классикии уйғур) // Айвакти. Истанбул, 2014. №148. С. 19–21. (ба забони туркӣ): www.ayvakti.net

Согдийцы и китайская цивилизация // Вестник ТГУПБП. Худжанд, 2014. №1(57). С. 294–299.

Мевлана Челалиддин Румий ва классик уйгур эдебияти. (Мавлоно Чалолиддини Румӣ ва адабиёти классикии уйгур) // Карделен. Истанбул, 2014. № 79. С. 24–25. (ба забони туркӣ).

Аттори Нишопурӣ ва Юсуфи Хутанӣ // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Душанбе: Сино, 2014. № 4/2(133). С. 192–196.

К вопросу распространения исламской культуры в Китае в эпоху средневековья // Вестник Таджикского технического университета. Душанбе, 2014. № 2(26). С. 102–108.

Саъдуддини Кошғарӣ ва Абдурахмони Ҷомӣ // Робитаҳои адабӣ ва фарҳанги Шарқ. (Маҷмуаи мақолаҳо ба муносибати 50-солагии зодрузи доктори илмҳои филологӣ, профессор У. Фаффорова). Хучанд: Ношир, 2014. С. 405–409.

Саъдуддини Кошғарӣ ва Абдурахмони Ҷомӣ // Паёми Суғд. Хучанд, 2014. № 5(221). С. 92–96.

Распространение персидско-таджикской литературы среди тюркоязычных народов // Вестник таджикского национального университета. № 4/3 (137). Душанбе: Сино, 2014. С. 183–187.

Мухаммед Зелили и уйгурско-персидская литература // Ирано-Славика. М., 2014. № 1–2(25). С. 28–29.

Пири тариқати Мавлоно Ҷомӣ // Абдурахмони Ҷомӣ ва масоили рушди фарҳангсоярӣ дар тамаддуни Шарқ. (Маҷмуаи мақолаҳои конференсияи илмӣ-назариявӣ ҷумҳуриявӣ). Хучанд: Ношир, 2014. С. 228–234.

Пешгуфтори мураттиб // Боғи зиндагонӣ. Хучанд, Ношир, 2014. С. 3–4.

Рафтию меҳрат ба қалбам моҳи тобони ман аст // Боғи зиндагонӣ. (Меҳрномаҳо бахшида ба ҷашни 90-солагии донишманд ва шарқшиноси тоҷик, шоир ва профессор, иштирокчии ҶБВ, шахрванди фаҳрии Хучанд, устод Муродии Хучандӣ). Хучанд, Ношир, 2014. С. 182–191.

Нақшбандия ва хузури Ҷомӣ дар Фарби Чин // Маводи ҳамоиши байналмилалӣ «Ҷойгоҳи Мавлоно Абдурахмони Ҷомӣ дар муқолаҳои фарҳангӣ» (Хучанд, 3–4 ноябри соли 2014). Хучанд: Нури маърифат, 2014. С. 296–304.

Ваҳайн ва ҷойгоҳи он дар шеъри классикии уйгур // Номаи ховаршиносон. (Маҷмуаи мақолаҳои илмӣ факултаи забонҳои шарқ). Хучанд: Нури маърифат, 2014. № 7. С. 62–74.

Влияние и распространение персидско-таджикской литературы в странах Азии и Ближнего Востока // Вестник ТГУПБП. Худжанд: Ношир, 2014. № 3(59). С. 236–243.

Азизи халқ // Қорӣ Наимҷони Хучандӣ. Нидои дил. Хучанд: Ношир, 2014. С. 7–9.

Булбулосо гаштай // Нидои дил. Хучанд: Ношир, 2014. С. 10–12.

Туркистони Шарқӣ – минтақаи интишори забон ва адабиёти тоҷикӣ форсӣ // Тирози ҷаҳон. 2014. № 71(2252). 3 сентябр. С. 3.

2015

Ҳусайн Воизи Сонӣ // Маҳбуб-ул-қулуб. Хучанд: Ношир, 2015. С. 143–148.

Саъйи орифона // Маҳбуб-ул-қулуб. Хучанд: Ношир, 2015. С. 260–264.

Таҷассумгари фарҳангу фарзонагӣ // Хуршедсиришт. (Маҷмуи хотирот бахшида ба 60-солагии мавлуди Ш.Акрамов). Хучанд: Ношир, 2015. С. 67–71.

Уйғурҳо – муҳиббони забон ва адабиёти форсӣ тоҷикӣ // Усмонҷон Фаффоров – устод, олим, адиб ва ходими ҷамъиятӣ. Хучанд: Ношир, 2015. С. 350–356.

Тарҷумаи ғазалҳои Ҳофиз ва истиқболи соқиномаҳо дар адабиёти уйғур // Номаи ховаршиносон. (Маҷмуаи мақолаҳои илмӣ факултети забонҳои шарқ). Хучанд: Нури маърифат, 2015. №9. С. 45–54.

Махсусияти сабки суҳанварони уйғур ва қорбурди вожаҳои форсӣ-арабӣ дар осори онҳо // Ховаршинос. (Маҷмуаи мақолаҳо бахшида ба 60-солагии забоншинос Н.Ғиёсов). Хучанд: Ношир, 2015. С. 468–477.

Тарҷумаи «Маснави маънавӣ» дар Ғарби Чин // Тирози ҷаҳон. 2015. №77(2364). 30 сентябр. С. 2–3.

2016

Истиқболи «Хамса»-и Навоӣ дар адабиёти уйғур // Амир Алишери Навоӣ ва адабиёти тоҷик. (Маводи ҳамоши баённамалалӣ бахшида ба 575-солагии Амир Алишери Навоӣ. Хучанд, 15–16 апрели соли 2016). Хучанд: Маънавият, 2016. С. 73–82.

Заминаҳои таърихӣ нуфузи фарҳанги форсӣ дар Ғарби Чин // Камоли Хучандӣ. Хучанд: Ношир, 2016. №1(5). С. 68–76.

Адабиёти тасаввуф дар Туркистони Шарқӣ // Паёми Суғд. Хучанд, 2016. №4(244). С. 74–82.

Вежагиҳои вурӯди анъанаҳои адабиёти форсу тоҷик ба адабиёти уйғур // Адаб. Душанбе, 2016. №4(40). С. 23–38.

Зулайхобегим ва Ҳофизи Шерозӣ // Тирози ҷаҳон. 2016. №86(2476). 29 октябр. С. 3.

Маърифати салим // Муршидони маҳбӯб. Хучанд: Ношир, 2016. С. 199–200.

2017

Алишер Навоӣ «Хамса»си ва уйғур адабиёти // Ўзбек тили ва адабиёти. Тошкент, 2017. №6. С. 55–60.

Тафсинома ба адабиёти миллӣ // Омӯзгор. 2017. №23(12091). 8 июн. С. 15. (дар ҳаммуаллифӣ бо Н. Ҳамробоев, Ш. Шоқирзода).

Шамси саодат // Ҷаҳони ҷовидон. Хучанд: Ношир, 2017. С. 5–52.

2018

Баҳори орзу // Саодатёр. Хучанд: Ношир, 2018. С. 5–96.

Асрори хитобаҳои Ҳусайни Сонӣ // Ҳақиқати Суғд. 2018. №68(17905). 9 июн.

Важный источник по изучению персоязычных народов // «Девону луғоти-т-турк» – туркий халқларнинг ноёб ёзма ёдгорлиги мавзудаги халқаро илмий анжуман материаллари. 20 декабр. Тошкент, 2018. С. 45–49

Эҷодиёти даҳонии халқ дар Хучанд // Паёми ДОТ. Душанбе, 2018.

Аз Водии Фарғона то деворҳои Чин. Армуғони «Ганчи суҳан». Ҷ.6. Хучанд: Нури маърифат, 2018. С. 189–205.

Такчароғи шаҳри реъёҳо // Сафинаи суҳан. Хучанд: Нури маърифат, 2018. С. 271–275. (дар ҳаммуаллифӣ бо Б.Мирсаидов).

Тафсинома ба адабиёти миллӣ // Сафинаи суҳан. Хучанд: Нури маърифат, 2018. С. 340–343. (дар ҳаммуаллифӣ бо Н. Ҳамробоев, М. Шоқирзода).

2019

Особенности историческо-литературных взаимосвязей уйгуров с ирано-китайской цивилизацией // Вестник ТНУ. Душанбе, 2019. №1. С. 150–158.

Волотару донотар // Мазҳари садоқат. Хучанд: Ношир, 2019. С. 197–199.

Сайри «Хамса»-и Навоӣ дар Туркистони Шарқӣ // Ҳамкории иқтисодӣ-иҷтимоӣ ва фарҳангии Тоҷикистону Ўзбекистон: Таърих ва замони муосир. (Маводи конференсияи байналмилалӣ илмӣ-амалӣ. Хучанд, 21–22-юми июни соли 2019). Хучанд: Нури маърифат, 2019. С. 403–408.

2020

Диле, к-аз хирад гардад ораста... // Паёми меҳр. (Бахшида ба 70-солагии профессор С. Неъматов). Душанбе, 2020. С. 109–111.

Персидско-таджикские литературные традиции в Восточном Туркестане // Адабиёт-шуносликнинг долзарб масалалари. (Конференсияи илмӣ байналхалқӣ. 16–19 сентябр). Тошкент: Тафаккур, 2020. С. 93–97.

Западный Китай и персидско-таджикская литература // Паёми ДОТ. Душанбе, 2020. №4. С. 145–153.

Хусусиятҳои фолклори Хучанд дар асри XX // Паёми ДОТ. Душанбе, 2020. №5. С. 222–230.

Зулайхобегим ва Ҳофизӣ Шерозӣ // Паёми ДМТ. Душанбе, 2020. №5. С. 87–94.

Таджикистан и Китай: Историко-культурные взаимосвязи // Научный вебинар. Худжанд-Циндао. 2020. 17 декабр.

2021

Дарахти ҷовидон // Бо кӯлбори нур. Хучанд: Ношир, 2021. С. 154–158.

Маърифати салим // Бо кӯлбори нур. Хучанд: Ношир, 2021. С. 288–289.

2022

Килки Ҳофиз шакарин меванаботест ба Чин // Армуғони «Ганчи суҳан». Ҷ. 7. Хучанд: Ношир, 2022. С. 167–180.

Пайғоми дӯст // Охунов Н. Нури зиндагӣ. Хучанд: Ношир, 2022. С. 396–399.

Алишер Навоӣнинг Ғарбӣи Хитойдаги издошлари // Алишер Навоӣ ва XXI аср. (Халқаро илмӣ-назарӣ анҷуман. Тошкент, 5 феврал, 2022). Тошкент, 2022. С. 325–330.

Алишер Навоӣнинг уйғур адабиётидаги издошлари // Алишер Навоӣ адабӣи ва илмӣи меросини ўрганиш масалалари, №67. (Халқаро конференция материаллари). Тошкент, 2022. С. 24–30.

Ўзбек ва уйғур адабӣи алоқалари тарихидан // Филология таълими масалалари: Муаммо ва унинг инноватсион ечимлари. (Халқаро илмӣ-амалӣ анҷуман). Фарғона, 2022. С. 282–287.

2023

Аз Кошғар то Ҳирот: Муваддати адабӣ // Номаи ховаршиносон. Хучанд: Ношир, 2023. №16. С. 189–196.

Инҳо ғанимат будааст... // Неъматзода С. Азизи Худо. (Ба ифтихори 70-солагӣ ва ёдбуди ходими намоёни давлатӣ ва ҷамъиятӣ Д.Ҷабборов). Хучанд: Ношир, 2023. С. 132–135.

Фарҳанги умумиэронӣ ва тамаддуни Чин // Маводи конференсияи байналмилалӣ илмӣ-назариявӣ «Масъалаҳои мубрами суҳаншиносӣ дар ҳавзаҳои илмӣ ва адабии Осиёи Марказӣ». (Бахшида ба 70-солагии профессор Абдулманнони Насриддин). Хучанд, 2023. С. 644–652.

Уйғури и ирано-китаяская цивилизация // *Studia Humanitatis*. 2023. № 1.

2024

Сайри Чину Кошғар дар адабиёти форсӣ // Муаммоҳои илму фан аз нигоҳи муҳаққиқон. (Конференсияи илмӣ байналмилалӣ). Маҷаллаи байналхалқии «Interpretation and researches». Тошкент, 2024.

«Диван лугат-ат-турк» и «Кутадгу билиг»: Воплощение влияния персидско-таджикской литературы в Восточном Туркестане // *Ўзбек мумтози адабиётини ӯрганишда янгича ёндашувлар*. (Конференсияи илмӣ). Тошкент, 2024.

Бонуи илм ва нодираи замон // Ситораи олами ховаршиносӣ. (Маҷмуаи мақолаҳо, меҳнома ва мусоҳибаҳо ба муносибати 60-солагии зодрузи доктори илмҳои филологӣ, профессор Умеда Ғаффорова). Хучанд: Ношир, 2024. С. 155–159.

Навоийнинг уйғур адабиётдаги издошлари // *Ҷаҳон навийшинунослиги: Кеча ва бугун*. (Конференсияи илмӣ-амалии байналхалқӣ). Тошкент, 2024.

«Хусрав и Ширин» – палитра человеческих чувств // Низами и Навои: имен связующее величие. (Материалы Московского форума, посвященного памяти Низами Гянджави и Алишера Навои). М.: Канон-плюс, 2024. С. 278–282. (в соавт. с Ш. Акрамовым).

Истикболи тасаввуф дар Ғарби Чин // Ховаршиносии муосир ва дурнамои рушди он: Масоили забоншиносӣ, матншиносӣ ва робитаҳои адабӣ. (маводи конференсияи байналмилалӣ илмӣ-назариявӣ. 28–29-уми октябри соли 2024). Хучанд: Хурсон, 2024. С. 528–535.

Джами, Кашғари и Навои – корифеи шарқии адабиёт ва адабиётшиносӣ // Масъалаҳои мубрами филология: Ҳадаф ва дурнамо. (маводи конференсияи байналмилалӣ илмӣ-амалӣ. 19–20 декабр, 2024). Хучанд: Кова, 2024. С. 383–390.

Саъйи орифона // *Ҷавҳари назму насри Мӯсозода*. Хучанд: Ношир, 2024. С. 53–56.

Асрори хитобаҳои Хусайни Сонӣ // *Ҷавҳари назму насри Мӯсозода*. Хучанд: Ношир, 2024. С. 364–370.

2025

Литература приближения наций // *Вестник ТНУ*. Душанбе, 2025. № 8. С. 239–247.

Авторы-составители:

Баходурдҷон Пулотович Ашрапов,

канд. филол. наук

доцент

факультет восточных языков

Худжандский государственный университет
имени академика Бободжона Гафурова

Bahodurjon P. Ashrapov,

PhD

Associate Professor

Faculty of Oriental Languages

Khujand State University named
after academician Bobojon Gafurov

bahodur.ashrapov@mail.ru

Нилуфархон Муроди,

преподаватель

Nilufarkhon Murodi,

Lecturer

факультет восточных языков

Худжандский государственный университет
имени академика Бободжона Гафурова

Faculty of Oriental Languages

Khujand State University named
after academician Bobojon Gafurov

murodi.nilufarkhon97@mail.ru

Библиографии

Bibliography

В.А. Воропаев (Москва, Россия)

**Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем
на русском языке (1928–2024): Дополнения**

V.A. Voropaev (Moscow, Russia)

**The Bibliography of N.V. Gogol's Works and Literature about Him
in Russian (1928–2024): Supplement**

1928

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Гоголь Н.В. Вий. Коляска: [повести] / Вступ. статья И. Машбиц-Верова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 91, [4] с. – (Дешевая библиотека классиков).

Загл. вступ. статьи: «Значение гоголевского юмора». С. 3–8.

1958

ЛИТЕРАТУРА

Баранов В.И. Повесть Н.В. Гоголя «Коляска» // Ученые записки Горьковского гос. ун-та. Горький, 1958. Вып. 48. Серия филологическая. С. 45–57.

1976

ЛИТЕРАТУРА

Семенов Р.А. Стиль Гоголя в повести «Коляска» // Русская литература. Л., 1976. №3. С. 74–82.

1987

ЛИТЕРАТУРА

Золотусский И.П. «Мастерская шутка» // Золотусский И.П. Поэзия прозы: статьи о Гоголе. М.: Советский писатель, 1987. С. 165–180.

1997

ЛИТЕРАТУРА

Зингерман Б. Образ русской провинции в творчестве Гоголя. (Цитаты и комментарии) // Мир русской провинции и провинциальная культура / Гос. ин-т искусствознания; отв. ред. Г.Ю. Стернин. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 6–35.

Золотусский И.П. «Мастерская шутка» // Золотусский И.П. Поэзия прозы: статьи о Гоголе. М.: Советский писатель, 1987. С. 165–180.

[«Коляска» Гоголя.]

2003

ЛИТЕРАТУРА

Венедиктова Т. Писатель как герой литературного мифа: Ирвинг и Гоголь // Популярная литература: Опыт культ. мифотворчества в Америке и в России: Материалы V Фулбрайтовской гуманитарной летней школы / Под ред. Т.Д. Венедиктовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 123–133.

Дмитренко С. Куда едет «Коляска»? // Литература. М., 2003. 1–7 апр. № 13. С. 2–3.

2009

ЛИТЕРАТУРА

Домашневa В.С. Пространственная организация «провинциального текста» (повести «Коляска» и «Иван Федорович Шпонька и его тетушка») // Н.В. Гоголь как герменевтическая проблема: К 200-летию со дня рождения писателя. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. С. 199–208.

2015

ЛИТЕРАТУРА

Чуйков П.Л. «Я даже далеко ушел от Гоголя» (Ф.М. Достоевский о Н.В. Гоголе в письмах к брату) // Русская речь. М., 2015. № 2. С. 50–53.

2020

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов И.А. Итальянское эссе Н.В. Гоголя // Русская литература в российско-итальянском диалоге XXI в.: критика текста, поэтика, переводы / отв. ред. М.И. Щербакова, Дж. Гини. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 76–96.

Виноградов И.А. Эволюция текста: авторский комментарий Н.В. Гоголя к поэтике комедии «Ревизор» // Проблемы исторической поэтики. Т. 18. № 1. С. 146–174 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1582891918.pdf (29.01.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7202 (b) 2020. Т. 18. № 1. С. 146–174 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1582891918.pdf (29.01.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7202

Сугай Л.А. Тема «Пушкин и Гоголь» в литературно-критических интерпретациях XIX и начала XX века // Русская культура в современном мире (филология, культурология,

транслатология) – 2: сб. научных докладов Второй международной научной конференции. (Банска Быстрица, 14–15 февраля 2019 г.) / Под ред. Л.А. Сугай. Banská Bystrica: Občianske združenie Rossija; Signis.sk, 2020. С. 5–26.

[Сопоставляются литературно-критические и мифопоэтические интерпретации темы «Пушкин и Гоголь» в XIX и начале XX в. Главное внимание уделяется оценкам, трактовкам и концептам представителей модернистского направления, которые активно выступали за пересмотр взглядов на классическое наследие великих русских писателей и их взаимоотношения. Автор характеризует мифотворчество символистов и созданные ими образы-символы Пушкина и Гоголя, а также влияние взглядов символистов на академическую критику и авторов Русского зарубежья.]

2022

ЛИТЕРАТУРА

Богданова О.В., Власова Е.А. «Анатомия личности» Гоголя в повествовании Абрама Терца «В тени Гоголя» // Вестник Томского гос. ун-та. Томск, 2022. №483. С. 5–15.

Падерина Е.Г. «Коляска» Гоголя: проблемы критики текста с пародийным авторским заданием // Вопросы источниковедения и текстологии русской литературы XIX века: сб. статей по материалам международной научной конференции (Москва, 17–18 октября 2019 г.). М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 91–126.

Прекраснейшей: сб. памяти Елены Душечкиной / Сост. А.К. Байбурин, Е.А. Белоусова, С.К. Кульюс, С.Г. Маслинская, Н.Г. Охотин, А.В. Пигин; отв. ред. Е.А. Белоусова. СПб.: Нестор-История, 2022. 808 с.: ил.

Раздел 2: Из истории русской словесности XIX века

Из содерж.:

Михед П. Об украиноязычном письме Николая Гоголя в контексте украинско-польского культурного диалога. С. 98–107. DOI: 10.31754/4469-2068-6.11

Гольденберг А. Святочный хронотоп в системе гоголевских универсалий. С. 440–445. DOI: 10.31754/4469-2068-6.48

Сунь Вэньцзюнь. К проблеме сравнительного изучения ранней прозы Н.В. Гоголя и новелл Пу Сунлина // Мир русскоговорящих стран: научный журнал / Ярославский гос. педагогический университет им. К.Д. Ушинского [Электронное издание]. Ярославль, 2022. №2. С. 73–88.

Ютяева А.В. Интерпретация повести «Коляска» Н.В. Гоголя в либретто одноименной камерной оперы А.Н. Холминова // Художественные традиции Сибири: Материалы IV международной конференции (Красноярск, 11–12 ноября 2021 г.) / Сибирский гос институт искусств им. Дмитрия Хворостовского(СГИИ). Красноярск: СГИИ им. Дм. Хворостовского, 2022. С. 138–145.

Шмаргалова К.А. К вопросу об анекдотической основе повести Н.В. Гоголя «Коляска» // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сб. материалов IX (XXIII) международной научно-практической конференции молодых ученых (Томск, 14–16 апреля 2022 г.). Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2022. Вып. 23. С.338–341.

2023

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Волшебные повести // Путеводная звезда: школьное чтение. М., 2023. №1(319). С. 2–24; 41–65.

Воропаев В.А. «...Он не однажды был поэтом». С. 1–2.

[Содерж.: Майская ночь, или Утопленница, Пропавшая грамота, Страшная месть, Заколдованное место.]

ЛИТЕРАТУРА

Завьялова Е.Е. Элитологические конструкты в цикле Н.В. Гоголя «Миргород» // Вопросы элитологии: The elitology issues: [философия, культура, политика: ежегодный альманах Астраханского элитологического сообщества]. Астрахань, 2023. Т. 4. № 2. С. 86–104. DOI: 10.46539/elit.v4i2.152

[Анализ мотивного комплекса «элитарность» в «Миргороде» Гоголя.]

Иртенина Н.В. Гоголь-Яновские: дополнительные материалы к родословию Н.В. Гоголя // Вестник Московского гос. ун-та технологий и управления им. К.Г. Разумовского (МГУТУ). Серия общественных наук. М., 2024. № 4. С. 21–38.

<https://vestnikon-mgutm.ru/wp-content/uploads/2024/11/1-to-print-21-38-Иртенина.pdf>

Иртенина Н.В. Новые лица в родословии Н.В. Гоголя: Косяровские, Шостаки, Щербачи: генеалогическое исследование // Историческое обозрение: ежегодный альманах / Историко-просветительское общество «Радетель». Вып. 25. М., 2024. С. 33–48.

<https://vestnikon-mgutm.ru/wp-content/uploads/2024/11/1-to-print-21-38-Иртенина.pdf>

Калмыкова Д.А. Структура лексико-семантического поля «застолье» в произведениях Н.В. Гоголя // Новые горизонты русистики / Донецкий гос. ун-т. Донецк, 2023. № 3(21). С. 46–51.

[Традиции застолья в художественных произведениях Гоголя.]

Кахерская С.А. Философские произведения Н.В. Гоголя и их отражения в современной России // Гуманитарная Россия: герменевтика науки и литературно-философская критика XVIII–XXI вв.: Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых (Белгород, 13–15 апреля 2023 г.) / Белгородский гос. национальный исследовательский ун-т, Институт философии РАН. Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН [и др.]; отв. ред. М.В. Новак. Белгород, 2023. С. 94–96.

[На примере поэмы Гоголя «Мертвые души».]

Кукса П.В. Роль предметной детали в творчестве Н.В. Гоголя // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. М., 2023. № 1-1. С. 151–156. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.1.24

Меладина Ю.В. Тема старообрядчества в творчестве Н.В. Гоголя и В.А. Шарова // Технологос / Пермский национальный исследовательский политехнический ун-т. Пермь, 2023. № 1. С. 93–100. DOI: 10.15593/perm.kipf/2023.1.07

[На примере замысла продолжения поэмы Гоголя «Мертвые души» и романа В.А. Шарова «Возвращение в Египет».]

Мыслина Ю.Н. Имманентный метод Ю.И. Айхенвальда в современной русской прозе и эссеистике: трансформации образа Гоголя // Палимпсест: литературоведческий журнал / Национальный исследовательский Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород, 2023. № 3(19). С. 83–98.

2024

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов И.А. Гоголевская энциклопедия. Произведения, наброски, подготовительные материалы. В 7 т. М.: ИМЛИ РАН, Река времен, 2024. Т. 1: А–Ж. 1024 с. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0749-6>

Виноградов И.А. Заметки Н.В. Гоголя «К 1-й части» «Мертвых душ»: проблемы поэтики и текстологии // Проблемы исторической поэтики / Петрозаводский гос. ун-т. Петрозаводск, 2024. Т. 22. № 2. С. 50–87. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2024.13843>

Виноградов И.А. Неизданная статья историка-медиевиста В.Т. Сиротенко о Гоголе // Литературный факт. 2024. № 2(32). С. 362–378.

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-362-378>

Виноградов И.А. Немецкая луна Поприщина. Повесть Гоголя «Записки сумасшедшего» и современность // Русская народная линия. СПб., 2024.06.20 (www.ruskline.ru). https://ruskline.ru/analitika/2024/06/20/nemeckaya_luna_popriwina

[См. также: Виноградов И.А. «Романтик» Поприщин: История замысла повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего». Часть 1 // Stephanos. 2024. № 3(65). С. 34–70. <https://doi.org/10.24249/2309-9917-2024-65-3-34-70>].

[Исследование является продолжением работы «Немецкий романтизм и XX век: к истокам фашизма. Художественное предвидение Гоголя».]

Виноградов И.А. Перевоплощения Гоголя // Проблемы исторической поэтики / Петрозаводский гос. ун-т. Петрозаводск, 2024. Т. 22. № 3. С. 45–74. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2024.14042>

[Рассмотрена одна из кардинальных черт гоголевского наследия, придающая произведениям писателя их главную особенность – ощущение подлинно «живой жизни». Максимальная реалистичность художественной прозы Гоголя обуславливается его способностью к глубокому образному, синкретическому мышлению. На основании многочисленных свидетельств доказывается, что успех у читателей и зрителей десятков «ролей», которые воссоздал и «сыграл» Гоголь в своих сценических и литературных героях, заключается в его исключительном даровании к творческому перевоплощению, а также в предельной исповедальности, которые вместе составляют уникальное свойство его гения. Наследие Гоголя раздвигает рамки традиционных представлений о перевоплощении, которое нередко считается принадлежностью исключительно актерского мастерства. В гоголевском контексте это понятие охватывает многочисленные сферы творчества и распространяется даже на выбор человеком самого призвания в жизни – определения той «роли», с которой он входит в общую культуру. Разнообразные самоопределения Гоголя проявляются в первоначальном выборе им жизненного пути, когда в 1820х – начале 1830-х гг. он «примерял» на себя последовательно профессии юриста, художника, историка, географа и др. Одной из сфер приложения талантов представлялась ему тогда и театральная сцена. Творческие «вхождения в образ» потребовались в дальнейшем для художественной и преподавательской деятельности Гоголя – литературных занятий и исторических штудий, из которых последние тоже предполагают «актерское» перевоплощение – мышление и действие «за» императоров, королей, халифов, гетманов и других лиц мировой истории. Широкий круг приложения многообразных способностей и глубокая укорененность Гоголя в общехристианском символизме, традиции которого он впитал с юности в семье и школе, с закономерностью обусловили реалистический, глубоко осознанный характер его творчества.]

Виноградов И.А. «Ревизор» Гоголя как комедия-трагедия: к проблеме жанра // Два века русской классики: научный филологический журнал / Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Т. 6. № 1. С. 74–101. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-1-74-101>

Виноградов И.А. «Романтик» Поприщин: История замысла повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего». Часть 2 // Stephanos. М., 2024. № 4(66). С. 40–75.

<https://doi.org/10.24249/2309-9917-2024-66-4-40-75>

Виноградов И.А. Семейные «паспорта» комедии Н.В. Гоголя «Женитьба» // Русская речь. М., 2024. № 5. Сент.-окт. С. 61–71.

<https://doi.org/10.31857/S0131611724050054>

Воропаев В.А. Русское зарубежье о Гоголе: К 215-летию со дня рождения писателя // К единству! журнал Международного Фонда духовного единства народов. М., 2024. Июль-авг. № 4(157). С. 37–39. <https://disk.yandex.ru/i/S99fZX-OEtm9uA>

Гуминский В.М. Жизнь и творчество Н.В. Гоголя в контексте христианской традиции. М.: Изд-во «Индрик», 2024. 496 с.

ISBN 978-5-60-50414-3-6

Содерж.:

Путь писателя. С. 7–75.

«Тарас Бульба» в «Миргороде» и «Арабесках». С. 76–94.

Гоголь и Малороссия. С. 95–108.

«Старосветские помещики»: история и проблематика (опыт монографического исследования). С. 109–198.

Русская «Одиссея» и русский Гомер. С. 199–252.

К проблеме «Гоголь и исихазм». С. 253–285.

Гоголь на Святой Земле. С. 286–353.

Гоголь: освоение пространства (Италия и Россия). С. 354–367.

Гоголь и славянофилы: к проблеме самобытного развития русской литературы. С. 368–376.

Гоголь и И.В. Киреевский. С. 377–386.

Свое и чужое в русских путешествиях: к спорам западников и славянофилов. С. 386–403.

Гоголь и русская интеллигенция:

к постановке проблемы. С. 404–415.

О некоторых сюжетах и образах «Выбранных мест...». С. 416–429.

Умирание искусства: Пушкин и Гоголь. С. 430–483.

[Указ. имен. С. 484.]

Дмитриева Е.Е. Диалог Н.В. Гоголя с современниками, или Как совместить идеал гуманизма и аскетизма // Русская литература. СПб., 2024. №4. С. 242–244.

[Рец. на кн.: *Анненкова Е.И.* О Гоголе в историко-литературном контексте. СПб.: Росток, 2023. 536 с.]

Иртенина Н.В. Гоголь-Яновские: дополнительные материалы к родословию Н.В. Гоголя // Вестник Московского гос. ун-та технологий и управления им. К.Г. Разумовского (МГУТУ). Серия общественных наук. М., 2024. №4. С. 21–38.

<https://vestnikon-mgutm.ru/wp-content/uploads/2024/11/1-to-print-21-38-Иртенина.pdf>

Иртенина Н.В. Новые лица в родословии Н.В. Гоголя: Косяровские, Шостаки, Щербачки: генеалогическое исследование // Историческое обозрение: ежегодный альманах / Историко-просветительское общество «Радетель». М., 2024. Вып. 25. С. 33–48.

<https://vestnikon-mgutm.ru/wp-content/uploads/2024/11/1-to-print-21-38-Иртенина.pdf>

Сизова И.И. Статья Л.Н. Толстого «О Гоголе» (1887–1888) в контексте деятельности издательства «Посредник» // Неевклидова геометрия Юрия Манна: памяти ученого / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М., 2024. С. 208–225.

DOI: 10.22455/978-5-9208-0754-0-208-225

[Историко-литературный контекст статьи Л.Н. Толстого «О Гоголе» 1887–1888 гг. в соотношении с деятельностью издательства «Посредник». Обосновывается единство мировоззрения, идейно-ценностных ориентиров Толстого-редактора и авторского коллектива «Посредника», проявившееся при подготовке к печати брошюры, посвященной жизни и творчеству Гоголя. Впервые вводятся в научный оборот материалы из книги «Николай Васильевич Гоголь как учитель жизни» (1888), которая была составлена сотрудником «Посредника» А.И. Орловым и тщательно отредактирована Толстым. В статье проводится мысль о том, что истолкование в брошюре «Посредника» и в предисловии к ней Толстого творческих достижений Гоголя-художника, религиозно-философского и эстетического поиска писателя, его дискуссии с критиком В.Г. Белинским после выхода «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1845–1847) прежде всего отражало сложный путь.]

Сунь Вэньцзюнь. Мотив праздника и народная демонология в ранней прозе Н.В. Гоголя и новеллах Пу Сунлина // Мир науки, культуры, образования: международный научный журнал. Горно-Алтайск, 2024. №3. С. 434–437.

Сунь Вэньцзюнь. Онейрические мотивы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и «Рассказах Ляо Чжяя о необычайном» Пу Сунлина: сон как путешествие // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. Гуманитарные науки. М., 2024. Вып. 7. С. 153–158.

Сунь Вэньцзюнь. Реальные и ирреальные персонажи в ранней прозе Н. В. Гоголя и новеллах Пу Сунлина (сопоставительный аспект описания) // Вестник Пятигорского гос. ун-та. Пятигорск, 2024. № 3. С. 57–61.

Сунь Вэньцзюнь. Фантастика и народная демонология в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя Пограничный хронотоп в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и «Рассказах Ляо Чжяя о необычайном» Пу Сунлина // Отечественная филология / Гос. ун-т просвещения. М., 2024. № 2. С. 20–28.

Ужанков А.Н. Учение о прилоге как духовная основа образа Андрия в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Новый филологический вестник / Российский гос. гуманитарный ун-т (РГГУ). М., 2024. № 1(68). С. 79–94.

Besprozvanu V. Смысловое строение повести Н.В. Гоголя «Коляска» // Russian Literature. 2012. Vol. 71. Issue 1. P. 19–34.

Hulanicki L. «The Carriage» by N.V. Gogol // Russian Literature. 1975. № 12. P. 61–78.

Сведения об авторе-составителе:

Владимир Алексеевич Воропаев,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vladimir A. Voropaev,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
voropaevvl@bk.ru

М.М. Громова (Москва, Россия)

О Лидии Чарской. Библиография (к 150-летию со дня рождения). Часть 2

М.М. Gromova (Moscow, Russia)

About Lydia Charskaya. Bibliography (on the 150th anniversary of her birth). Part 2

1907

В.Я. Детские книги // Россия. 1907. № 641. 25 декабря (7 января 1908). С. 7.

«Среди русской детской литературы, кажется, особой симпатией юных читателей пользуются рассказы молодой писательницы Л.А. Чарской, недавно еще вступившей на литературное поприще. В течение нескольких лет дети увлекались печатавшимися в “Задуманном Слове” – “Записками маленькой гимназистки”, “Записками Сиротки”, “Тасиным горем”, „Лизочкиным счастьем” и повестями из детской жизни, вышедшими отдельными изданиями с многочисленными иллюстрациями, – “Княжна Джаавха(sic!)”, “Записки институтки”, “Люда Влассовская” и т. д. Особенно увлекаются рассказами Чарской маленькие читательницы, потому что, как видно уже из названия, героинями повестей являются русские девочки, они испытывают удивительные приключения, им приходится страдать, подвергаться гонениям и преследованиям, но, благодаря твердости и стойкости характера и правдивости, героини, в конце концов, выходят победительницами из всех испытаний.

“Вторая Нина” (изд. т-ва М.О. Вольф, 309 стр. Ц. 3 р., с многими иллюстрациями худ. Симанова), названа потому “второй”, что первой Ниной оказывается княжна Джаваха в романе того же имени. Нина живет на Кавказе, в Горийском уезде, у своего приемного отца, командира казачьего отряда. Воспитанная в горах, среди постоянных опасностей Нина прекрасно ездит верхом и самостоятельно делает далекие поездки. Во время грозы она с конем падает в пропасть, но ее спасает молодой разбойник Керим, который, оказывается, не душегубом, а с некоторыми благородными чертами. Далее идет ряд приключений, Нина уезжает к своим родным татарам в глухой аул, попадает к колдунье-предсказательнице, затем под попеченье старой княгини Джавахи, которая живет в горах, в полуразвалившемся имении, похожем на крепость и т. д.

Вторая часть книги описывает жизнь Нины уже в институте, среди подруг, где уже нет прежних опасностей и приключений и передаются довольно реально различные характеры институток и их повседневная жизнь.

У Л.А. Чарской очень образный, красивый стиль; сцены на Кавказе по яркости красок и увлекательности напоминают некоторые рассказы Марлинского. Талант Чарской кажется сияющим теплым лучом среди хмурых монотонных аккордов русской современной беллетристики».

Газават. Тридцать лет борьбы горцев за свободу. Повесть Л. Чарской, изд. Вольфа, с рис. Спб. 1905 г. 310 стр. Ц. 2 р. 75 к. // Соболев М.В. Справочная книжка по

чтению детей всех возрастов (Книги и журналы с 1870 по 1906 год). 2-е изд., доп. СПб.: т-во А.Ф. Маркса, [1907]. С. 315.

«Описание борьбы Шамиля с русскими войсками. Судьба его сына, бывшего заложником у русских и успевшего полюбить Россию. Приключения молодого русского офицера, безумного храбреца. Одоб. уч. ком. Мин. н. пр.»

Записки институтки. Повесть Л. Чарской, 9-е изд. Вольфа, с 83 рис. СПб. 1905 (1902) г. 286 стр. Ц. 2 р. 25 к. // Соболев М.В. Справочная книжка по чтению детей всех возрастов (Книги и журналы с 1870 по 1906 год). 2-е изд., доп. СПб.: т-во А.Ф. Маркса, [1907]. С. 131.

«Первый год институтской жизни в младшем классе и горячая дружба с молодой кавказской княжной Джавахой, умершей во время экзаменов от чахотки, к великому огорчению отца и подруг. Одоб. уч. ком. Мин. н. пр.»

Ю.С. Книги для детей // Новое время. 1907. № 11413. 19 дек. (1 янв. 1908). С. 9–11.

«Вторую группу произведений составляют те, которых авторы обнаруживают склонность к условной красивости, на оперный, так сказать, манер. К числу писательниц этого рода относятся главным образом г-жа Л.А. Чарская. Рассказы ее не лишены своего рода занимательности и, как видно из писем в “милую редакцию” “Задушевного Слова”, пользуются успехом среди юных читательниц. Тем не менее приходится признаться, что в такого рода произведениях если не все, то по крайней мере очень многое звучит до чрезвычайности фальшиво. Во “Второй Нине” мы находим, например, изображение Керима, главы разбойничьих шаек на Кавказе, которое было бы извинительно для пятнадцатилетней институтки, впервые вкушающей сладость сочинительства, но кажется странным, когда выходит из-под пера писательницы, справлявшей уже, кажется, какой-то юбилей. Этот разбойник, грабящий “только тех, кто нажил себе богатство ценою крови и обмана”, у которого “чудно-сверкающие, гордые и прекрасные, как исполнинские бриллианты”, глаза, – для нас, знающих теперь слишком хорошо, что представляют собою в действительности эти романические кавказские головорезы, является просто-напросто манекеном. За бурными кавказскими похождениями “Второй Нины” следует, в виде исправительной для нее инстанции, неизбежный институт, где большая часть горестей героини происходит вследствие дурного к ней отношения одной из подруг, Лидии Рамзай – “этой чудной, зеленоглазой, давно любимой ею девочки”.

Из бурно-романтической сферы автор переходит таким образом в область приторно-слащавых отношений, изобразить которые с юмором у него, очевидно, не хватает или решимости, или умения.

В повести “Юркин хуторок” мы опять находим изображение в условно-оперном стиле девочки, носящей прозвище “Фея Мая”, которой мальчики пишут письма: “Фее Мая в лесной домик” и т. д.» (с. 10);

«Посредственны рассказы в сборнике упомянутой уже Л.А. Чарской. Следует лучше знать ту среду, о которой пишешь. Так, из рассказа “Юнга” дети могут вынести совершенно превратное представление о быте нашего военного флота, видимо взятое в рассказе с иностранного. Странно также смешение рассказов, предназначенных для начинающих читать детей, с рассказами, подходящими только к старшему возрасту, наприм., “Две елки” и “Привидение”. Не знаем также, насколько педагогичны такие выражения, как “отругаться... чертовщина” и друг.» (с. 11).

Книжные новости // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1907. № 1. С. 3.

«Приступлено к печати отдельного издания повести для юношества Л.А. Чарской п. з. “Вторая Нина”, представляющей собою четвертую повесть пользующейся огромным успехом среди юных читателей серии повестей из институтской и кавказской жизни.»

Книжные новости // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1907. № 4. С. 57.

«Л.А. Чарская выпускает в свет новую книгу для юношества – рассказ п. з. “Проданный талант”, с иллюстрациями В. Полякова.»

Книжные новости // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1907. № 6. С. 83.

«В коллекцию дешевых иллюстрированных беллетристических произведений п. з. “Русская библиотека Вольфа” включены: рассказ Н.А. Лухмановой “Мой друг Алексей Петрович” и повесть Л.А. Чарской “Проданный талант”.»

Книжные новости // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1907. Стб. 160.

«Л.А. Чарская пишет новую историческую повесть из эпохи завоевания Сибири. В повести будет выведен один из малоизвестных юных сподвижников Ермака.»

Княжна Джаваха. Повесть для юношества Л. Чарской, в 2-х частях. Изд. Вольфа, с 80 рис. Табурина и Сударушкина. Спб. 1903 г. 336 стр. Ц. 1 р. // Соболев М.В. Справочная книжка по чтению детей всех возрастов (Книги и журналы с 1870 по 1906 год). 2-е изд., доп. СПб.: т-во А.Ф. Маркса, [1907]. С. 142.

«Жизнь княжны в родных кавказских горах с вдовым отцом, нелады с мачехой; поступление в петербургский институт, где прямой и горячей девочке пришлось пережить немало неприятностей. Одоб. Гл. упр. в. уч. з., уч. ком. Мин. н. пр.»

Литературные и биографические известия // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1907. № 5. С. 2.

«Известная художница Е. Самокиш-Судковская занята в настоящее время иллюстрациями для предполагаемого роскошного издания исторической повести Л.А. Чарской “Смелая жизнь”.»

Литературные и биографические известия // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1907. № 7–8. С. 97.

«В числе первых новинок детской литературы, которые появятся в свет к началу осеннего сезона, значится отдельное иллюстрированное издание повести Л.А. Чарской “Вторая Нина”, представляющей собою новый том целой, уже выпущенной и пользующейся огромным успехом серии повестей из институтской жизни, принадлежащих перу этой писательницы.»

Литературные и биографические известия // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1907. № 10. С. 2.

«Повесть для юношества “Княжна Джаваха” Л.А. Чарской выходит в Праге в чешском переводе в издании П. Матерновой с оригинальными иллюстрациями чешского художника Венчеслава Черни.»

Литературные и биографические известия // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1907. № 11. С. 2.

«Известие о новой повести для юношества Л.А. Чарской, предназначенной для журнала “Задушевное Слово” (помещенное в последнем номере нашего журнала) нуждается в поправке: новая повесть озаглавлена “Лесовичка”, а не “Из института на сцену” и только третья часть повести носит название “На подмостках”.»

Люда Влассовская. Повесть Л. Чарской, изд. Вольфа, с 119 рис. Спб. 1905 г. 447 стр. Ц. 2 р. 25 к. // Соболев М.В. Справочная книжка по чтению детей всех возрастов (Книги и журналы с 1870 по 1906 год). 2-е изд., доп. СПб.: т-во А.Ф. Маркса, [1907]. С. 354.

«Продолжение рассказа “Княжна Джеваха (sic!)”, дающее картину жизни подруг княжны в выпускном классе, а также подвиги одной из них на месте родины Джевахи. Одоб. уч. ком. Мин. н. пр., Гл. упр. в. уч. з.»

Мавров Л. В царстве детских книг. Очерк // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1907. № 12. Стб. 242–256.

«Для маленьких же детей предназначена книга Л.А. Чарской “**Рыжик и Чернушка**”, включения маленьких коташек, с хромолитографированными рисунками А. Гейера. Рассказ ведется в этой книге от лица котенка Рыжика, который передает, как он, во время отсутствия старой кошки, учил сестру Чернушку уму-разуму» (ст. 242);

«Для маленьких любителей веселых стишков приготовлена “**Веселая дюжинка**” – книжка для детей младшего возраста в стихах Л.А. Чарской, с 57 рисунками. О том, что дает книжка, говорится в предисловии: Тут две дюжины стишков / Про детей и про зверьков, / И про шалости одних, / И про выдумки других.

По содержанию своему почти все эти стихотворения представляют собою маленькие, законченные рассказы для детей» (ст. 244);

«Большой выбор чтения разнообразнейшего характера, начиная с коротеньких рассказов и стишков для малюток и кончая большими повестями для детей младшего возраста, дает полный

годовой экземпляр “Задушевного Слова”, в котором в этот раз юные читатели найдут между прочим большую повесть Л.А. Чарской: “**Записки маленькой гимназистки**”... <...> Такой же годовой экземпляр “Задушевного Слова” для старшего возраста, т.е. для детей от 9–14 лет... включает в себе большое произведение Л.А. Чарской п. з. “За что?” – моя повесть о самой себе, с целым рядом портретов любимой детьми писательницы, снятых в ее детские годы...» (ст. 245);

«Для детей среднего возраста, а также и тех детей младшего возраста, которые любят читать большие рассказы, имеется повесть Л.А. Чарской “**Юркин хуторок**”, с 25 ориг. карт. И.В. Симакова, в которой рассказаны веселые приключения и шалости мальчиков, приехавших на лето в усадьбу, и их сестры – слепой девочки» (ст. 246);

«Юные поклонницы и поклонники таланта Л.А. Чарской (а их у этой писательницы много), давно уже выражавшие желание иметь собрание сказок автора “Княжны Джавахи”, найдут теперь законченный целый том ее “**Сказок голубой феи**” с рисунками Мельникова, Шапиро, Бальцера и др., т.е. собрание тех сказок, которые выпусками прилагались к журналу “Задуш. Слово”. Среди этих сказок есть и такие, которые доступны маленьким детям (“Три слезинки королевы”, “Король с раскрашенной картинки”), есть такие, которые предназначены скорее для старшего возраста и которые своим содержанием наводят на серьезные мысли. Темы сказок, однако, большею частью новые, иногда не лишённые социально-экономической и политической подкладки, в рамках, доступных юному уму» (ст. 247–248);

«Среди серьезных повестей для юношества имеется новая повесть Л.А. Чарской “**Вторая Нина**”, с иллюстрациями И. Симакова. Это история смелой, неустрашимой, своенравной и дикой кавказской девушки, пережившей в горах Кавказа целый ряд приключений и затем попавшей в столичный институт. Предназначенная для юношества, повесть эта, как по содержанию, так и по изложению, принадлежит к числу тех, которые будут прочитаны с интересом не только юношеством, но и детьми среднего возраста, а также и взрослыми» (ст. 250–251);

«Из исторических книг для юношества, доступных по содержанию и для детей среднего возраста, выделяются “**Смелая жизнь**” Л.А. Чарской, с иллюстрациями Е.П. Самокиш-Судковской и новое, второе издание “**Рассказа монет**” С.А. Макаровой. Первая из них описывает подвиги удивительной русской девушки-героя, имя которой, теперь немного забытое, гремело в начале прошлого столетия...» (ст. 252);

«Затем пред нами целая серия отдельных рассказов русских писателей и писательниц. Тут “**Проданный талант**” Л.А. Чарской – история талантливого юноши-художника, попадающего в столицу к захудалому живописцу...» (ст. 253).

Нахимов А. Газават. Тридцать лет борьбы горцев за свободу. Историческая повесть. Л.А. Чарской. Изд. Тов. М.О. Вольф. Спб. // Воспитание и обучение. 1907. № 10. Ст. 335–336.

«Самый огромный в мире, веками “собиравшийся” социальный организм – Россия – находится теперь на небывалой, совсем новой ступени своей эволюции.

И, может быть, очень кстати сейчас юношеству, для которого главнейше и назначена названная книга, заглянуть и в эти “тридцать лет борьбы” на Кавказе, в “священную войну – Газават”. И не для того, отнюдь, чтобы затем по “исторической повести” вязать и решать труднейшие вопросы о столкновениях разнородных племен и культур, а просто для увеличения запаса молодых дум и настроений... Пусть слово и дело юнца еще впереди. Живое представление прошлого поможет ему и от настоящего заполучить больше впечатлений, ширящих сознание и надежнейшую – т. е. разумную любовь к родине.

Насколько же отвечает подобным требованиям и задачам книга г-жи Чарской?

Повесть снабжена массою рисунков, описаниями разных подробностей местного внешнего и внутреннего быта, отчасти и отрывками из народной поэзии. Все это известным образом заражает читателя, легче вводят его в чуждый мир.

И главный герой “священной” войны – знаменитый Шамиль – изображен, так сказать, уважительно, без враждебных зачернений. Он является искренним вождем мюридов, человеком одаренным и убежденным.

Для фабулы подобраны ситуации, благодарные в смысле занятости.

Русского офицера Зарубина спасает от смерти страстный, но благородный и человеческий мальчик – Джемалэддин, сын Шамиля. Он попадает в заложники к русским; молодым уже человеком – тесно сближается с сыном Зарубина, увлекается христианством, более высокою культурою России и т. д., и т. д.

Включена в рассказ и нежная Тэкла, “пленница-гяурка”, которую принуждают горцы принять ислам и пр.

Такая канва, однако, расшита автором в высшей степени банально, со слащавостью тона и вычурами в языке.

Очень мало производительны такие книги и для юношества, и для “взрослых людей”, о которых говорит “Предисловие” – даже, между прочим, устами Белинского».

Обзор новых книг // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1907. № 12. Стлб. 1–14.

«Книги для малюток. **Веселая дюжинка.** Книжка для детей младшего возраста в стихах Л.А. Чарской... Две дюжины стишков про детей и про зверьков, и про шалости одних и про выдумки других. Все стишки – веселого содержания. Каждое стихотворение – целый рассказец в стихах, доступных понимаю даже самых маленьких детей. Тут и снежная война, и урок музыки Мимишки, и большая стирка, и танцоры-собачки, и песенка акробата и т. п.» (ст. 1); **«Рыжик и Чернушка** – приключения маленьких коташек. Рассказ для малюток Л.А. Чарской... Котика, которому мать, уезжая, поручает смотреть за его сестренкой-кошечкой и учить ее уму-разуму, рассказывает о своих первых неудачах при воспитании кошечки, о встречах с канарейкой, собакою и пр. Независимо от рассказа, под каждой картинкой имеются легкие стишки, в которых, в четырех строчках, передается то, о чем более подробно рассказывает котенок от себя» (ст. 2);

«Книги для детей младшего возраста. **Задушевное Слово.** Чтение для детей младшего возраста. <...> ...здесь помещены: “Записки маленькой гимназистки” Л.А. Чарской... доступно для маленьких детей написанный исторический рассказ “Так велела царица” Алексея Лидиева... <...> **Юркин хуторок.** Повесть для детей Л.А. Чарской... Веселые приключения мальчиков, приехавших впервые в усадьбу, их шалости с учителем-немцем, оказавшимся добрейшим человеком, и похождения их слепой сестры, которая знакомится с маленькой дочерью управляющего, принимаемую слепую за фею» (ст. 3–4);

«Сказки для детей разных возрастов. **Сказки голубой феи.** Л.А. Чарской... Восемнадцать сказок, из которых часть для младшего возраста (“Царевна Лыдинка”, “Три слезинки королевы”, “Король с раскрашенной картинкой” и др.), часть – для старшего (“Чародей- голод”, “Галина правда”, “Веселое царство”, “Живая перчатка”, “Меч королевы” и пр.). Во всех сказках фантастический элемент тесно связан с серьезным, наводящим юный ум на размышления, содержанием» (ст. 4–5);

Книги для детей старшего возраста. **Вторая Нина.** Повесть для юношества Л.А. Чарской... История своенравной, дикой, необузданной кавказской девушки, после целого ряда приключений в кавказских горах попадающей, по воле бабушки-аристократки, в столичный институт, к порядкам которого ей трудно привыкнуть. Представляя законченное, самостоятельное произведение, “Вторая Нина” является, вместе с тем, одним из звеньев той серии написанных Л.А. Чарской повестей из кавказской и институтской жизни, к которой принадлежат “Записки институтки”, “Княжна Джаваха” и “Люда Влассовская»» (ст. 6);

«Исторические повести и очерки для детей старшего возраста и для юношества. **Смелая жизнь.** Историческая повесть для юношества в трех частях Л.А. Чарской... В повествовательной форме рассказаны приключения молодой русской девушки, Надежды Дуровой, поступившей на военную службу, участвовавшей в нескольких походах против Наполеона I и награжденной орденом за храбрость. Кроме главной героини, в повести выведен ряд типов молодых воинов, – частью храбрых, смелых и любящих военную жизнь, частью же избравших военную службу против своей воли, – среди которых выделяется своею отвагою, храбростью и смелостью молодой кавалерист, успешно скрывающий от всех, что он девушка» (ст. 8);

«Отдельные оригинальные рассказы русских писателей, для детей среднего и старшего возраста. **Проданный талант.** Рассказ Л.А. Чарской... Юноша, у которого талант в живописи, попадает в Петербург к захудалому художнику, который выдает все работы юноши за свои и отнимает у него славу, пока случайно проделка его не обнаруживается одним из заказчиков; последний дает возможность талантливому юноше поступить в академию художеств и развить свой талант» (с. 11).

Первые товарищи. Повесть Л. Чарской, изд. Вольфа, с рис. Соколовского. Спб. 1905 г. 140 стр. Ц. 1 р. 75 к. // Соболев М.В. Справочная книжка по чтению детей всех возрастов (Книги и журналы с 1870 по 1906 год). 2-е изд., доп. СПб.: т-во А.Ф. Маркса, [1907]. С. 162.

«Поступление 8-милетнего мальчика в пансион и столкновения с одноклассниками; типы пансионеров; война их и примирение с начальницей.»

Ситовский В. Газават, тридцать лет борьбы горцев за свободу. Историческая повесть Л.А. Чарской с 10 ориг. глав. и 127 копиями с картин. Изд. т-ва М.О. Вольф С.-Пб. и М., II + 310 стр. + II. Цена 2 руб. 75 коп., в кол. пер. 3 руб 50 коп. // Известия по народному образованию. 1907. № 2. С. 224–225.

«Эта прекрасная книга читается с живейшим интересом. Автор описывает восстание Шамиля и геройскую борьбу с ним русских. Этот фон разработан прекрасно: пользуясь историческими данными, г-жа Чарская полно и обстоятельно нарисовала последний эпизод из кровавой истории покорения Кавказа и, что не менее ценно, удачно иллюстрировала свой рассказ 127 копиями с картин, рисунков и портретов, принадлежащих кисти старых и новых художников. Таким образом, в книге г-жи Чарской читатель знакомится с целой художественною галереей, посвященной покорению Кавказа.

На этом, хорошо разработанном, историческом фоне изображена особенно старательно семейная жизнь Шамиля. Особенно выдвигается старший сын его, живший заложником у русских и обрусившийся до того, что все симпатии его перешли к русским; даже сердцем его завладела русская девушка. Ему, отщепенцу от родных гор, родной семьи и родного дела, пришлось вернуться на родину чужим, ненужным и больным чахоткой. В предисловии автор говорит, что все действующие лица повести: «молодой русский офицер, его друг, сын вождя восставших горцев, привязавшийся к России и полюбивший русских, юная страдальца-христианка, попавшая в плен к горцам, свирепый и жестокий воин-мюрид, добрая, сострадательная чеченка – это, большею частью, лица исторические».

Полагаю, что повесть Газават будет украшением всякой библиотеки.»

Л. «Юркин хуторок», повесть для детей Л. Чарской, изд. М.О. Вольф, с иллюстр. И.В. Симакова // Россия. 1907. № 641. 25 дек. (7 янв. 1908). С. 7.

«Сравнительно недавно выступившая детской писательницей Л.А. Чарская успела уже завоевать симпатии детей, преимущественно маленьких читательниц. Недавно изданная повесть “Юркин хуторок” описывает жизнь в деревне семьи статского советника Волгина, состоящей из трех мальчиков и одной девочки. Слишком живой, но добрый и честный характер Юрика, среднего брата, ставит его иногда в некрасивые положения, но все разрешается благополучно и в конце концов из шалуна Юрика вырабатывается очень добрый, сердечный брат слепой Лидочки и внимательный ученик нелюбимого прежде гувернера г. Гроса. В повести Л. Чарской встречаются некоторые, безусловно трогающие душу и не ребенка, места, как, например, сценка спасения хуторка Волгиных от пожара больным Юриком, после чего хутор был назван “Юркиным” в честь своего спасителя, и веселые положения, заставляющие маленьких читателей заливаться иногда слезами, иногда искренним смехом. Можно указать на недостатки рисунков в этой книге, которые являются грубыми. А необходимо обратить на это внимание, так как у ребенка должно развивать эстетическое чувство. Тем более в детских книгах издания М.О. Вольф, сравнительно таких дорогих, можно было ожидать встретить лучшие рисунки.»

1908

[Автор не указан]. [Рец.] // Новое время. 1908. № 11774. 20 дек. (2 янв. 1909). Иллюстрированное приложение. С. <до 7(491)>–11(495)¹.

«Автор повести “Гимназисты”, Л. Чарская, в смысле занимательности несомненно удовлетворяет требованиям, предъявляемым молодыми читателями.

Тема о гимназических радостях и печалях сама по себе близка сердцу всех представителей “среднего возраста”, а изображение директора, носящего кличку “Мотор”, инспектора-“Ирода”, латиниста, прозванного “Шавкой”, и др. в смехотворном виде является несомненной гарантией успеха книги среди той публики, для которой она предназначена. Приподнятый “высокий стиль”, составляющий отличительную особенность некоторых произведений писательницы, в повести, о которой идет речь, прибегается исключительно для некоторых изблюбленных героев. Так, когда заговорил гимназист Юрий Радин, то “что-то властное и независимое прозвучало в дрогнувших звуках его молодого голоса”. Заиграл на скрипке маленький Еврей Флуг – и “страстные, нежные, царственно-прекрасные, сказочно-таинственные и волшебные полились звуки...” “Черные глаза Флуга расширились донельзя, как два огромные сверкающие полярные солнца (sic!), горели жутким, горячим огнём...” Кроме упомянутой повести в книжку вошли еще два рассказа: “Сирена” и “В глуши” <...> В повести г-жи А. (sic!) Чарской “Паж цесаревны” одно за другим проходят перед нами события бурной эпохи, последовавшей за смертью Петра Великого. Маленький паж цесаревны Елизаветы Петровны является одним из тех незаметных героев, которые скромно помогают другим в совершении крупных подвигов, не попадая на скрижали истории. Знакомая с нравами и обычаями описываемой эпохи, автор повести старается заинтересовать юных читателей не только умело выбранной фабулой рассказа, но и

¹ В издании двойная пагинация. В экземпляре РГБ начало номера (до с. 6 включительно) отсутствует.

вести в круг тех интеллектуальных стремлений, которые являются характерными для изображаемого времени. Издана книга хорошо» (с. 7).

[Автор не указан]. **Вторая Нина. Повесть для юношества. Л. Чарской. С иллюстр.** Спб. Изд. М. Вольфа. Стр. 310. Ц. 3 р. – **Юркин хуторок. Повесть для детей. Ее же.** Спб. Изд. Вольфа. Стр. 180. Ц. 2 р. 50 к. – **Проданный талант. Рассказ. Ее же.** Стр. 80. Ц. 45 коп. // *Вестник воспитания.* 1908. № 4. С. 65–67.

«Г-жа Л.Ч. обладает несомненно живой фантазией, способностью создавать иногда характерные фигуры, легким и образным языком. Но, к сожалению, пристрастие автора к старым, если можно так выразиться, “институтским” взглядам на характер детской беллетристики и вследствие этого чрезмерная склонность автора к романтическим и сантиментальным преувеличениям лишают его произведения того значения, какое они до известной степени могли бы иметь.

Примером этого может служить лучшее из ее произведений – большая повесть **“Вторая (?) Нина”**. Повесть симпатична и оригинальна по замыслу – изобразить тип юной девушки-“дикарки”, родившейся и проведшей детские годы в черкесском ауле, а затем уже в отроческих годах сделавшейся воспитанницей в семье одного из русских генералов, – тип смелой, свободолюбивой протестантки, не мирившейся с разнообразными условностями великосветской жизни. Автор, по-видимому, близко знакомый с бытом кавказских горцев, рисует ряд драматических коллизий, которые переживает его героиня, между симпатиями к людям, жизни и природе горцев и теми культурными влияниями и связями, в которые поставила ее судьба. Особенно интересна первая часть повести, которая могла бы представить много поучительного для юных читателей, но склонность автора к подражанию старым романам 30-х годов, с их невероятно романтическими приключениями и героями, придает всей повести характера характер чрезмерной слащавости и искусственности, отчего и хорошо задуманный тип героини в конце концов теряет свои оригинальные черты и свою поучительность.

Другая большая повесть г-жи Л. Ч., **“Юркин хуторок”**, не представляет особенного интереса ни по замыслу, ни по исполнению. Это довольно шаблонный рассказ о летней жизни семьи некоего статского генерала на его хуторе, причем все сводится к описанию детских удовольствий, шалостей и разных ребяческих выходок, которые позволяют себе дети над немцем-гувернером, оказывающимся человеком с идеальной душой, – чем и вызывает в конце концов в детях полное раскаяние в своем детском легкомыслии. Повесть может представить некоторый интерес разве для маленьких детей.

Рассказец **“Проданный талант”**, – передающий о том, как юный художник, чтобы спасти от нищеты большую мать, продает за гроши свои картины какому-то аферисту, который выдает их за свои и выручает большие деньги, пока не спасает юношу из лап эксплуататора какой-то князь, – мог бы быть до некоторой степени поучителен, если бы не крайняя слащавость, к которой он проникнут, в особенности в тех местах, где автор говорит о вмешательстве благодетельного князя. Вообще благотворная роль обладающих высокими нравственными доблестями разных князей и генералов занимает большое место в судьбе всех героев госпожи Ч., да и все ее повести в большинстве, по-видимому, предназначены главным образом для детей “высших” классов, так как вряд ли могут быть доступны по ценам простым смертным.»

[Автор не указан]. **Новости журнальной и книжной литературы // Слово.** 1908. № 656. 20 дек. (2 янв. 1909). С. 4.

Отзыв на повесть **«Паж цесаревны»**: «Товариществом Вольф выпущено несколько новых книг для юношества. “Паж цесаревны”, историческая повесть любимой молодыми читателями Л.А. Чарской, в увлекательной форме рисует полную приключений судьбу “маленького героя”, Андрея Долинского, на фоне мрачного безвременья бирюзовской эпохи. Живой, красочный язык, историческая правдивость изложения, яркая обрисовка характеров и нравов наряду с изысканностью иллюстраций делают эту книгу хорошим подарком для молодежи».

[Автор не указан]. **Чарская. Княжна Досеваха (sic!). С рисунками. Повесть для юношества.** Изд. Т-во Вольф. Спб. 1903 г. 336 стр. ц. в перепл. 3 р. // *О детских книгах. Критико-библиогр. указатель книг, вышедших до 1 янв. 1907 г., рекоменд. для чтения в возрасте от 7 до 16 лет. Сост. кружком преподавателей и писателей под ред. А. Анненской, В. Герда, Н. Лихаревой, С. Порецкого, Е. Репьевой, Е. Соломина и О. Флоровской.* М.: Труд, 1908. Стлб. 181.

Рецензия в разделе «средний возраст»: «Автор делит повесть на 2 части: 1-я “Кавказ”, 2-я “Петербург”. Героиня повести грузинка, дочь князя Досеваха, командующего русскими войсками при усмирении горцев, восставших во главе с Шамилем. Мать девочки была татарка, необразованная, вскоре умершая; отец всегда занят делом. Княжна выросла среди богатой при-

роды и под надзором обожавшей ее прислуги из грузин. В результате такого воспитания 11-летняя девочка является непосредственной натурой, смелым джигитом; она не признает никаких светских стеснений, никакой политики. Князь пригласил свою мать, великосветскую женщину, руководить воспитанием княжны; но все попытки бабушки оказались бесполезны. Отец решил жениться второй раз; но княжна не может примириться с мыслью, что место нежно любимой матери займет другая женщина, и, чтобы не помешать счастью отца, убегает из дому в горы. Отец понял чувства девочки, отказался от брака, но уговорил дочь поехать учиться в Петербург. В 1-й части даны описания обычаев, обрядов горцев, их жилищ, одежды, утвари; много описаний красот горной природы. 2-я часть описывает жизнь в институте. Княжна поступила в VII класс. Очень живо описан прием “новенькой” и дальнейшая жизнь в институте. В этом рассказе автор ярко указывает, как ступевывается личность и начинает господствовать мнение большинства: раз постановил класс, все не рассуждая подчиняется его решению. Маленькая княжна слишком прямодушна, на свободе она привыкла сознательно относиться к своим поступкам; она отказывается подчиниться унижительному решению класса, – к общему обыску и клятве над крестиком. Класс негодует, клеймит ее бунтовщицей. Но в конце концов открытый и правдивый характер девочки подчиняет ей весь класс, и она делается героиней. Повесть прочтется с большим интересом, хотя тон местами не в меру повышен. Издание роскошное». В разделе «книги, просмотренные, но не одобренные» также приведены «Люда Влассовская» и «Записки институтки».

И. Библиография // Южный край. 1908. №9363. 18 апр.

Отзыв на повесть «**Смелая жизнь**»: «Повесть Л.А. Чарской “Смелая жизнь” заключает в себе рассказ о военных подвигах известной Н.А. Дуровой. Предназначенная для юношества, повесть эта рисует военную доблесть “слабой женщины”, много лет с отличием подвизавшейся на поле брани. Книжка иллюстрирована несколькими очень не дурно исполненными рисунками».

Книжные новости // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1908. № 1. Стб. 8.

«Товарищество М.О. Вольф приступает к отдельному изданию автобиографической книги Л.А. Чарской: “За что? Моя повесть о самой себе”. Повесть эта печаталась в минувшем году в “Задушевном Слове”, но в отдельном издании выйдет с исправлениями и дополнениями автора. Иллюстрировать это издание предложено П.А.(sic!) Самокиш-Судковской.»

Налимов А. Л.А. Чарская «Вторая Нина». Повесть для юношества. Издание Товар. М.О. Вольф. Спб.–Москва. «Проданный талант». Рассказ. Изд. Т-ва М.О. Вольф // Русская школа. 1908. Вып. 5/6. С. 22.

«Вторая Нина – “приемная дочь князя Джаваха”, у которого умерла любимая родная Нина. По словам подруги второй Нины – у нее “преромантическая судьба”, родители “были татары из аула”, “они бежали, крестились, потом погибли в горах”. Героиня в повести живет сначала на Кавказе; а затем, в 16 лет попадает в институт в Петербурге. Это существо пылкое, непокорное, легко нарушающее всякие порядки; но и в высшей степени смелое, правдивое, побеждающее и примиряющее подчас своим горячим добрым чувством. Нина, сломя голову, мчится на коне у края бездны; заводит дружбу с Керимом, которого преследуют, как страшного разбойника; убегает из-под замка от своей опекуниши – старухи самодурки. В институте Нина оказывается на дурном счету из-за неумения подчиняться, из-за прямооты и самоотвержения – не по программе. Разрешается фабула, впрочем, общим благополучием. Даже Керим “оправдан судом и выпущен на поруки. На его совести нет ни одного ужасного преступления. Он защищал только слабых, обиженных против обидчиков”. Повесть весьма пышно издана и иллюстрирована. Нарядно и самое изложение ее – несколько в духе Бестужева-Марлинского, который, однако, и, действительно, обладал дарованием. Белинский был чересчур строг к романисту 30 г. Но автор “Второй Нины”, как будто, печется, главным образом, о чисто *внешнем интересе* для своего читателя. С несравненно меньшим темпераментом написан рассказ “Проданный талант”. Самая тема: кабала таланта в котгах нужды – привлекала зачастую беллетристов. Уместна она, конечно, и в книжке “для юношества”. У г. Чарской самоучка-художник из провинции едет искать славы в столицу. Он жаждет помогать бедной матери и волею-неволею заключает условие с неопытным во всех отношениях живописцем Мариным, который затем и загребаёт чужими руками и деньги, и известность. Конец рассказа опять не огорчительный для читателя. Но это нечаянное подслушивание целого монолога – богатым знатоком и любителем живописи – довольно натянутый прием стройки».

Никольский М.Н. Новые сборники детских сказок. Заметка // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1908. № 12. Стб. 263–266.

«Другой совершенно характер имеют “Сказки голубой феи” Л.А. Чарской. Все, вошедшие в эту книгу, сказки – новые, оригинальные, навеянные автору, как он говорит в предисловии, неожиданно явившейся феею. Открывается книга сказкою о “Царевне-льдинке”, затем следует сказка о скупом боярине, отправившемся бороться с царь-голодом, о железной перчатке рыцаря, которая доставляла ему победы только тогда, когда он сражался за правое дело, о короле с раскрашенной картинкой, который отправился странствовать по своей стране и убедился, как бедствует и страдает его народ и т. д. и т. д. По своему содержанию и глубокому смыслу, “Сказки голубой феи” интересны не только для детей, но и для подрастающего юношества; даже взрослый читатель и тот прочтет эти сказки не без удовольствия» (стб. 265–266).

Новости детской литературы // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1908. № 3. Стб. 63–64.

«Вышла в свет новая историческая повесть Л.А. Чарской “Смелая жизнь. Подвиги загадочного героя”, с иллюстрациями Е.П. Самокиш-Судковской. В повести рассказаны похождения знаменитой, в своем роде, Надежды Дуровой, которой император Александр I разрешил именоваться “корнетом Александровым”».

Новости детской литературы // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1908. № 4. Стб. 76.

«Печатается отдельным иллюстрированным изданием повесть для детей Л.А. Чарской “Записки маленькой гимназистки”».

Новости детской литературы // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1908. № 9. Стб. 134.

«Л.А. Чарская закончила новую повесть для детей п. з. “Сибирочка” из жизни заброшенной в сибирскую тайгу девочки и ее маленького опекуна-мальчика».

Новости детской литературы // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1908. № 11. Стб. 166.

«Новую историческую повесть для юношества Л.А. Чарской “Царский гнев” дает журнал “Задушевное Слово” в виде приложения к журналу, выпусками, с ориг. иллюстрациями А. Бальдингера, виньетками Э. Соколовского и снимками с картин известных художников».

Новые издания т-ва М.О. Вольф // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1908. № 4. Отд. пагинация.

Перепечатка отзывов на издания книг Чарской. «Смелая жизнь» (с. 1): «Предлагаемая повесть читается с живым интересом. Героиня привлекает к себе с первых шагов своего детства... Талантливая повесть заставляет с трепетом переживать боевые впечатления, выпавшие на долю героини... Простота и художественность рассказа доставляют истинное наслаждение» («Русское слово»); целиком отзыв [И 1908]; «Вторая Нина» (с. 3): «“Вторая Нина”, в роскошном издании Т-ва М.О. Вольф, представляет одну из целой серии кавказских повестей г-жи Чарской. Тут очень много фантазии и безусловно редких художественных красок для детского чтения» («Одесские Новости»).

Новые издания т-ва М.О. Вольф // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1908. № 5. Отд. пагинация.

Перепечатка отзывов на повесть «Газават»: фрагменты [Сиповский 1907], [Фомин 1906] и т. д. (с. 2).

Новые издания т-ва М.О. Вольф // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1908. № 9. Отд. пагинация. С. 2.

Перепечатка отзывов на издания книг Чарской. «Лизочкино счастье»: «Настоящую повесть надо отнести к удачным произведениям г. Чарской: она не растянута, сцены живы, второстепенные персонажи очерчены немногими штрихами и, в большинстве случаев, меткими. Лизочка заинтересует и мальчиков и девочек, которые будут внимательно следить за ее жизнью в труппе доброго Сатина» («Педагогический сборник»); «“Лизочкино счастье” это повесть о приключениях маленькой, симпатичной девочки, которая попадает в детскую драматическую труппу. У девочки оказался недюжинный талант, помогший ей хорошо разыграть Золушку, Спящую Красавицу, Красную Шапочку и пр. Но в среде маленьких артистов оказался у Лизочки враг –

другая маленькая артистка – которая чуть было не сгубила девочку, отдав ее в руки артиста-проходимца» («Н. О.»); **«Юркин хуторок»:** «Изображается тут пребывание барчат на хуторе в лесу. Ночью случается пожар, и весь хутор сгорел бы дотла, если бы не находчивость и отвага Юрика, который домчался до деревни и поднял всех ее жителей. Другие похождения мальчиков также поучительны для детей...» («Одесские новости»).

Новые издания т-ва М.О. Вольф // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1908. № 10. Отд. пагинация. С. 2.

Перепечатка отзывов на издания книг Чарской. **«Вторая Нина»:** «Для старшего возраста очень интересная повесть из институтской жизни» («Котлин»); «Повести Л. Чарской пользуются хорошей репутацией у той публики, для которой она пишет. Она хорошо рассказывает, герои ее с характером, действуют в не совсем обычной обстановке, испытывают необычные впечатления и тем самым заинтересовывают и привлекают к себе читателей. Этими же качествами обладает и повесть “Вторая Нина”» («Педагогический Сборник»); фрагмент [В.Я. 1907] (с. 1); **«Юркин хуторок»:** «Это интересная повесть из жизни шалунов-мальчугов, рассказов о самых разнообразных детских проказах, а подчас захватывающих душу эпизодов. Книга издана роскошно» («Котлин»); фрагмент [Л. 1907]; «Ряд сцен из сельской жизни... Написаны чрезвычайно тепло» («Южный Край») (с. 2).

Новые издания т-ва М.О. Вольф // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1908. № 11. Отд. пагинация.

Перепечатка отзывов на издания книг Чарской. **«Записки институтки»:** фрагмент отзыва [Журнал Министерства Народного Просвещения 1904]; фрагмент [Биржевые ведомости 1904] (с. 1); **«Люда Влассовская»:** фрагмент [Правительственный вестник 1904]; «В тексте много иллюстраций худ. В.А. Табурина. Помимо технической грамотности, они интересны еще тем, что вводят читателя в хорошо наблюденную рисовальщиком среду. В композициях Табурина разворачивается замкнутый институтский мирок. Здесь нет отсебятины, все – реально и правдиво» (Биржевые ведомости) (с. 2).

Новые издания т-ва М.О. Вольф // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1908. № 12. Отд. пагинация.

Перепечатка отзывов на издания книг Чарской. **«Записки институтки», «Люда Влассовская»:** [Сок-ский 1908] (с. 1); **«Смелая жизнь»:** [Соколовский 1908b] (с. 2); **«Газават»:** «Книга г-жи Чарской легко читается, вполне доступна для юношества, интересна для взрослых. Главное же ее достоинство – то чувство любви к родине и то уважение к самоотверженным подвигам, которые она вызывает... Книга издана весьма изящно, обильно иллюстрирована и снабжена художественным переплетом» («Кавказская армия») (с. 4).

Русаков В. Исповедь детской души. Критическая заметка // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1908. № 12. Стб. 266–269.

«Она не знала материнской ласки... и всю свою детскую любовь... перенесла на отца... Она называла его своим “солнышком”... но в то же время была убеждена, что он любит только ее одну на свете, что он... не может полюбить никого другого... И вдруг она узнает, что ее “солнышко”... полюбил “чужую женщину”, женится на ней и что у нее будет мачиха. Это был ужасный удар для сердца странной маленькой девочки... И она возненавидела эту “чужую” женщину... усматривая в каждом ее поступке, в каждом слове, в каждом жесте, что-то ненавистное, враждебное. Это странное чувство толкнуло маленькую экзальтированную девочку даже на мысль о самоубийстве и – кто знает не привела ли бы она эту мысль в исполнение, если бы не встреча в роковой момент с добрым, милым, но бедным мальчиком, которому, несмотря на юные годы, пришлось многое испытать, много исстрадаться... С годами ненависть к “чужой женщине”... росла и росла, и даже вдали от нее, в институте, куда ее отдали, она не могла спокойно думать о мачихе. Неожиданно проявленный ненавистною “чужою женщиною” подвиг, в котором сказала скрытая, незамеченная любовь ее к падчерице – как-то сразу изменил все отношение к ней. И она почувствовала, что эта женщина любит ее и жалеет всем своим сердцем, всей наболевшей душой и готова положить жизнь за нее, причинившую ей столько горя... И какое-то новое, огромное, светлое чувство наполнило все ее существо, “и души их слились, и сердца также”...»

Таков остов содержания новой повести Л.А. Чарской “За что?”

<...> ...это совершенно особенное произведение, резко отличающееся от обыкновенных повестей для юношества. Это целая история души порывистого, не обыденного ребенка, маленькой сандрильоны, мечтавшей быть принцессой.

В каждой строк упомянутой повести чувствуется далекая от вымысла, искренняя исповедь автора, пережитая и перечувствованная им в его странном, исключительном детстве. Захватывающий интерес фабулы, живой способ изложения, жизненный, ясный, доступный пониманию юношества, делают эту новую повесть Л.А. Чарской выдающимся явлением среди новинок текущего года.

Но, вызывая восторг многих юных читателей и читательниц, “За что” вероятно вызовет некоторое, так сказать, педагогическое недоумение среди иных родителей. Дело в том, что г-жа Чарская, не щадя себя, нарисовала тип сильно избалованной, нервной, раздражительной, иногда даже злой, несдержанной, вспыльчивой, и притом экзальтированной девочки. Те родители, которые привыкли еще видеть в книгах для юношества только благонаправленных Петей и Маней, так осмеянных Белинским, будут немного поражены. Другие даже подумают чего доброго, что такой тип может своим примером дурно повлиять на юных читательниц. Едва ли однако нужно указывать, что подобные опасения совершенно неосновательны. Напротив – в тех отрицательных чертах, которые изображены в главном действующем лице повести, находится несомненный педагогический источник для исправления юных обладателей и обладательниц подобных же недостатков – если только, вообще, книга в состоянии исполнить роль такого исправителя. Во всяком же случае можно смело утверждать, что повесть “За что?” будит в юном читателе хорошие чувства.

Для поклонниц г-жи Чарской (а их у молодой писательницы много) ее повесть о самой себе представляет еще особенный интерес. Дело в том, что... юные читательницы хотели знать, на которую из своих героинь похож автор... Повесть “За что?” убедит их, что между самим автором названных повестей и созданными им героинями хотя и много общего, но что г-жа Чарская ни в одной из героинь не изобразила самое себя. Перед читателем выступает совершенно новый тип, новое лицо, новая героиня».

Сок–ский Мих. Библиография // *Голос Правды.* 1908. №967. 11 дек. С. 4.

Отзыв на повести «*Записки институтки*» и «*Люда Влассовская*»: «Повести Л.А. Чарской пользуются большим успехом среди юных читателей. На них спрос. И потому в библиографической, предпраздничной заметке необходимо упомянуть о новых изданиях ее повестей.

“Записки институтки” и “Люда Влассовская” черпают свои сюжеты из институтской жизни. Написаны они очень литературно, читаются легко, очень хорошо иллюстрированы. Отсюда ясен вывод, который совершенно беспристрастен: Обе изящные книжки вполне пригодны для детских подарков».

Соколовский М.К. Героическая отрасль детской литературы // *Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф.* 1908. № 12. Стб. 258–263.

Рекламный обзор книжных изданий Вольфа для детей. «Другой характер имеет повесть Л.А. Чарской “Смелая жизнь”, в которой исторические события служат фоном, на котором в живой беллетристической форме рассказана история знаменитой кавалерист-девицы Александрова-Дуровой. Автор держится мнения, что Дурова – не простая искательница приключений и что она посвятила себя военному делу из горячей любви к отечеству, влекомая каким-то непобедимым, хотя и столь мало-отвечающим ее полу влечением к военной службе» (стб. 260); «Долгая, упорная, полная геройских подвигов история завоевания Кавказа и многолетняя борьба с знаменитым Шамилем описана в повести Л.А. Чарской “Газават – тридцать лет борьбы горцев за свободу”. Характерную черту книги составляет то, что, рисуя подвиги русских героев, автор в то же время старается внушить читателям уважение к героизму их врагов» (стб. 261).

***Соколовский М.* Смелая жизнь. Подвиги загадочного героя. Историческая повесть Л.А. Чарской. Изд. Т-ва М.О. Вольф. Цена 3 р. 50 к. // *Вестник русской конницы.* 1908. № 22. С. 914.**

«Роскошно изданная, в изобилии снабженная иллюстрациями, напечатанная на роскошной бумаге и четким шрифтом, повесть г-жи Чарской “Смелая жизнь” производит по внешнему виду самое отрадное впечатление. Это делает честь почтенному издательству, издавна приучившему нас к изящным книгам.

Содержание книги взято из жизни известной кавалерист-девицы Дуровой-Александрова. Поэтому-то книга, рассказывающая о бранной и славной жизни лихой женщины, служившей в рядах русской кавалерии, не только не может быть безразличной для русского кавалериста, но должна быть обязательно приобретена в каждой семье, имеющей какое бы то ни было соприкосновение с кавалериею. В наше дряблое, мятущееся время, когда никнет все то, что должно бы цвести махровым цветом, такие книги нужны, нужны до зареза.

Искренно желаю, чтобы эта книга нашла себе самое большое распространение в военных, а особенно, кавалерийских семьях.

Автор книги – женщина. Этим объясняются некоторые ошибки в военных терминах и досадные военно-исторические неточности. Хотя это и не портит общего впечатления от книги, не изменяет ее духа, но это жаль. И нужно высказать предположение, что при следующем издании книги (а она разойдется в первом издании, без сомнения, очень быстро), уважаемое книгоиздательство сочтет за нужное для редакционных поправок некоторых технических неточностей пригласить лицо, вполне компетентное в военной старине.»

[Фомин А.] Чарская, Л. Газоват (sic!). Тридцать лет борьбы горцев за свободу. Вольф. Спб. 1906. Ц. 3 р. 50 к. // Корольков А.Е. Что читать детям? Сборник рецензий на лучшие детские книги и журналы (указано 2325 названий) с приложением плана систематизации книг для детского чтения. Пособие при изучении детской литературы / Сост. А.Е. Корольков. 2-е изд., испр. и доп. М.: типография А.П. Поплавского, 1908. С. 122.

Фрагмент рецензии из [Фомин 1906]: «Г-жа Чарская стремится привлечь внимание молодого читателя, главным образом, правдивостью психологической подкладки, художественностью картин. Борьба горцев за свободу обрисована увлекательно, ярко, образы борцов привлекательные, чарующие».

Чарская Л. Записки институтки. Повесть. Вольф. Ц. 2 р. 25 к. // Корольков А.Е. Что читать детям? 2-е изд., испр. и доп. М.: типография А.П. Поплавского, 1908. С. 69.

Выдержка из [С-в 1903]: «Г-жа Чарская рассказывает о своей дружбе с институткой, княжной Ниной Джаваха, бывшей в одном с нею VII классе, не выдвигая темные стороны институтской жизни, а описывая эту жизнь по возможности правдиво, без всяких подчеркиваний. Год описан в последовательном порядке, причем отмечены все более или менее выдающиеся события, шалости и поступки “сеньмушек”, рассказ ведется живо и книжка читается с интересом. В общем книжка содержит такие положительные данные, что чтение ее принесет пользу».

Сведения об авторе:

Мария Михайловна Громова,
мл. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Mariya M. Gromova,
Junior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
marija.gromova@list.ru

Научная жизнь

Academic Life

В.А. Ковпик (Москва, Россия)

**Конференция «Малые жанры фольклора в историко-культурном контексте:
от средневековых маргиналий к мемам» (15 октября 2024 г.)**

V.A. Kovpik (Moscow, Russia)

**The Conference “Small Genres of Folklore in the Historical and Cultural Context:
From Medieval Marginalia to Memes” (October 15, 2024)**

15 октября 2024 г. на кафедре русского устного народного творчества филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова прошла всероссийская научная конференция «Малые жанры фольклора в историко-культурном контексте: от средневековых маргиналий к мемам», приуроченная к 100-летию со дня рождения профессора В.П. Аникина, много лет заведовавшего кафедрой.

Профессор В.П. Аникин, участник Великой Отечественной войны, проживший долгую и плодотворную жизнь, был настоящим патриархом филологической фольклористики своего времени. Он автор 25 научных книг и учебных пособий (в том числе хрестоматии и выдержавшего уже несколько переизданий современного учебника по общему курсу русского фольклора для вузов «Русское устное народное творчество»), свыше 400 статей, посвященных самым разным жанрам русского фольклора – от былинного эпоса, календарных и семейных обрядов и заговоров до детского фольклора, загадок, пословиц и поговорок; глубоко разрабатывал он и проблемы теории фольклорной традиции, изучал фольклоризм русской литературы (творчество А.Н. Толстого, В.Ф. Одоевского, П.А. Ершова, П.П. Бажова и др.). В числе самых первых печатных трудов В.П. Аникина была книга «Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор» (М., 1957), отчетливо обозначившая стойкий интерес ученого к проблемам поэтики малых форм фольклора и методике кросс-жанрового анализа. С этой областью научных интересов В.П. Аникина и связана тематика посвященной его памяти конференции.

Понятие «малые жанры фольклора» (иногда для краткости их называют «паремиями») обнимает собою совокупность текстов, отличающихся краткостью, афористичностью, непосредственной связью с речевой ситуацией, а также широкой вариативностью. Так как границы объема понятия «малые жанры фольклора» довольно размыты, это дает весьма широкое поле для постановки самых разных исследовательских проблем, связанных с механизмами варьирования, коммуникативными функциями, историческими контекстами паремий и загадок. В докладах, прозвучавших на конференции, затрагивались вопросы происхождения и бытования отдельных традиционных и новых малых жанровых форм (маргиналий в средневековых рукописях, авторских афоризмов, мемов как разновидности со-

временных паремий); коммуникативных ситуаций их употребления («узнавание» паремии как часть языка «своей» аудитории и «неузнавание» как часть анекдота или шутки); а также механизмов варьирования и границы жанровых форм паремий, загадок и различных этикетных формул.

В течение дня заседаний конференции состоялось 10 докладов, сгруппированных в пять тематических секций: «Малые фольклорные жанры в контексте рукописной традиции», «Древнерусские загадки», «Количественные методы анализа малых фольклорных жанров», «Паремии как инструмент литературной игры» и «Малые фольклорные жанры внутри больших».

На первой секции («Малые фольклорные жанры в контексте рукописной традиции») с докладом «Библейские изречения и визуальный ряд в старообрядческом “Цветнике”» выступил В.А. Поздеев (Институт языка, литературы и истории научного центра Уральского отделения РАН). Материалом для исследования, основные итоги которого и были подведены в выступлении, послужили тексты в рукописных сборниках – «Цветниках», целом пласте духовной литературы староверов-часовенных Сибири, – собранные в экспедициях 2018–2022 гг. на Енисее в старообрядческих общинах часовенного согласия. Составители «Цветников» пытаются в сжатой афористичной форме представить свое понимание христианских ценностей. В докладе проанализированы вербальные и визуальные воплощения представлений о греховности современного мира, подвергающего людей соблазнам, о правильном жизненном сценарии человека, принадлежащего закрытому старообрядческому сообществу. Такие тексты являются своеобразной трактовкой библейских изречений.

С.В. Алпатов (МГУ имени М.В. Ломоносова) представил доклад «“De proprietatibus gentium”: от Исидора Севильского до Владимира Даля». Впервые документированный «Оветенской компиляцией» (883 г.) вариативный перечень положительных (суммарно до 17 позиций) и отрицательных (21 пункт) «свойств» европейских народов фиксируется в русской рукописной традиции с XVII в. в составе переводов анонимных «арифмологий» и авторских сочинений типа «Выдания о добронравии» Яна Жабчица. Наблюдения над корпусами устных народных присловий XVIII–XX вв., содержащими паремии исследуемой тематики, демонстрируют характерную эволюцию формы и семантики устных изречений о ярких культурных особенностях тех или иных этнических групп: взамен приписывания определенному этносу обобщенной номинативной характеристики («лукавство египтян», «обжорство галлов» и т. д.) его представители характеризуются предикативными конструкциями («Лях и умирает, а ногами дрягает»), маркируются знаковыми предметными реалиями («Литовский мост, что немецкий пост») или ассоциированы со сжатым до поговорки этиологическим («Первого черемиса леший родил, оттого они в лесу сидят»), легендарным («Господь по воскресении раздает народам характеристики в соответствии с их поведением в Страстную седмицу») либо анекдотическим («Поп Васька дома? – А кто там? – Василий Иванович (чувашин)») сюжетом.

В докладе В.А. Ковпика (МГУ имени М.В. Ломоносова), «Стиль “Моления Даниила Заточника”»: сплав книжной афористики с народными пословицами и поговорками» указано, что фольклористическое изучение памятников древнерусской литературы важно вдвойне: помимо исследования самих письменных памятников, оно способно хотя бы немного восполнить для нас крайнюю скудость достоверных источников о состоянии устной фольклорной традиции во времена Древней Руси. Если о каком-либо подобии специальных записей русского фольклора можно говорить не ранее XVII в., то для более ранних периодов можно признать наличие лишь

косвенного отражения устной традиции в письменных источниках. Таковы пере­сказы преданий в начальных частях древнейших русских летописей, приемы пе­сенно-эпического стиля в «Слове о полку Игореве» (памятнике нетипичном среди корпуса современных ему текстов именно высокой степенью его связи с фолькло­ром) или заклинательные формулы в плаче Ярославны там же. Если же говорить о народных паремиях (малых прозаических жанрах), фразеологизмах, идиомах, то значительное число их появляется в текстах древнерусской литературы примерно с XVI в., когда возникает ряд книжных текстов «простого стиля», отражающих речевую разговорную стихию, противопоставленную господствовавшему ранее пышному и замысловатому «плетению словес» византийского риторического об­разца; таковы, например, послания Ивана Грозного, сочинения протопопа Авваку­ма, «Калязинская челобитная» и др. («Единого моего слова гневного ты стерпеть не похотел, ко врагу нашему, кралою Жигимонту, сбежал, и оттоле лаешь на нас, как пес из-под лавки, только укусить не можешь» – пример из послания Ивана Грозно­го князю Курбскому). Для более раннего времени, а тем более для домонгольского периода, такие тексты нехарактерны; тем более важно исключение из этой общей тенденции – «Слово» или «Моление» автора, известного как Даниил Заточник, которое мало того что дает нам пример нехарактерного для древнерусской лите­ратуры ярко выраженного личностного начала и авторской индивидуальности, но еще и содержит множество случаев употребления народной афористики и фразе­ологии, причем в постоянном смешении и контрасте с изречениями книжными, прежде всего взятыми из Писания (и такое стилистическое смешение осмыслено со стороны автора, дополняющего сакральные цитаты псалмов народными посло­вицами, которые сам он называет «мирскими притчами» вроде «Ни скот в скотах коза, ни зверь в зверях еж, ни рыба в рыбах рак, ни птица в птицах нетопырь, ни муж в мужах, если над ним жена властвует, ни жена в женах, если от своего мужа прелюбодействует, ни работа в работах – для женок повоз возить»). Помимо пословиц и поговорок, влияние народно-поэтического стиля видно и в употреблении приема балагурства («Кому Боголюбово, а мне горе лютое, кому Лаче-озеро, а мне, на нем сидя, плач горький») или формул невозможного («Не видел ты неба холстя­ного, ни звезд из лучинок, ни глупого, говорящего мудро») и пр.

На секции «Древнерусские загадки» был представлен доклад О.А. Кузне­цова (МГУ имени М.В. Ломоносова), «Загадки в рукописных сборниках XVII–XVIII вв.: жанровые трансформации». Как отмечено в докладе, загадка – малый жанр – имеет свойство легко встраиваться в новый контекст и менять жанровую принадлежность. Особенно хорошо это видно в русских рукописях на примере загадок, вошедших в XVII–XVIII вв. в репертуар каллиграфических упражнений и текстов для чтения («подписей и складов»), следовавших за основной частью в азбуках. Такие тексты приближаются к дидактическим высказываниям и уже предполагают не столько отгадывание (игровой компонент, реализуемый, напри­мер, в составе нарративов), сколько заучивание вопросной части (без ответа), о чем свидетельствуют многочисленные упражнения – воспроизведение текстов загадок разным почерком на свободных листах. Так, текст о море на пяти стол­пах прочитывается в соответствующем контексте как предупреждение юношам, а загадка о пчелином улье с парадоксальным пассажем о сладости в горечи – как напоминание о награде после приложения усилий. Загадка, особенно книжного происхождения, легко смыкается с афоризмами и попадает в сборники пословиц из-за близости жанровой природы. Их объединяют компактность, иносказатель-

ность, назидательность, и в книжной среде все эти тексты зачастую воспринимались как «жемчужины», которые мудрец может извлечь из глубин памяти и применить к случаю. Более интересны случаи, когда такой текст функционирует в качестве подписи под картинкой. Картинка, будучи второстепенным компонентом, нередко показывает смысловое приращение, не проявляющееся в тексте загадки. Например, коронованной «птицей-девицей» украшен текст с загадкой о смерти в каллиграфическом свитке XVII в. Визуально иллюстрация выполняет функцию виньетки и разделяет параболический текст на условие и объяснение. Но в то же время изображенная птица становится персонажем, поскольку соотносится с той, что бросает сорванные цветы в корыто. В тексте птица не конкретизируется и, насколько известно, в вариантах этой загадки не появляется Сирий или подобный тип легендарного существа – тем показательнее, что писец совмещает эти книжные реалии. Когда картинка превращается из декоративного в игровой компонент, пословицы и другие готовые тексты небольшого объема могут приобретать форму загадки, – форму, позволяющую напрямую обратиться к собеседнику, создать ощущение диалога. Так, в альбоме «Картинная книга» князя Т.И. Енгальчева изображение одетого в разную обувь человека с грудой сельскохозяйственных инструментов сопровождает подпись: «Сам барин, сам холоп, сам он пашет и орет и с крестьян оброк берет: отгадайте...». Едва ли имеется в виду абстрактный «однодворец»: исходя из общего контекста сборника, в котором живописные фигуры приглашают на охоту, повествуют о рождении необычного барашка и других домашних обстоятельствах, можно предположить, что речь идет о применении формульного текста к конкретной ситуации, как бывает с мемами.

Доклад Н.В. Буцких (Центр исследований древнерусской культуры «Зело», С.-Петербург) «Зерно и антихрист: варианты толкований загадок в древнерусской книжности» был посвящен обзору толкований загадок в русских рукописях XIV–XVII вв. Исследователем отмечен афористический потенциал древнерусской загадки, позволяющий ей менять смысл в зависимости от набора окружающих текстов, но, в отличие от доклада О.А. Кузнецовой, основное внимание было сосредоточено на практике разгадывания, игре с читателем и авторской интерпретации. Наряду с предсказуемыми стратегиями появления новых ответов (например, заменяемые в контексте загадки о борцах абстрактные оппозиции правда – кривда, день – ночь, жизнь – смерть; или возникающие при смене стилового регистра «превращения» Ионы во чреве кита в тучу с громом, петуха в колокол, пчелиного улья в колыбель и др.) были кропотливо собраны и прокомментированы окказиональные варианты. Так, по-видимому, бытовая загадка о хлебе была переосмыслена Максимом Греком в качестве высказывания об Антихристе.

Два доклада было сделано на секции «Количественные методы анализа малых фольклорных жанров».

В.В. Нагорных (МГУ имени М.В. Ломоносова) представила доклад «Этнокультурные стереотипы в анекдотах сквозь призму конкорданса». Автор напоминает, что анекдот в русской системе речевых жанров занимает особое место и обладает уникальными языковыми характеристиками. Е.Я. и А.Д. Шмелевы характеризуют анекдот как «короткий связный текст (причем соответствующий как грамматической и синтаксической, так и смысловой связанности), произносимый говорящим намеренно, со специальной целью рассмешить слушающего, понятный слушающему, произносимый в определенной ситуации, в которой уместно рассказывание анекдота, и связанный интертекстуальными связями с другими анекдотами и сте-

реотипами анекдотического пространства». Основываясь на этих определениях, целесообразно рассмотреть особенности употребления лексем, обозначающих разные этносы, на материалах конкорданса коллекции анекдотов 1991–1993 гг. кафедры русского устного народного творчества и конкорданса, созданного на основе указателя советских анекдотов М.А. Мельниченко.

В докладе Е.П.Кузнецовой (МГУ имени М. В. Ломоносова) «Формульные сочетания как параметр поиска по полнотекстовой базе данных (на материале заговоров, поверий и причитаний)» рассматривается проблема поиска и анализа устойчивых коротких формул в русских фольклорных текстах, а именно в заговорах, поверьях и причитаниях. Для решения поставленной задачи были использованы две полнотекстовые базы данных: «База данных Полесского архива» и «Словарь семантических единиц “Русские причитания”». Основной акцент сделан на использовании автоматизированных методов поиска для выявления формульных конструкций в заговорах, причитаниях и поверьях. В рамках данного исследования проводились поиски по конкретным словосочетаниям, таким как «ясны очи», «проглядеть очи», «желты пески», «ключ-замок», «замки железные», «замки немецкие», «сердце ретивое». Эти формулы представляют собой характерные примеры устойчивых выражений, встречающихся в фольклорных текстах разных жанров. В докладе обсуждается эффективность поиска в базах конкретных словесных формул в сравнении с поиском по ключевым словам-терминам («очи», «пески», «ключ», «замок», «сердце» и др.). Результаты показали, что использование поиска по формульным сочетаниям позволило существенно расширить возможности исследования устойчивых формул в фольклоре, что открывает новые перспективы для изучения устной традиции.

На секции «Паремии как инструмент литературной игры» также было сделано два доклада. Л.А. Трахтенберг (МГУ имени М.В. Ломоносова) выступил с докладом «Пословицы и поговорки в сатирических журналах 1769 г.». Автор проанализировал публикации восьми издававшихся в 1769 г. в Петербурге журналов, вошедших в историю русской литературы под названием сатирических: «Всякая всячина», «И то и се», «Ни то ни се», «Полезное с приятным», «Поденщина», «Смесь», «Трутень», «Адская почта». Из них наиболее известны «Всякая всячина» – первый по счету журнал, послуживший для других образцом формы, созданный по инициативе Екатерины II, и «Трутень», завоевавший наибольшую популярность среди современников и ставший началом литературной карьеры Н.И. Новикова. А в аспекте связей с фольклором наиболее интересен второй по счету журнал, «И то и се», издатель которого, М.Д. Чулков, на протяжении многих лет проявляет интерес к народному творчеству. Стиль этого журнала отмечен использованием многочисленных пословиц; та же черта характерна для романа Чулкова «Пригожая повариха». Вместе с тем пословицы и поговорки можно встретить и в других журналах. Есть они и во «Всякой всячине», и в «Трутне». Там их меньше, и оттого они не так заметны, поэтому обычно не привлекают к себе внимания исследователей. Различие между журналами в использовании пословиц и поговорок не только количественное, но и качественное; эти жанры выполняют в текстах разные функции.

В докладе А.В. Сухоставской (МГУ имени М.В. Ломоносова) «“Мышь – наше все”: авторский афоризм как паремия (на примере романа Т. Толстой “Кысь”»)» указано, что эпоха конца XX – начала XXI в. в литературе ознаменована расцветом постмодернизма, раскрывшегося в искусстве через ряд характерных особенностей, одной из которых является деструкция. В рамках исследования современных произведений справедливо, по мнению автора, утверждать, что разрушение

актуализируется на всех уровнях текста, включая лексический. Деструкция фразеологических единиц приводит к утрате их изначальной семантики. В докладе на примере романа Т.Н. Толстой «Кысь» рассмотрено преобразование общеизвестных паремий, показана вариативность способов изменения лексической структуры изречений народного происхождения и проанализированы полученные авторские афоризмы как инструмент достижения коммуникативной цели произведения.

Завершила конференцию секция «Малые фольклорные жанры внутри больших», где с содокладом «Вербальные и акциональные компоненты формул невозможного в восточнославянских мифологических рассказах» выступили С.К. Мамонова и К.О. Полковникова (МГУ имени М.В. Ломоносова). Авторы проанализировали формулы невозможного – стилистическую универсалию, встречающуюся в текстах различных фольклорных жанров. Исследователи (А.А. Потебня, П.Г. Богатырев, Б.П. Кирдан, Т.А. Агапкина) рассматривали их исключительно как прием, который отвечает функциональной направленности текста. Как отмечает Т.А. Агапкина, в заговорах формулы невозможного «являются своего рода гарантией “невозвращения” болезни». В лирической песне с помощью формул невозможного может создаваться образ долгой разлуки или обозначаться невозможность влюбленных быть вместе. Кроме того, они могут использоваться для создания комического эффекта, как это происходит в эпических скоморошинах-небылицах или шуточных песнях (см., например: «Да и где же это виданое, // Да и где же это слыханое, // Чтобы курочка барана родила, // Поросеночек яичко снес, // Мужичок ребенка принес» [АКФ 2007. Т. 1. № 597])¹. Специфика формул невозможного заключается в том, что они, будучи единицей вербального уровня, способны приобретать акциональный эквивалент. Наиболее наглядно это представлено в мифологических рассказах с сюжетом, где девушка, имитируя различные абсурдные действия, изгоняет посещающего ее мифологического любовника. На восточнославянской территории этот сюжет существует в нескольких версиях: в наиболее распространенной из них девушка расчесывает волосы над жареным конопляным семенем, грызет его у порога, на вопрос мифологического любовника: «Что же ты делаешь?» – она отвечает: «Вшей ем». Мифологическое существо удивляется и говорит: «Как же может человек вшей есть?» – на что девушка отвечает: «Как же может мертвый к живому ходить?» – после чего нечистая сила исчезает. В других версиях девушка говорит, что собирается женить брата на сестре / идет на свадьбу к куму и куме / моется в избе / доит лошадь. В связи с подобными текстами докладчицы рассматривают следующие вопросы: (1) как в мифологических рассказах соединяются акциональный и вербальный компоненты; (2) какую роль в коммуникации между миром живых и миром мертвых выполняют формулы невозможного; (3) почему именно абсурд становится эффективным способом разоблачения нечистой силы.

Сведения об авторе:

Василий Александрович Ковпик,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vasily A. Kovpik,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

kovpik@yandex.ru

¹ АКФ – архив фольклорных экспедиций и полевых практик кафедры русского устного народного творчества филологического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова.

О.В. Гусева, И.И. Куимов (Санкт-Петербург, Россия)

**О Международной научной конференции СПбГУ
«XXIII Славистические чтения памяти
проф. П.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова»
(12.09.2024–14.09.2024)**

Аннотация: 12–14 сентября 2024 г. на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета состоялась научная конференция «XXIII Славистические чтения памяти проф. П.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова». Конференция проводится по инициативе кафедры славянской филологии СПбГУ с 1999 г., в последние годы в формате биеннале. Мероприятие является данью памяти и уважения выдающимся ученым, с именами которых связано восстановление славистики в Ленинградском университете после окончания Второй мировой войны. Проф. П.А. Дмитриев более тридцати лет возглавлял кафедру славянской филологии Ленинградского, а затем Санкт-Петербургского государственного университета, все эти годы рядом с ним работал его друг проф. Г.И. Сафронов. На конференции прозвучало 70 докладов, в которых были затронуты различные вопросы истории, современного состояния и перспектив развития славяноведения.

Ключевые слова: славянская филология, история славяноведения, проф. П.А. Дмитриев, проф. Г.И. Сафронов

O.V. Guseva, I.I. Kuimov (St. Petersburg, Russia)

**On the International Scientific Conference of St. Petersburg State University
«XXIII Slavic Readings in Memory of Prof. P.A. Dmitriev and Prof. G.I. Safronov»
(12.09.2024–14.09.2024)**

Abstract: On 12–14 September 2024, the scientific conference “XXIII Slavic Readings in Memory of Prof. P.A. Dmitriev and Prof. G.I. Safronov” was held at the Philological Department of St. Petersburg State University. The conference has been organised on the initiative of the Department of Slavic Philology of St. Petersburg State University since 1999, in recent years in the format of a biennale. The event is a tribute to the memory and respect for the outstanding scientists, whose names are associated with the restoration of Slavic studies at Leningrad University after the Second World War. Prof. P.A. Dmitriev headed the Department of Slavonic Philology at Leningrad and then St. Petersburg State University for more than thirty years, and his friend Prof. G.I. Safronov worked alongside him all these years. There were 70 reports at the conference, which touched upon various issues of the history, current state and perspectives of development of Slavic studies.

Key words: Slavonic philology, history of Slavonic studies, Prof. P.A. Dmitriev, Prof. G.I. Safronov

С 12 по 14 сентября 2024 г. в Санкт-Петербургском государственном университете в двадцать третий раз прошли «Славистические чтения памяти проф. П.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова». Конференцию проводит кафедра славянской филологии СПбГУ с 1999 г. В 2024 г. исполнилось сто лет со дня рождения проф. Германа Ивановича Сафронова (1924–1997) – фронтовика, который после окончания Великой Отечественной войны в 1946 г. поступил на славянское отделение филологического факультета Ленинградского государственного университета. Вместе со своим другом – Петром Андреевичем Дмитриевым (1928–1998) – Г.И. Сафронов участвовал в послевоенном возрождении советского славяноведения. П.А. Дмитриев с 1964 по 1998 г. был заведующим кафедрой славянской филологии Ленинградского, а затем Санкт-Петербургского государственного университета. Основной специализацией П.А. Дмитриева и Г.И. Сафронова был сербохорватский язык, их интересовала история формирования сербохорватского литературного языка и сербохорватской литературы, культурные связи Сербии и России, но также они занимались широким спектром вопросов современного славяноведения. Важнейшие из работ, созданных ими в соавторстве, – «Из истории русско-югославянских литературных и научных связей» (1975) и «Сербия и Россия (страницы истории культурных и научных взаимосвязей)» (1997). Кафедра славянской филологии СПбГУ бережно хранит память о первом послевоенном поколении профессоров – их считают своими учителями многие из нынешних славистов, которые работают в разных учебных и научных заведениях России и мира.

В соответствии с широкими научными интересами П.А. Дмитриева и Г.И. Сафронова, тематика прозвучавших на конференции докладов охватывала различные области славяноведения, объединенные в четыре секции: «Русский язык в Славии», «Межкультурные контакты славянского мира», «Актуальные проблемы изучения истории славяноведения» и «Славянская филология сегодня: лингвистика, литературоведение, методика преподавания». Среди участников конференции были слависты из Санкт-Петербурга, Калининграда, Москвы, Казани, Самары, Саранска, Ижевска, Воронежа, Чебоксар. В конференции приняли участие ученые из Англии, Беларуси, Болгарии, Венгрии, Македонии, Сербии, Португалии, Республики Сербской (Босния и Герцеговина), Тайваня. Всего было заслушано 70 докладов. К началу конференции был издан электронный сборник тезисов докладов¹.

Конференцию открыла заведующая кафедрой славянской филологии СПбГУ О.В. Раина, рассказав о научном наследии П.А. Дмитриева и Г.И. Сафронова, об их вкладе в развитие славянской филологии. На первом пленарном заседании прозвучали доклады профессора МГУ имени М.В. Ломоносова А.Г. Шешкен «Славянские и русская литературы в свете компаративистики. Опыт преподавания» и заведующей отраслевым отделом по направлению филология Научной библиотеки имени М. Горького СПбГУ О.В. Васильевой «История славистики в Санкт-Петербургском университете: электронные источники данных на портале СПбГУ». Заключительное пленарное заседание было посвящено методике преподавания славянских языков в российских вузах: В.М. Мокиенко, В.В. Муштинская и А.В. Тоичкина рассказали о развитии украинистики в СПбГУ, а Е.В. Тимонина

¹ XXIII Славистические чтения памяти проф. П.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова: Сб. тезисов / Ред. О.В. Гусева, М.Ю. Котова. СПбГУ: Санкт-Петербургский государственный университет, 2024. 142 с.: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/47468> (дата обращения: 29.09.2024).

о подготовке болгаристов-исследователей в МГУ имени М.В. Ломоносова. После первого пленарного заседания у участников конференции была возможность посетить могилу Г.И. Сафронова на Смоленском кладбище.

Основные заседания секций проходили 13–14 сентября. На секции «Русский язык в Славии» рассматривались вопросы морфологии и синтаксиса русского языка в сопоставлении с другими славянскими языками, актуальные проблемы сопоставительных русско-славянских лексикологии, фразеологии, паремиологии и лингвокультурологии, а также проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы в российских и зарубежных университетах. Здесь прозвучали доклады проф. Е.Ю. Ивановой «Оценочная глагольная лексика: грамматические ограничения и проблемы перевода», проф. Л.Б. Карпенко «О системных расхождениях при переводе с русского языка на болгарский», проф. М.Ю. Котовой «Именная вариантность активно употребительных русских пословиц на фоне их актуальных словацких пословичных параллелей», проф. В.М. Мокиенко «Библейское крылатое слово в Славии» и др.

Секция «Межкультурные контакты славянского мира» была посвящена межславянским культурным контактам, вопросам межславянского перевода и взаимосвязи славянских культур. Доц. А.В. Бабанов выступил с докладом «“Машина времени” в славянских литературах 20-х – 30-х гг. XX века (А. Слонимский, В.В. Маяковский, М.А. Булгаков)», проф. Е.Е. Бразговская рассказала «О совершенстве несовершенных языков (по страницам текстов славяноязычных авторов)», прозвучали доклады доц. О.В. Гусевой «Стратегии переводчиков в переводе драм Станислава Пшибышевского на русский язык», ассистента И.В. Гучковой «Устойчивые выражения в проповедях Г.Ст. Венцловича на сербском народном языке (XVIII в.), восходящих к барочной гомилетике», аспиранта А.В. Юровой «Возможности перевода фразеологизмов с польского на русский язык (на материале польских народных сказок из собрания О. Кольберга)». Проблеме восприятия русской культуры и других славянских культур в неславянских странах были посвящены доклады И.Е. Зимони-Калининой и И. Бенце «О рецепции произведений русских авторов в театрах современной Венгрии», доц. Н.Б. Ершовой «Пьесы А.Н. Островского на английской сцене».

На секции «Актуальные проблемы изучения истории славяноведения» обсуждались вопросы истории и трансформация прошлого в настоящем в современных славянских странах, а также межславянские культурные связи. Два доклада были посвящены столетию со дня рождения патрона конференции – проф. Г.И. Сафронова: доклад М.Л. Бершадской и доцента А.В. Бабанова «К 100-летию со дня рождения Германа Ивановича Сафронова» и доклад ст. преподавателя А.А. Корзининой «Вклад Г.И. Сафронова в развитие изучения славянских литературных взаимосвязей. Слово к молодому поколению славистов-литературоведов к 100-летию ученого».

Секция «Славянская филология сегодня: лингвистика, литературоведение, методика преподавания» была посвящена важнейшим вопросам славянского литературоведения, языкознания и глоттодидактики. Были заслушаны доклады доцента Е.И. Колосовой «Устойчивые сочетания с глаголом *mieć* в польском молодежном сленге», ст. научного сотрудника М.М. Кондратенко «Особенности манифестации дополнительных сем в славянских народных обозначениях времени», ст. преподавателя А.Г. Мосинец «Фразеологизированные конструкции обусловленности с целевыми союзами в болгарском языке», доцента В.В. Мушинской «Роль “Словаря украинского языка” под редакцией Б. Гринченко в кодификации украинского языка».

Важным решением, принятым организаторами конференции, стало участие в конференции студентов и магистрантов кафедр – так сохраняются традиции и

формируется научная преемственность поколений. В тандеме с научными руководителями прозвучали доклады доцента О.В. Раина и студентки А.В. Петровой «К вопросу о переводе на польский язык рассказа А.П. Чехова “Каштанка”», студента И.И. Куимова и доцента О.В. Гусевой «Варшавский текст в современной польской музыке», ст. преподавателя Н.В. Сивенковой и студентки А.С. Абрамкиной «Лингвокультурологические особенности фразеологизмов с компонентом-антропонимом (на материале русского, болгарского, польского, английского и французского языков)», ст. преподавателя А.Г. Мосинец и студентки А.С. Киселевой «Перевод названий англоязычных мультипликационных фильмов на болгарский язык».

Студенты и магистранты кафедры славянской филологии СПбГУ оказали большую помощь организаторам в подготовке и проведении конференции. В первые дни конференции они регистрировали участников и гостей, оказывали техническую и организационную поддержку, при проведении пленарных заседаний и секций конференции обеспечивали стабильную демонстрацию презентаций и иллюстративных материалов, подключали для выступлений дистанционных участников конференции. В ответственность студентов и магистрантов входило также обеспечение гостей питьевой водой и подготовка помещений для заседаний, координация участников по достаточно запутанному зданию филологического факультета и фотографирование процесса докладов и обсуждений. Благодаря грамотному и сплоченному тандему руководителей конференции и секций с волонтерами из числа студентов и магистрантов кафедры славянской филологии СПбГУ все мероприятия прошли в установленном программой порядке и принесли большое количество положительных впечатлений участникам и гостям.

Следующие «Славистические чтения памяти проф. П.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова» состоятся в 2026 г.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

XXIII Славистические чтения памяти проф. П.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова: Сб. тезисов / Ред. О.В. Гусева, М.Ю. Котова. СПбГУ: Санкт-Петербургский государственный университет, 2024. 142 с. / XXIII Slavistic Readings in Memory of Prof. P. A. Dmitriev and Prof. G. I. Safronov: Collection of Abstracts / Eds.: O.V. Guseva, M.Yu. Kotova. SPbSU: Saint Petersburg State University Press, 2024. 142 p. <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/47468> (date accessed: 29.09.2024).

Сведения об авторах:

Ольга Валерьевна Гусева,

канд. филол. наук

доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Olga V. Guseva,

PhD

Associate Professor

Saint-Petersburg University

o.guseva@spbu.ru

Иван Ильич Куимов,

магистрант

Санкт-Петербургский государственный университет

Ivan I. Kuimov

Master's Student

Saint-Petersburg University

st069170@student.spbu.ru

П. Левина, Г. Остробородова (Москва, Россия)

«Поворот винта» Генри Джеймса: опыт столкновения с неизвестным в «атмосферной» повести и ее адаптациях. (Круглый стол «Секрет “атмосферной” прозы, или Поворот винта от Генри Джеймса» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 11 декабря 2024 г.)

P. Levina, G. Ostroborodova (Moscow, Russia)

“The Turn of the Screw” by Henry James: Clash with the Unknown in the “atmospheric” Long Story and Its Adaptations. (Round Table “The Puzzle of ‘Atmospheric’ Prose, or The Turn of the Screw by Henry James” (Lomonosov Moscow State University, December 11, 2024)

В декабре 2024 г. на филологическом факультете МГУ состоялся уже третий из серии молодежных круглых столов, посвященных классическим литературным произведениям и их адаптациям. Темой первых двух стали «Драма на охоте» А.П. Чехова (27 ноября 2023 г.) и рассказ «Слюни дьявола» Х. Кортасара (18 марта 2024 г.). 11 декабря разговор об известных произведениях и их адаптациях продолжился. В этот раз объектом интереса молодых исследователей стала повесть Генри Джеймса «Поворот винта» – одна из самых знаменитых историй о призраках, ставшая основой для многочисленных адаптаций для сцены и экрана (фильмов, сериалов, оперы¹). С разных сторон рассматривая повесть и ее адаптации, докладчики пытались ответить на центральный вопрос: благодаря чему и в повести, и в адаптациях создается «эффект атмосферности»² – или ощущение тайны, загадки, страха, которое охватывает и не отпускает читателя или зрителя?

Открыла круглый стол проф. Т.Д. Венедиктова. Она рассказала о теме и структуре события и пригласила выступающих для вступительных реплик, предшествующих студенческим докладам. Реплики были посвящены предмету круглого стола (повести Джеймса) и основной категории изучения (атмосферности). Проф. И.В. Головачева (СПбГУ) кратко осветила проблематику, связанную с изучением

¹ Некоторые адаптации: «Невинные» («The Innocents», 1961, реж. Дж. Клейтон), «Ночные пришельцы» («The Nightcomers», 1971, реж. М. Уиннер), «Поворот винта» («Le tour d’écrou», 1974 года, реж. Р. Руло), «Поворот винта» («Turn of the Screw», 2009, реж. Т. Файвелл), сериал «Призраки усадьбы Блай» («The Haunting of Bly Manor», 2020, реж. Майк Флэнаган), опера Б. Бриттера «Поворот винта» («Turn of the Screw», 1954)

² «Атмосфера» в современной нарратологии определяется как «аффективно заряженное пространство» (Hven S. Enacting the Worlds of Cinema. Oxford, 2022. P. 41), «эффект атмосферности» – ощущение, что той или иной «атмосферой» обладает место / ситуация / текст, – может моделироваться средствами разных медиа.

«Поворота винта» Г. Джеймса. Исследовательница сосредоточила внимание на бесконечных возможностях интерпретации этого текста и новых вопросах, которые возникают во время его чтения и осмысления – начиная с главного вопроса «Были ли призраки?» и заканчивая вопросами о точном времени действия, степени авторской иронии и мотивах нелогичного поведения героини. Головачева охарактеризовала также соотношение композиции (деление на главы) с сюжетными поворотами и обратила внимание на то, что, хотя распределение сюжетных поворотов по главам повести неравномерно, их количество совпадает с количеством глав. Такое обилие «поворотов» и их неравномерное распределение по тексту «Поворота винта» способствует поддержанию нарративного интереса читателя, а также создает тревожную, напряженную атмосферу повести.

Со второй вступительной репликой выступила П.Ю. Рыбина (МГУ). В коротком выступлении «“The Air in Which We Move”: атмосферность и медиа» исследовательница обрисовала подход к изучению категории атмосферности в современной медиалогии, опираясь на тезис, согласно которому окружающая среда может накапливать чувства и заражать ими субъектов (например, во время просмотра триллера зритель может «заразиться» тревогой), а разные медийные средства способствуют варьированию «эффекта атмосферности». Введение термина «атмосферность» в научную дискуссию дает возможность описать эффект воздействия того или иного произведения, возникающий буквально «из ничего», «из воздуха». Анализу этого эффекта уделили внимание в своих докладах участники двух основных секций круглого стола.

В докладах первой секции, объединенных обращенностью к тексту повести Г. Джеймса, исследователи стремились ответить на вопрос, где и как рождается атмосферность в «Повороте винта». В центре их внимания была проблема влияния «атмосферного» текста на читателя, процесс его вовлечения в атмосферу, способы удержать его внимание, смоделировать в нем опыт столкновения с неизвестным, загадочным и опасным.

В первых двух докладах исследователи сосредоточились на рассмотрении атмосферности в двух ключевых позициях повести – ее прологе и финале (С. Емельянова, О. Бушин). Темпоральному аспекту атмосферы в тексте Джеймса был посвящен доклад А. Чеботаревой; о пространственном измерении повести говорила в своем выступлении П. Ходорковская. Тематика нескольких докладов касалась мотивной структуры произведения: так, С. Волков рассказал о неравнодоступности знания в «Повороте винта», а К. Мосина – о бунте детей. Оба мотива представляют большой интерес при анализе атмосферы тайны и ужаса. В докладах Г. Остробородовой и А. Нечаевой способы создания эффекта неопределенности рассмотрены в контексте философской проблематики произведения (в центре внимания Остробородовой лиминальность образа гувернантки у Джеймса; Нечаева рассмотрела аффективную сторону образа «другого»). Лингвистический подход к анализу литературного текста нашел отражение в докладе Е. Левушкиной, исследовавшей употребление глагола «знать» в повести как одного из инструментов моделирования читательского недоверия.

Таким образом, выступления докладчиков на первой секции Круглого стола вылились в плодотворное обсуждение, посвященное способам создания, функциям и эффектам атмосферности в литературном тексте. Из приведенных ниже резюме докладов следует, что конструирование таинственной и устрашающей атмосферы в «Повороте винта» происходит благодаря целому ряду нарративных

приемов: авторской игре с фокализацией, утаиванию повествователем определенной информации о мире, лакунарности рассказа и т. д.

Первую секцию открыл доклад С. Емельяновой (МГУ) «Кто запускает вечный двигатель? Выразительность пролога в “Повороте винта”». Исследовательница замечает, что «сокрытый двигатель» повествования в повести Джеймса присутствует в самой первой (рассказанной гостями) истории о мальчике, который испугался привидения. По мнению докладчицы, в прологе Джеймс предвосхищает рецептивный эффект повести – иллюзорное приближение к пониманию-успокоению, которого так по-настоящему и не удается достичь. Таким образом, в прологе повествователь запускает сокрытый двигатель нарратива, а читатель становится частью этого механизма. Так обеспечивается целостность текста, что порождает новые интерпретации и интригующий эффект, лишь усиливающийся при повторном чтении.

Доклад О. Бушина (МГУ) «Атмосфера “сверхъестественного ужаса”»: выразительность финала в “Повороте винта”» посвящен анализу развязки повести. В своем анализе атмосферности автор опирается на метафору «сверхъестественный ужас», предложенную Г. Лавкрафтом. Согласно Лавкрафту, «сверхъестественный ужас» строится не столько на подробном описании страшных событий и явлений, сколько на достоверном изображении психологических реакций персонажей на нечто необъяснимое, что не может быть вписано в привычную модель реальности и свидетельствует об ограниченности знаний героев о мире. Именно так, по мнению докладчика, создается эффект ужаса в сцене на последних страницах произведения, когда гувернантка переживает смерть Майлза, своего подопечного: «естественная» смерть ребенка, не получая никакого «логического» объяснения, становится «сверх-естественной» и разрушает картину мира главной героини. Узнаваемая атмосфера повести моделируется в том числе и за счет намеренного ограничения автором информации о природе фантастического в произведении, доступной героям и читателям.

Два других доклада посвящены двум аспектам хронотопа в «Повороте винта»: временному и пространственному. В докладе А. Чеботаревой (МГУ) «“Мгновение длилось так долго...”: встреча с призраком как временной парадокс» было предложено остановиться на темпоральной стороне переживаемого героями и читателем аффекта. Исследовательница замечает присутствие в тексте иной нарративной стратегии: всякий раз, когда рассказчица сталкивается с призраком, в ее повествовании обнаруживается загадочная «необычайная минута» – аффективно заряженная временная лакуна. Переживания, испытываемые героиней в эти моменты, характеризуются ощущением невыразимости, напряженности, сверхъестественного предчувствия, протекающего как бы вне времени. По мнению докладчицы, такой провал служит усилению «атмосферного» эффекта и вовлечению читателя в повествование, ведь само переживание, внутренняя наполненность «мгновения» – предмет столько же описания, сколько умолчания. Иными словами, подчеркиваемая растянутость мгновения не только «затягивает» читателя, удерживая его внимание, но и заставляет его домыслить чувства героини, испытать их самостоятельно, т. е. вступить в активное взаимодействие с литературным текстом.

В докладе «“Представь себя на моем месте”»: мотив вживания в повести Г. Джеймса “Поворот винта” и в романе “Единорог” А. Бьерке» П. Ходорковская (МГУ) анализирует пространственное измерение описываемых в повести событий, что, по ее мнению, также влияет на моделирование атмосферы. В частности,

докладчица проблематизирует топос, который обживают герои, когда занимают место, до тех пор принадлежавшее другим персонажам. В «Повороте винта» примером такого положения является эпизод в столовой, когда гувернантка буквально встает на место только что исчезнувшего призрака. Занимая место Другого в пространстве, она перенимает его роль – и суть ситуации открывается ей в тот самый момент, когда она соприкасается с локусом – своего рода сосудом, вмещающим переживания и воспоминания. Подобное вживание в роль Другого, однако, небезобидно, поскольку влияет на состояние вступающего в этот локус: гувернантка, по мнению исследовательницы, лишь сильнее уподобляется призраку, когда занимает его место в пространстве.

Проблеме Другого посвящено сообщение А. Нечаевой (ГМИРЛИ) «Упорядочение вразнос, или Стремление к Другому в повести Г. Джеймса “Поворот винта”». В центре ее внимания анализ описанного в повести опыта «чужого» как неосвоенной (но стремящейся к освоению) формы Другого, который в тексте воплощается в образах призраков и детей. Как показано в докладе, приближение к «чужому» опыту в истории Джеймса до конца не реализовано: гувернантка, пытаясь повлиять на Майлза и Флору, лишь отдаляет их от себя, скрывая за заботой жажду власти. Одним из доказательств тому служит кольцевая композиция повести: сначала в тексте преобладает атмосфера неустойчивости, затем следуют стремление к власти и борьба за контроль, после чего основной эмоциональной доминантой вновь становится неустойчивость. В итоге фигура призрака как Другого помогает сделать «неопределенность» и «колебание» основными чертами текста и создать соответствующую атмосферу.

Результаты исследований, посвященных изучению богатой мотивной канвы «Поворота винта», были представлены в нескольких докладах. С. Волков (МГУ) в докладе «*Scientia potentia est?*» сосредоточил внимание на мотиве неравнодоступности знания в повести Г. Джеймса, показав, что, несмотря на социальные отношения, которые обычно связывают гувернантку и ее учеников, обмена знанием между Майлзом, Флорой и их учительницей, при всей тесноте их общения, в повести не происходит, равно как между гувернанткой и миссис Гроуз. Это приводит к своего рода дисбалансу знания в произведении: ученики оказываются более осведомлены, чем их учительница. Если рассматривать знание (зачастую сокрытое) как источник силы и власти, то перевес оказывается на стороне детей. Такой дисбаланс силы представляет собой один из источников нарративного трения в «Повороте винта», создающих атмосферу опасной тайны, так до конца и непостижимой.

Природе знания в повести Джеймса посвящен доклад Е. Левушкиной (МГУ), применившей лингвистический подход к анализу произведения. В сообщении «О глаголе “знать” в форме первого лица в повести Генри Джеймса “Поворот винта”» она отмечает, что наличие «знания», природа которого неясна, хотя ценность несомненна, в ряде коммуникативных ситуаций приписывается собеседнику (второму лицу) или третьему лицу / лицам. Автор доклада обнаруживает, что чаще всего в повести используется фраза в форме первого лица (I know) – в сценах, когда рассказчица повествует о своих усилиях проникнуть в «сговор» детей и призраков. В то же время в докладе отмечено, что «знание» героини предшествует восприятию и потому лишено эмпирической основы, и потому читатель быстро догадывается, что гувернантка преувеличивает или лжет. Анализ глагольных форм приводит докладчицу к выводу, что высказывание «я знаю» интерпретиру-

ется читателем как действие, которое вовлекает его в сложную игру: он не может не доверять рассказчице, но не может быть и до конца уверен в ее искренности.

Продолжила исследование тематических аспектов произведения Джеймса К. Мосина (МГУ) в докладе «Что, если это бунт детей?». Овечая на заглавный вопрос, докладчица подробно рассматривает мотивы бунта и непокорности в повести Джеймса, а также подчеркивает двойственную природу образов детей: Майлз и Флора одновременно и беспомощные жертвы, которых рассказчица пытается защитить от сил зла, и хитрые заговорщики, которые со злом заодно. Получается, что дети в повести лишены агентности, способности претворять в жизнь собственную волю (несколько раз они просят гувернантку «оставить их в покое» и – безрезультатно). Однако докладчица предлагает свой способ прочтения повести, рассматривая образ призрака как метафорическое воплощение воли детей, отвергнутой гувернанткой: может быть, не призраки используют детей, а дети – призраков в игре против порядков взрослого мира? Тем не менее, заключает автор доклада, эта детская игра оканчивается трагически: неповиновение приводит к смерти.

Тему амбивалентности персонажей продолжила в своем докладе «О лиминальности образа гувернантки в новелле Г. Джеймса «“Поворот винта”» Г. Остробородова (МГУ). Для этого она обратилась к концепции лиминальности (т.е. «пороговости», «переходности»), впервые разработанной антропологами А. ван Геннепом и В. Тернером. Гувернантка в викторианской литературе, как показывает докладчица, является лиминальной фигурой, – по выражению В. Тернера, «ни то ни се» (*betwixt and between*): прибывающая в дом гувернантка, образованная, но незнатная, чужая, но заменявшая своим воспитанникам мать, – прислуга – и в то же время член семьи. Иными словами, гувернантка зачастую переходила те самые границы, которые должна была защищать, что делало ее опасной фигурой в глазах викторианской элиты. Данное прочтение позволяет увидеть в образе главной героини повести Джеймса отражение глубоких изменений в структуре власти и знаний, происходивших в культуре того времени, найти в ней воплощение потаенных страхов викторианского общества, касающихся социальных, гендерных и сексуальных трансгрессий. К тому же обнаруживается поразительное сходство между образами гувернантки и призраков – тех самых, от которых она стремится спасти своих подопечных.

Основной вопрос второй секции Круглого стола – «Как разглядеть и расслышать атмосферность?». В первых трех докладах (Е. Сосиной, А. Тулиной и Д. Петропавловской) как средство передачи эффекта атмосферности в тексте Джеймса рассматривались тишина и молчание. Другие доклады были посвящены не только повести Г. Джеймса, но и ее (пере)осмыслениям в адаптациях для сцены и экрана, при этом три доклада (В. Матях, П. Левиной и Д. Алиевой) были посвящены исследованию способов создания эффекта атмосферности в адаптациях с помощью аудиальных средств. Таким образом, материал докладов второй секции круглого стола позволяет выделить одну из основных стратегий адаптации «Поворота винта»: «зловещая тишина», служившая в тексте Джеймса одним из основных способов передачи атмосферы страха, сверхъестественного ужаса, в адаптациях часто заменяется звуком – шумом, голосами, музыкой, – создающими похожий эффект. Другие адаптационные стратегии были рассмотрены в трех последних докладах секции (М. Москотиной, Э. Умеровой, П. Бочковой), посвященных различным экранизациям повести.

Е. Сосина (МГУ) в докладе «О тишине и “атмосферных возмущениях” в повести Г. Джеймса “Поворот винта”», отталкиваясь от того, что в повести часто появляется слово «тишина» и его синонимы, предлагает альтернативный взгляд на изменения атмосферы в произведении – через призму «метеорологической» метафоры, прямого значения слова, атмосферы как «воздушной среды, в которой распространяются звуковые волны», пространства динамики тишины и звука. При таком взгляде на произведение усадьба Блай оказывается местом, где царят тишина, неподвижность воздуха, нарушаемые приездом гувернантки, стремящейся голосом упразднить эту тишину – «взволновать» атмосферу, вызвав столкновение разнонаправленных потоков воздуха, которые могут привести к возникновению оптических иллюзий, миража (призраков). По мысли докладчицы, через «метеорологическую» метафору можно объяснить и эмоции, которые появляются при прочтении текста: основания для появления миража остаются непроясненными (и не проговариваются четко, мираж ли это), что и вызывает тревогу и недоумение. Таким образом, атмосфера как воздушная среда и как «аффективно заряженное» пространство текста пересекаются – одно объясняется через другое.

Тема тишины, заявленная в первом докладе секции, продолжается в докладе А. Тулиной (МГУ) «Как звучит молчание в “Повороте винта?”». Мотив молчания докладчица связывает с той действительностью, которую конструирует для себя гувернантка: тишина рассматривается как характеристика не объективной реальности, а ментального пространства героини, как «продукт ее собственного сознания». Реальность, построенная по законам молчания, вовлекает окружающих: так, на «языке молчания» гувернантка общается с Флорой, своей подопечной. Этот доклад перекликается с предыдущим, так как в обоих заявлено, что именно нарушение молчания служит средством создания неуверенной и напряженной атмосферы. Когда произносится имя призрака, границы, очерченные безмолвием, стираются, и перед читателем начинает проступать объективная реальность. Это заставляет воспринимать рассказчицу как «ненадежную», а пространство произведения – как нестабильное, неустойчивое.

Тема молчания развивается и в докладе Д. Петропавловской (МГУ) «Насилие как фигура умолчания: источник “нравственного смятения” (moral panic)». Молчание здесь рассматривается уже не как характеристика гувернантки, избранная ей стратегия, разделяющая мир на реальный и иллюзорный, а как замалчивание определенных тем в тексте, усиливающее эффект «атмосферности». Как фигуру умолчания докладчица рассматривает насилие. О насилии над детьми в прошлом (или настоящем) не говорится прямо, однако это «прочитывается» гувернанткой во всех происходящих с ними события, гиперсемиотизируется (термин В. Топорова¹), вызывая как у героини, так и у читателей «нравственное смятение», или *moral panic* (термин Стенли Коэна²). Пытаясь понять, что происходило с ее воспитанниками, и защитить их, гувернантка под действием своих страхов интерпретирует прошлое детей как угрозу моральным ценностям; при этом насилие и сексуальные мотивы – ключевые для этой интерпретации – остаются непроговоренными, замалчиваемыми на протяжении всей повести. «Моральная паника», усиливающаяся за счет умолчания, становится, по мысли исследовательницы,

¹ Топоров В.Н. К семиотике предсказаний у Светония // Труды по знаковым системам. Т. 2. Тарту, 1965. С. 198–209.

² Коэн С. Народные дьяволы и моральная паника. Создание модов и рокеров / Пер. с англ. А. Морозова, Д. Хамис; под науч. ред. Е. Бондал. М., 2022. 352 с.

«важной движущей силой повествования» – и служит моделированию тревожной, напряженной и неуютной атмосферы текста.

Следующие доклады секции были посвящены «Повороту винта» как основе для многочисленных адаптаций. Выступления довольно четко делятся на две группы. Первые три можно обозначить как своеобразную антитезу докладам о тишине и (у)молчании – три доклада посвящены звуку в адаптациях повести, а во второй тройке докладов рассматриваются другие адаптационные стратегии: нарративные изменения, работа с эффектом саспенса, с образом Другого. Первым из этой тройки был доклад В. Матях (МГУ) «Рождение хоррора из духа музыки: лейтмотивы в опере Б. Бриттена “Поворот винта”». Докладчица сосредотачивает внимание на отражении в опере Бриттена «литературной амбивалентности» повести Джеймса – отсутствии возможности однозначной интерпретации событий. Исследуются используемые для создания этой «амбивалентности» как музыкальные средства, так и либретто и сценография: атмосфера неопределенности и двусмысленности в опере создается музыкальными лейтмотивами, работой с освещением и декорациями. Материалом для анализа становятся различные постановки оперы, в частности в Мариинском театре (премьера 17 апреля 2006 г.).

Исследование звука в адаптациях повести продолжено в докладе П. Левиной (МГУ) «Голоса призраков: Звук в “Повороте винта” Генри Джеймса и “Невинных” (1961) Джека Клейтона». Докладчица обращает внимание на то, что в повести Джеймса наличие / отсутствие звука служит границей между двумя пространствами. Первое – пространство «объективного», «реального», того, в чем читателю не приходится сомневаться (маркируется наличием и разнообразием описания звуков). Второе – пространство «фантастического», или ментальное пространство героини (маркируется тишиной). В адаптации повести Д. Клейтоном эта граница, по мысли докладчицы, стирается: фантастическое (например, появление призраков) маркируется уже не зловещей тишиной, как у Джеймса, а различными звуковыми эффектами: шепотом, песней-лейтмотивом, раскатом грома. Отсутствие этой границы только подчеркивает эффект неуверенности и неопределенности: реальное и фантастическое сложнее отделить друг от друга. Однако докладчица выделяет в фильме Клейтона и использование приема «зловещей тишины» из повести Джеймса; тишина в кинотексте также моделируется звуковыми средствами (например, в начале фильма вместо заставки звучит песня, которую поет Флора).

Звук в другой, более современной киноадаптации повести рассмотрела в своем докладе «Звук, сводящий с ума: “Поворот винта” в платформенном сериале “Призраки усадьбы Блай” (2020)» Д. Алиева (Школа философии и культурологии НИУ ВШЭ). Докладчица сосредотачивает внимание на звуке как на главном средстве создания «тревожной атмосферности»; этому служат контрастные созвучия (пение птиц постепенно сменяется низким тревожным гулом), недиегетическая (не принадлежащая повествовательному миру сериала) тишина, индустриальные шумы (звук которых часто выходит на первый план и слышится отчетливее, чем это могло бы быть в жизни, что вызывает тревогу), телесные звуки (плач, шепот, крик) и музыкальные лейтмотивы (которые в сериале закрепляются за комнатами в доме). Звук в «Призраках усадьбы Блай», как и в других адаптациях повести, становится главным средством погружения зрителя в «атмосферный мир»: он непосредственно, зачастую телесно воздействует на зрителя и апеллирует к его естественным физиологическим ритмам; кроме того, дистанцироваться от звука сложнее, чем от визуальных образов.

К сериалу «Призрак усадьбы Блай» и к фильму «Невинные» обратилась и М. Москотина (РГГУ) в докладе «Саспенс как атмосферный эффект: от прозы Джеймса к сериалу 2020-го года». В нем исследовательница сосредотачивается не на одном средстве (звуче), а на совокупности литературных приемов и элементов киноязыка, вызывающих эффект саспенса, пытаясь проследить, как данные приемы изменяются в повести и ее адаптациях. Докладчица выделяет основное отличие сериала 2020 г. от повести и более ранней экранизации: в сериале вариативность интерпретации отсутствует, призраки являются предметом «объективной» реальности сериала, а не продуктом сознания героини. В докладе выделяются и другие отличия двух экранизаций. Иную роль играют детали-символы: в сериале они не обладают метафоричностью и кажутся оторванными от нарратива. В современной экранизации «пугающие» приемы используются чаще, чем средства постепенного нагнетания атмосферы – саспенс в «Невинных» непохож по своему содержанию на саспенс в «Призраках усадьбы Блай».

Сериалу 2020 г. посвящен и доклад Э. Умеровой (СПбГУ) «От текста к экрану: адаптация и трансформация “Поворота винта” Г. Джеймса в сериале “Призраки усадьбы Блай” М. Флэнагана». Докладчица сосредоточилась на нарративных изменениях, которые происходят с текстом Джеймса при его адаптации; так, время действия переносится в 1980-е, трансформируется образ гувернантки, появляются новые персонажи, интертекстуальные отсылки к значимым для готического жанра текстам и к другим произведениям Г. Джеймса, – все это сокращает дистанцию между текстом Джеймса и современным зрителем. Как и в предыдущем докладе, здесь подчеркивается главное изменение – устранение неопределенности и неоднозначности при интерпретации, наделение призраков несомненной реальностью, что, по мнению докладчицы, усиливает атмосферу ужаса.

Сообщение П. Бочковой (МГУ) «Опознание “другого” в повести Джеймса и фильме А. Аменабара “Другие”» посвящено менее известной адаптации повести и предлагает альтернативный взгляд на тексты: они рассматриваются как исследование механизма соотношения себя с другими (или невозможности такого соотношения – «othering»). Докладчица начинает с перечисления признаков, по которым фильм, сюжетно отличающийся от текста Джеймса, можно назвать его адаптацией («вариацией на тему»): главным из них оказывается необходимость зрителя делить персонажей на «своих» и «чужих». При этом вариантов такого деления несколько, и «чужим», «другим» может оказаться любой из героев; в частности, в такую позицию ставит себя гувернантка, героиня повести Джеймса. Исследовательница рассматривает диалог с «другим» в рамках восприятия текста с разных точек зрения: так, воображение гувернантки создает «других», но сама гувернантка – «другая» для детей и призраков, а все герои фильма, независимо от своей природы, остаются «другими» для зрителя.

Завершила Круглый стол И.В. Головачева, которая поделилась своим опытом исследования повести «Поворот винта», а также участия в его адаптации для сцены – первой постановки повести в Эрмитажном театре Санкт-Петербурга – и общения с актерами. Исследовательница также подвела итоги встречи, отметив, что, хотя повесть и не стала более однозначной для восприятия, докладчицы заполнили множество пробелов и ответили на многие вопросы, которые вызывает текст Джеймса. В представленных докладах «Поворот винта» и его адаптации были рассмотрены как комплекс родственных текстов, общим для которых является оказываемый на зрителя эффект: тексты захватывают, держат в напряже-

нии, пугают, погружают в определенную «атмосферу». В сообщениях Круглого стола были обозначены главные приемы, которые делают «атмосферным» текст повести Джеймса, в том числе различные нарративные стратегии (игра с точками зрения и фокализацией, лакунарность повествования), многообразие рецептивных эффектов (заполнение лакун, переживание ужаса), а также стратегии, которые помогают передать этот эффект при адаптации (работа со звуком и тишиной, нарративные изменения, работа с эффектом саспенса, с образом «другого»). В заключительной реплике Головачева подчеркнула, что текст Джеймса, который обрел множество адаптаций и медийных вариаций, привлекает к себе внимание исследователей из разных областей знания, требуя от них внимания как к отдельным деталям, так и к произведению в целом.

Сведения об авторах:

Полина Сергеевна Левина,
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Polina S. Levina,
Postgraduate Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
p.levina15@mail.ru

Глафира Алексеевна Остробородова,
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Glafira A. Ostrobородova,
Postgraduate Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
g.ostrobородova@gmail.com

ISSN 2309-9917
DOI 10.24249/2309-9917-2025-70-2-1-104

STEPHANOS
2025
№ 2 (70)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow
2025
Март — March